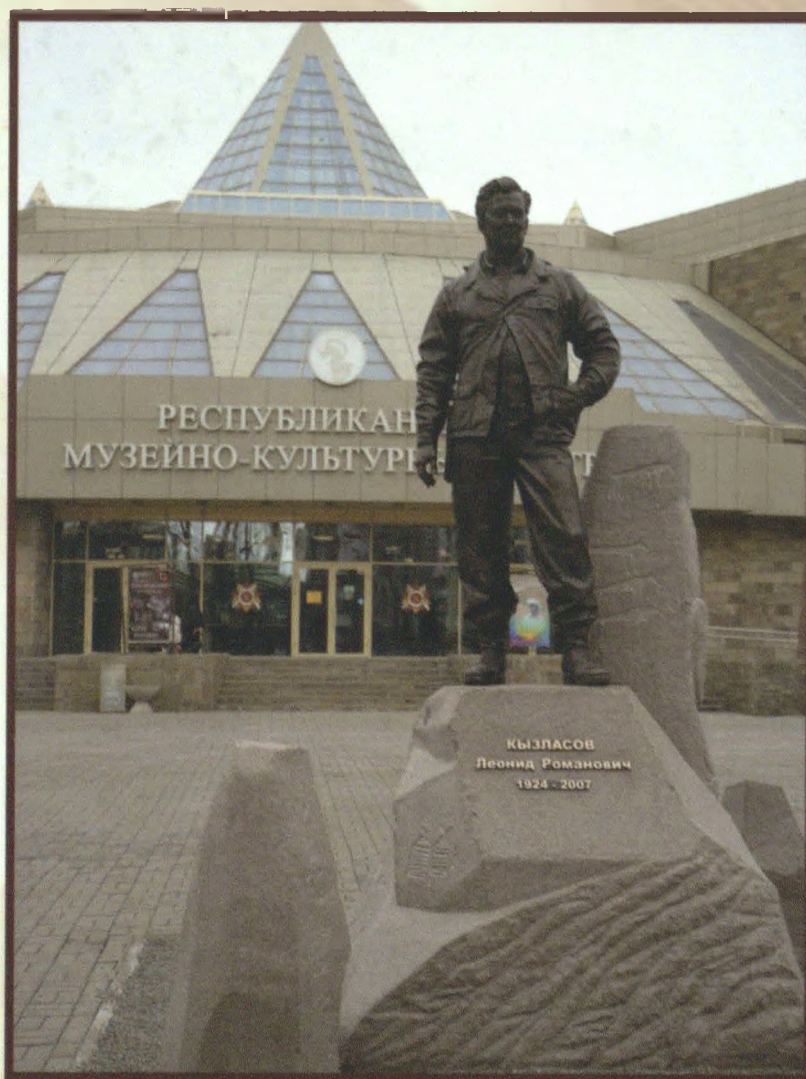

63.48Д (2Рос.Хак)

А-90

10/1

А. С. Асочаков

**НАУКОЙ И ХАКАСИЕЙ
ПРИЗВАННЫЙ**

Серия «Гордость Хакасии»

Продолжить работу по увековечению памяти выдающихся людей Хакасии, внёсших большой вклад в развитие республики и оставивших глубокий след в её истории, культуре и экономике.

Из резолюции XIV съезда хакасского народа, 15 апреля 2021 г.

Леонид Романович Кызласов
24.03.1924–24.07.2007

63.484 (2 Рос. Хака)

A-90

Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Хакасское региональное общественное движение хакасского народа

А. С. Асочаков

НАУКОЙ И ХАКАСИЕЙ ПРИЗВАННЫЙ

ГБУК РХ "НБ
им. Н.Г. Доможакова"

Абакан

Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова

2024

ХХ
7.7.7.606-7
4-909774 жх

УДК902
ББК 63.4
А90

Проект реализован при грантовой поддержке
Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия
в рамках реализации целевых социальных программ негосударственных некоммерческих
организаций Республики Хакасия в 2024 году по направлению
«Укрепление межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений,
профилактика экстремизма и ксенофобии»

*Автор выражает благодарность за помощь и поддержку при подготовке книги
своим друзьям – доктору исторических наук Игорю Леонидовичу Кызласову
и народному писателю Республики Хакасия Валерию Викторовичу Полежаеву.*

Фото на обложке Р. Н. Дзязько

Асочаков А. С.

**А90 Научкой и Хакасией призванный / А. С. Асочаков. – Абакан : Хакасское книж-
ное издательство имени В. М. Торосова, 2024. – 192 с.**

ISBN 978-5-7091-1077-9

Книга посвящена жизни и деятельности известного учёного историка-археолога, почётного профессора
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Леонида Романовича Кызласова.

Издание представляет интерес для учёных, преподавателей, аспирантов, студентов, краеведов, а также
всех тех, кто интересуется историей России и Хакасии.

© Асочаков А. С., 2024

© Оформление. ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Родовые корни. Роман Афанасьевич Кызласов и Христина Витольдовна	7
Годы детства	17
Арест отца	28
Его студенческий Томск	45
Юность, опалённая войной	57
Жизнь, равная бессмертию	78
Наша сибирская античность	113
Сметая кисточкой пласты столетий	119
Вехи жизненного пути археолога	125
Об этногенезе хакасского народа	128
Первопроходец мировых открытий	136
Поэма «Сампир»	144
Л. Р. Кызласов и музейное дело	151
Заветное слово дочери	160
Юбилейные дни	180
Послесловие	187
Литература и источники	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Признаюсь: не сразу пришёл к решению написать книгу о многогранной жизни и деятельности Леонида Романовича Кызласова, у которого в своё время, будучи совсем молодым человеком, я работал в экспедициях на раскопках в Хакасии. Очень трудно в полном объёме и объективно раскрыть образ человека, который оказал сильное влияние на моё становление как личности. В одном точно уверен: мой человеческий долг – рассказать другим, прежде всего молодёжи, о великом учёном России и Хакасии, который, как истинный патриот родной земли и подвижник науки, лопатой вскрыл богатую историю нашей древней Хакасии.

Так с чего же начать? Как и у многих людей предвоенного поколения страны, у Л. Р. Кызласова были счастливые тропинки детства, а потом – тревожные ночи надуманного ареста отца, трудные огненно-кровавые дороги войны, послевоенные пытливо-познавательные студенческие годы. Потом бесконечные тысячекилометровые маршруты изыскательских экспедиций, написание статей и монографий, издание научных трудов и книг, создание, наконец, своей археологической школы, в которой познавали азы науки его личные ученики. Неутомимый учёный историк-археолог Леонид Романович Кызласов был верен своему призванию всю жизнь.

По нашей народной традиции надо начинать с истории рода и семьи.

Ну, а теперь пройдем по земным путям-дорогам предков Л. Р. Кызласова, внимательно перелистаем страницы жизни по линии его отца и матери.

Для того, чтобы как можно подробнее рассказать о родовых предтечах Романа Афанасьевича и Христины Витольдовны, начнём, пожалуй, с Романа Афанасьевича Кызласова... Началом изложения послужит рассказ Леонида Романовича об отце.

В книге использованы фотоматериалы и подписи к ним из сборника «Пурунгылар істерін хорбалап» («По следам древности», 2024 г.)¹ (с. 2, 13, 19, 23, 29, 38, 59, 60, 63, 80, 84, 85, 86, 87, 88, 102, 159, 167), собранного и обильно проиллюстрированного Л. В. Костяковой, фотографии из личных архивов И. Л. Кызласова (с. 14, 16, 41, 42–44, 129, 137, 147, 154, 157, 158) и Г. Г. Король (с. 104, 105, 130), а также из открытых источников.

¹ Пурунгылар істерін хорбалап = По следам древности: сборник статей / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. На хакасском языке. Абакан: Хакаское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2024. 312 с.

РОДОВЫЕ КОРНИ

Роман Афанасьевич Кызласов и Христина Витольдовна

Роман (хак. Уроман) родился в 1896 г. в Кызласовском улусе (Кызласовтар аалы) на р. Малой Еси

, относящемся к Аскизской инородческой управе Минусинского округа Енисейской губернии. Он был четвёртым ребёнком в семье бедного хакаса Попана – (по-русски Афанасий) Кызласова.

Семья принадлежала к этнической группе сагайцев, папа – из рода горная ворона (род – **харга**, колено – **таг харга**). В 1901 г., во время эпидемии тифа, дети остались круглыми сиротами. По хакасскому обычаю их дядя по матери Николай Сидорович Тодиков перевёз сирот Романа, Анастасию и их старших братьев Иосифа и Афанасия в Тодиков-аалы на Уйбатскую Бейку, близ Чарковтар-аалы. Здесь, на границе горной тайги и Уйбатской степи, они и выросли.

С раннего детства Р. А. Кызласов испытал тяжёлую долю бедняка в условиях царской России: нищету, голод и холод, мрак невежества, батрачество, унижения... С восьмилетнего возраста и до совершеннолетия Р. А. Кызласов был пастухом и работником у хакасских баев и русских кулаков, подвергаясь беззастенчивой эксплуатации и работая от зари до зари за ничтожное вознаграждение. С 14-ти лет он стал сам учиться писать буквы по-русски и пытаться читать редко попадавшие ему книжки.

Роман Кызласов стремился к грамотности, к знаниям, как он сам позднее писал об этом, «с неудержимой жаждой». О школе он тогда и мечтать не мог. Не зная русского языка, Роман, естественно, поначалу не понимал прочитанного. Чтобы научиться говорить по-русски, он стремился жить среди русских крестьян и рабочих. Для этого сначала батрачил в русской деревне Сухая Тесь (1913–1914), затем весь 1915 г. работал шахтёром на медном руднике Темир в верховьях р. Нини.

Роман рано осознал, что знание русского языка и овладение основами русской народной культуры есть единственный путь для выхода

хакасского народа из темноты колониального прошлого, из «ясашиного» состояния, в котором его держали почти два столетия.

Для того, чтобы и дальше совершенствоваться в русском языке и иметь связь с учениками школ и от них учиться грамоте, Р. А. Кызласов едет в единственный в то время уездный г. Минусинск и работает в 1916–1917 гг. дворником и кучером у местных купцов. Подучившись русскому языку и начальной грамоте по вывескам, он стал с жадностью читать книги, а в период Февральской и Октябрьской революций посещал многолюдные митинги и собрания. Хотя в силу своей культурной отсталости он ещё многого не понимал, но стал впервые читать газеты и, захваченный всеочищающей революционной волной, быстро прозрел и вырос политически. После установления советской власти в Минусинском уезде батрак и рабочий Р. А. Кызласов стал сочувствующим партии трудящихся всех народов России – партии большевиков. В Минусинский Совет входили представители хакасов, к которым примкнул и Р. А. Кызласов. Для Минусинского Совета каждый сочувствующий хакас, мало-мальски знающий русский язык и русскую грамоту, представлял в то время большую ценность. С помощью таких активных работников можно было нести слово правды о новой жизни в глухие хакасские улусы, можно было создавать первые кадры молодой хакасской интеллигенции.

Памятуя положение В. И. Ленина (высказанное им ещё в 1905 г.) о том, что «потребительские общества есть в известном смысле кусочек социализма»², многие представители новой власти справедливо полагали, что возрождение неграмотных и забитых трудящихся хакасов следует начинать с потребительской кооперации. Так, в феврале 1918 г. Р. А. Кызласов стал членом правления Синявинского общества потребителей и с тех пор всю жизнь был активным просветителем своего народа и участником кооперативного движения в Хакасии.

Ему, вышедшему из народных низов, люди верили, как никому другому. Он стал доверенным лицом своего народа. Вся Хакасия

² Ленин В. И. ППС. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Том. 11. С. 91.

знала его. Постоянно ощущая свою малограмотность и тяготясь ею, Р. А. Кызласов в 1919–1923 гг. учился в Минусинске и Красноярске на кооперативно-счетоводных курсах и на курсах местных работников по внешкольному образованию. Он много читал, постоянно занимался самообразованием. Настольными у него были книги замечательного популяризатора науки Н. А. Рубакина. В эти годы он работал счетоводом, членом и председателем правления потребкооперации, инструктором по ликвидации неграмотности в хакасских районах, секретарём сельских Советов.

В 1920 г. Роман Афанасьевич состоял членом Сиявинского волостного ревкома. Будучи инструктором Политпросвета Минусинского уезда, Кызласов был активным организатором в хакасских улусах (от Усть-Фыркала до Усть-Еси и Усть-Соса) клубов и библиотек, школ для взрослых и изб-читален, любительских спектаклей, в которых сам принимал участие. Разъезжая по роду своей деятельности по всей Хакасии, он снискал себе славу отличного оратора на родном языке.

Р. А. Кызласов читал доклады о текущей ситуации в связи с новой экономической политикой, о культурной работе в улусах, о народном образовании и пользе просвещения, о значении внешкольного образования для взрослых, о любви к книгам и составлении сборников новых хакасских песен, стихов и рассказов, записанных русскими буквами. Всё это сопровождалось разъяснением хакасским трудовым людям: почему важно овладеть русским языком и через него зачатками европейской культуры. Необходимо напомнить, что это происходило в трудные и голодные годы, когда только что окончилась Гражданская война, но ещё много вреда приносили продолжавшийся бандитизм и сопротивление кулачества; когда свирепствовали болезни и не только отсутствовали кадры врачей, учителей и библиотекарей, но не хватало даже малограмотных людей; когда инструктор Кызласов с трудом добывал для открываемых им школ буквари, бумагу, карандаши и керосин, сам демонстрировал пользу мыла.

Почему такой разнообразной деятельностью занимался кооператор? Чтобы понять это, необходимо вспомнить о кооперативном плане, выдвинутом в те годы В. И. Лениным. Вот что писалось им

в статье «О кооперации»: «...наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве»³. Поэтому потребительская кооперация вела в те годы разнообразную культурно-просветительскую работу в деревне, особенно среди женщин и молодёжи.

С начала 1921 г. Р. А. Кызласов начал печатать заметки в газете «Красноярский рабочий», а затем становится хакасским сельским корреспондентом газеты «Власть труда», выходившей в г. Минусинске. Писал он под псевдонимом Сагайхаас, самым этим именем призывая к объединению двух крупных групп хакасов – сагайцев и качинцев. Его статьи в 1920-е гг. публиковались также в журнале «Енисейский кооператор» и в других кооперативных и краеведческих журналах Западной Сибири.

В марте 1921 г. Р. А. Кызласов участвовал в известном совещании по подготовке хакасской письменности на основе русского алфавита, которое происходило в г. Красноярске. Стремясь активно содействовать скорейшему созданию новой хакасской письменности, Роман Афанасьевич, пользуясь русскими буквами, выполнил в 1923 г. серьёзный филологический труд. Сохранилась рукопись составленного им словника под названием «Перевод с русского на инородческий язык». В ней автор в алфавитном порядке представил около 580 русских глаголов в инфинитивной форме с их переводом на хакасский язык в форме инфинитива и первого лица единственного числа в настоящем, прошедшем и будущем временах.

Современные лингвисты-хакасоведы отмечают, что материалы эти интересны тем, что в них отражены особенности сагайского говора, граничащего с качинским диалектом, носителем которого был и сам автор. Поэтому в этих материалах зафиксировано своеобразное сочетание сагайского и качинского диалектов, составляющих основу

³ Ленин В. И. ППС. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Том. 45. С. 370.

общехакасского языка. Автор, видимо, чувствовал эту особенность говора, поэтому предлагал взять за основу хакасского письменного языка сагайский и качинский диалекты.

Р. А. Кызласов в статье «О хакасской письменности» в газете «Власть труда» от 16 октября 1924 г. прямо указывал, что при составлении учебников для хакасских школ следует «взять смешанное наречие сагайцев с качинским, которое является общим для всех остальных наречий». Так и вышло.

С меньшим успехом Роман Афанасьевич старался создать такие хакасские художественные произведения, которые можно было бы в качестве определённой заявки прямо ввести в сферу русской литературы. Для этого он, весьма дерзновенно, писал по-русски первые хакасские стихотворения в прозе. Лирика его была романтической. Сохранились две тетрадки образцов этих стихотворений Р. А. Кызласова, но осталось неизвестным, были ли их хакасоязычные прототипы. Уцелели лишь слова одной песни на хакасском языке, которую Уроман написал для слушателей первых курсов хакасских учителей русскими буквами.

В 1925 г. Р. А. Кызласов становится кандидатом в РКП(б) и продолжает активно работать в потребительской кооперации, наряду с большой культурно-просветительской деятельностью. Рекомендовали его в партию с двухгодичным кандидатским стажем, согласно действовавшему в то время уставу, самые известные деятели Хакасии – председатель Хакасского исполкома Г. И. Итыгин, ответственный секретарь Хакасского комитета РКП(б) У. Я. Котляр и председатель правления Хакасского отделения Минусинско-Хакасского союза кооперативов И. А. Паутов.

В 1927 г. Р. А. Кызласов становится членом ВКП(б). С 1924 г. он работает инструктором по хакасским районам в Минусинско-Хакасском союзе кооперативов, с 1927 г. – в Хакасском союзе и в 1928–1929 гг. – в Енисейском союзе.

Будучи выдвиженцем советской власти, причём из среды беднейшей части хакасов, Р. А. Кызласов, многого достигший самообразованием и до того учившийся только на краткосрочных курсах, в 1929 г.

направляется на учёбу в г. Ленинград. В 1929–1931 гг. он учится сначала на подготовительном отделении, а затем на рабфаке Ленинградского торгово-товароведческого института Центросоюза (позже – Институт совторговли). С января 1931 г. Р. А. Кызласов становится студентом того же института.

За годы учёбы в Ленинграде ему, отличавшемуся большим трудолюбием, удалось наконец удовлетворить свою жажду к знаниям и высокой культуре. В 1934 г. Р. А. Кызласов успешно окончил институт и получил специальность плановика-экономиста-синтетика. Это был первый хакас, получивший высшее специальное экономическое образование и широкую историко-культурную подготовку за 6 лет своего проживания в редчайших условиях уникального г. Ленинграда и всех его пригородов.

Вернувшись в Хакасию, Р. А. Кызласов с 1934 г. работает заместителем председателя, а затем председателем правления Хакасского облпотребсоюза. Энергичный и волевой работник, он стремится отдать все свои силы, знания и приобретённый опыт делу культурного и экономического развития всего населения родной Хакасии. Он постоянно преподаёт на различных курсах, стремясь подготовить молодые кадры для подъёма потребительской кооперации на более высокую ступень её деятельности, публикуется в печати. Будучи человеком дисциплинированным и требовательным к себе, он предъявлял строгие критерии и к поступкам окружающих, но вместе с тем всегда отличался справедливостью, общительностью и доброжелательностью по отношению к людям. Соответственно велению времени и своим убеждениям Р. А. Кызласов находился в активе областной партийной организации. Он избирался парторгом института в студенческие годы и членом Хакасского обкома в последний период своей деятельности.

Прекрасный лектор и докладчик, он вёл большую работу по внедрению разносторонних стимулов для подъёма культурного уровня населения Хакасии, для приобщения хакасов к европейской культуре и материальному благосостоянию. Роман Афанасьевич ездил по деревням в пору посевной и уборочной кампаний и на кооперативные заготовки. Молодым, решительным, инициативным и особенно многообещающим

*Р. А. Кызласов
(1896–1938)*

в будущем – таким запомнили его люди старшего поколения.

Занятия на курсах и активная общественная жизнь ввели Романа Афанасьевича в круг минусинской интеллигенции. В августе 1921 г. знакомые предложили ему съездить с ними на заимку на Тагарском острове. У поездки была совершенно определённая цель. Позднее в его дневнике была сделана запись: «Они меня завлекали, говоря, дочь у Гурницких прилич-

ная барышня». Так произошла встреча 25-летнего Романа Афанасьевича с 18-летней Христиной, через два года ставшей его женой. Креня, так её ласково звали дома. Их венчание состоялось 30 мая 1902 г. В столбце читаем, что жених – дворянин Радомской губернии, Конского уезда, деревни Близин, Витольд-Теодор Мариан Гурницкий, римско-католического вероисповедания, первым браком, 20 лет. В столбце «невеста» написано, что она из 1-й половины Сагайского рода инородческая дочь девица Евдокия Николаевна Тиникова, православного вероисповедания, первым браком, 18 лет. Поручителями (свидетелями) выступили: по жениху – минусинский мещанин Григорий Кондратьевич Терсков и инородец Бельтирского рода Вениамин Харитонович Тормазаков, по невесте – инородцы Иван Тиников и Василий Курчечков. Таинство венчания совершил священник Василий Суховский с псаломщиком Алексеем Смиренским.

Приведу здесь пояснение Клары Романовны Кызласовой (сестры Л. Р. Кызласова): «Мой дед по материнской линии, Витольд Доменикович Гурницкий, по происхождению поляк. В 1897 г. семнадцатилетним юношей он добровольно, с этапом заключённых, пришёл из Варшавы в Сибирь к ссыльному отцу, который был выслан из Польши в Сибирь

*В. Д. Гурницкий
(1880–1947)*

в 1893 г. на вечное поселение. Здесь он работал юристом у золотопромышленника И. П. Кузнецова в с. Аскиз».

В 1908 г. В. Д. Гурницкий вместе с семьёй переезжает в Красноярск. Три года работает грузчиком и экспедитором в газете «Красноярский вестник». В 1916–1919 гг. он – рабочий на стекольном заводе Данилова. После разгрома Колчака семейство Гурницкого переезжает в г. Минусинск. В 1919 г. он организует там артель «Каменотёс» в п. Горный на Тагарском острове, в 7 километрах от г. Минусинска. Артель делала каменные жернова, точила и бруски. В 1927 г. эта самая артель переехала на станцию Абакан, где с 1930 г. начала производить стройматериалы. Вскоре был построен алебастровый завод на разъезде «Оросительный» и налажено снабжение алебастром многих новостроек Сибири. До 1933 г. В. Д. Гурницкий был постоянным председателем этой артели, называвшейся «1-я пятилетка».

В 1933–1939 гг. Витольд Доменикович работал инспектором в конторе Уполномоченного наркомата заготовок по Хакасской автономной области, а в 1940 г. вышел на пенсию и посвятил себя литературному труду. С 1923 г. В. Д. Гурницкий стал постоянным рабочим корреспондентом минусинской газеты «Власть труда», где печатался под псевдонимом Точило. В 1920-е и 1930-е гг. он публикуется также в газетах «Советская Сибирь», «Красноярский рабочий» и «Советская Хакасия». Это были не только заметки на производственные и культурно-бытовые темы, но и небольшие рассказы и даже сказки.

В 1936 г. В. Д. Гурницкий заканчивает первую часть автобиографической повести «Шагом по жизни». В 1930–1940-е гг. в его доме бывали: писатели А. Кожевников, С. Сартаков, М. Скуратов, В. Ширягин; поэты И. Ерошин, Г. Суворов, П. Штыгашев; фольклорист А. Гуревич, директор краевого издательства И. В. Кокорев, а также начинающие хакасские писатели М. Коков, Н. Доможаков, М. Кильчичаков и другие.

В 1940–1941 гг. в «Красноярском альманахе» в двух выпусках вышла в свет повесть В. Д. Гурницкого «В хакасских степях».

Легко поймать себя на мысли, что семьи Р. А. Кызласова и В. Д. Гурницкого очень были схожи по своему уровню деятельности, развития и просвещения. Создаётся даже впечатление, что они шли вперёд чуть ли не параллельным курсом и как будто свыше предназначены были соединиться в общее родословное древо. Возможно, это сказано слишком поэтически, но, по существу, верно, согласитесь.

Как сошлись молодые в жизни, кем были их родители, чем занимались?

Не лишне ещё раз рассказать о первом их знакомстве. Вот что записал в своём дневнике Роман Кызласов о знакомстве с семьёй Гурницких, которое состоялось в августе 1921 г.: «Выехали мы из Минусинска в 5 часов вечера, расстояние мы проехали порядочно, около 7-ми верст, за Опытным полем около горы... Я никак не предполагал, что так ласково примут меня. ...Кругом было пять или шесть избышек и огородик с овощами. Местность мне сразу понравилась». Здесь же впервые Роман Кызласов познакомился с будущей своей женой Христиной Гурницкой. В своём дневнике он написал: «Такое хорошее впечатление осталось от короткого пребывания среди этих ласковых людей, каких я ищу и желаю такую семью». Это желание сбылось.

С декабря 1921 г. Роман Кызласов практически жил в Бее, где организовывал работу школ для взрослых и детей.

Пришлось постоянно ездить: «Вторник. 13 декабря 1921 г. Я уже живу третий день в Бее, из улуса Чарков я приехал в воскресенье, т. е. 11-го. Скитальческая жизнь, вечные переезды без определённого спокойного угла...» Однако уже 14 декабря он вновь был в улусе Чарков, где провёл съезд председателей и секретарей Советов Синявинской волости. Уже 15 декабря провёл собрание жителей Чарковского и ближайших улусов. На собрании обсуждались вопросы об организации школы для взрослых и создании волостного клуба.

Всё случилось в 1923 г. Вот что он пишет: «Я женился 31 мая на своей возлюбленной Христине Витольдовне. Венчание состоялось в Чарковской церкви. Мне в этот день было от роду 26 лет 5 месяцев,

*Х. В. Кызласова
(1903–1942)*

а моей жене было 20 лет 3 месяца 27 дней. Она родилась в 1903 г. Свадьба была в Бес. На свадьбе были родители жены, вообще народу было порядочно».

После свадьбы молодые стали жить в с. Синявино. Христина Витольдовна в последующем работала учителем в школе улуса Чарков, а затем с. Синявино. Роман Кызласов переехал сюда 12 июня, стал работать членом правления Синявинского общества потребителей и счетоводом в конторе. 24 марта 1924 г. у молодых супругов родился их первенец Лёня.

В связи с образованием Хакасского уезда в 1924 г. Р. А. Кызласов был переведён в уездный центр инструктором по хакасским районам в Хакасское отделение Минусинско-Хакасского союза кооперативов, с 1927 г. он трудится в Хакасском союзе и в 1928–1929 гг. – в Енисейском союзе. В 1929 г. Р. А. Кызласова направляют на учёбу в Ленинград. Его супруга Христина поступает в 1931 г. в Ленинграде в педагогический институт им. Герцена. В 1934 г. Р. А. Кызласов успешно окончил Ленинградский торгово-товароведческий институт Центросоюза.

Семья Кызласовых вернулась в Абакан, где в это время жили Гурницкие в своём новом доме, который был построен между четвёртой и пятой улицами (ныне ул. Советская и проспект Ленина) по ул. Черногорской (сейчас – Ленинского Комсомола), т. к. по ней шла дорога на Черногорские копи. Туда население ездило за углём. Параллельная улица получила название Спортивная (ныне Ярыгина). Между этими улицами находилась Черногорская площадь (сейчас парк Победы), где прошло детство Лёни и Клары Кызласовых.

После возвращения из Ленинграда семья Кызласовых жила у деда, в доме Гурницких. Христина Витольдовна ещё на год осталась в Ленинграде для завершения учёбы в институте. Летом 1935 г. она

вернулась в Хакасию и стала работать в Абаканском педагогическом училище. С её приездом в училище было впервые создано дошкольное отделение, где она работала заведующей. Христина Витольдовна Кызласова в те годы была единственным специалистом по дошкольному образованию и успела подготовить несколько десятков специалистов детских дошкольных учреждений для Абакана, Хакасии и южных районов Красноярского края.

Между тем семья молодых специалистов Кызласовых росла. В начале 1937 г. у них, после Лёни и Клары, родился третий ребёнок – сын Евгений.

ГОДЫ ДЕТСТВА

Леонид Романович Кызласов родился в семье, в которой воспитанию и образованию детей уделялось особое внимание⁴. В пять лет он уже умел писать. Так, в письме своей бабушке Дуне из г. Детское Село Ленинградской области в марте 1931 г., ещё до начала школьного обучения, маленький Лёня писал: «Мне 24 марта будет 7 лет. Сам я вам пишу письмо. Учусь считать». Письму и счёту его обучала мама, Христина Витольдовна, которая с шестнадцати лет, по окончании Красноярской прогимназии, работала учительницей в сельских школах. Она, несомненно, видела ранние задатки, стремление сына познавать окружающий мир, его желание к образованию.

После переезда родителей на учёбу в Ленинград в 1930-е гг. вся семья проживала в городе под названием Детское Село, где Лёня в 1931 г. пошёл в школу, а во втором и третьем классе он учился уже

⁴ Здесь и далее я часто пользуюсь биографическими свидетельствами домашнего архива Л. Р. Кызласова, периодически публикуемыми И. Л. Кызласовым как в специальных изданиях, так и в сборниках материалов краеведческих чтений, проводимых нашим Хакасским национальным краеведческим музеем (см. список использованной литературы). Игорем Леонидовичем систематически осмыслиются и научные особенности исследований Леонида Романовича.

СВИДЕТЕЛЬСТВО **О РОЖДЕНИИ № 5**

Гр. Кызласов Леонид рошан.
 родился(лась) 1924 г. 24 числа марта
 о чем в книге записей актов гражданского состо-
 яния о **РОЖДЕНИИ** за 1924 г. № 4. 18 числа

Подпись 18/III-54

Выдана соответствующая запись

Родители: Отец Кызласов рошан Афанас.
 Мать Кызласова Христина Вит.
 Место рождения: город Петергоф
 район Петергоф
 Отметка: Метрическая выписка
дана на основании врат.
свой, с пров.

М. П. Генеральный делопроизводитель

От оплаты госпош-
 лины освобождено

Свидетельств № 1007

3-я Гражданская

в Ленинграде, так как его родители стали студентами ленинградских вузов: Роман Афанасьевич был, как мы говорили, студентом Торгово-товароведческого института потребкооперации, а Христина Витольдовна – студенткой дошкольного отделения Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Родители Леонида Романовича воспитывали своих детей, стараясь в наибольшей степени развивать их природные способности. Кроме учёбы, они приобщали их к пониманию прекрасного, старались ввести в мир искусства и архитектуры. За четыре года, с 1931 по 1934 г., как вспоминал впоследствии сам Леонид Романович, не было почти ни одного воскресного дня, когда бы их семья не посетила музеи Ленинграда, Петергофа, Павловска и других близлежащих городов.

Архивные документы Р. А. Кызласова 1930-х гг. воссоздают атмосферу активных культурных исканий, окружавших подростка как

*Лёня Кызласов, 6 месяцев,
15 сентября 1924 г.*

в Ленинграде, так впоследствии и в провинциальном сибирском городке, – и всё благодаря влиянию родителей и школы. После встречи с учёными-археологами В. П. Левашёвой и С. В. Киселёвым зародился интерес к науке о древностях, пронесённый через суровые годы репрессий, Великой Отечественной войны и затем приведший его в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, в стенах которого он сформировался как учёный, который посвятил всю свою жизнь науке.

Известные материалы позволяют на конкретном жизненном примере рассказать о силе притягательного воздействия, оказанного на провинциального подростка двумя учёными-археологами, причём в условиях ещё довоенной Сибири.

Одна из них – Варвара Павловна Левашёва (1901–1974). В 1926 г., получив диплом о высшем образовании в Москве, уже через две недели она переезжает из Москвы в Омск и, став сотрудником Западно-Сибирского краеведческого музея, проводит разведки и раскопки в Прииртышье. В 1929 г. молодая учёная перебирается в г. Минусинск, заняв место археолога в местном краеведческом музее, и по 1946 г. изучает древности в долинах Среднего Енисея. Всюду в сибирских пределах исследовательница создаёт детские археологические кружки и привлекает к раскопкам школьников.

В. П. Левашёва (1901–1974)

Второе важное лицо – это Сергей Владимирович Киселёв (1905–1962). С 1928 г. он каждое лето и с большим успехом проводил полевые работы в Южной и Восточной Сибири: в Хакасско-Минусинской котловине и на Алтае, в Туве и Забайкалье. И всюду на его раскопках бывают многочисленные экскурсанты, итоги охотно докладываются в местных учреждениях науки, образования и культуры, проходят публичные лекции, организуются выступления по радио. В Хакасии под влияние двух этих замечательных, полных исследовательского энтузиазма учёных как раз и попал (счастливого попал!) совсем юный тогда Лёня Кызласов.

С. В. Кисёлев (1905–1962)

Интерес к истории и древностям вместе с влечением к широкому культурному кругозору был заложен в парнишку его родителями с малолетства. Его детские дневники рисуют удивительно цельное стремление к знаниям, отличавшее в то время жителей малого сибирского городка в целом. Оба этих обстоятельства следует обязательно принять во внимание. Именно годы раннего детства вызвали в хакасском мальчике Лёне с тупиковой тогда железнодорожной станции Абакан тягу к истории, культуре и чувство, со временем переросшее в глубокое осмысленное желание заниматься археологией, чтобы на родной земле познать древнюю самобытную культуру предков.

– У меня, благодаря отцу, было счастливое детство, – рассказывала дочь Клара Романовна Кызласова, – когда мы жили в Ленинграде, то практически каждый выходной ездили в Петергоф, Детское Село, бывали в Пушкинском лицее. С папой и мамой мы прошли буквально все замечательные музеи города на Неве, посещали и Оперный театр. А ведь отец – он был из глуши, медвежьего угла. С возрастом я сама удивлялась, откуда у него имелся такой огромный заряд жизненной энергии, такое огромное стремление познать исторические корни родной земли и такое рвение к высотам культуры!

С особым интересом к этим замечательным поездкам-экскурсиям относился мой старший брат Леонид. Он, в отличие от меня, много задавал вопросов родителям, порой просил рассказать что-то ещё, дополнительно, касалось то биографии известного человека, скульптуры или картины знаменитых скульпторов и художников. Помню,

больше всего Леонид любил останавливаться у археологических экспонатов, древних изделий, бытовой утвари. Мать или отец не торопили его – наоборот, ждали, поощряя интерес сына к прошлому. Невольно приходит мысль, что они как будто угадывали и предвидели судьбу своего дитя!

– Я часто ездила с отцом по области, – тепло вспоминала Клара Романовна те светлые, хорошие дни. – Бывал в этих поездках по степи и увалам, конечно, и мой старший брат. Запомнила: он с нескрываемым интересом встречал и провожал встречавшиеся по дороге курганы, что-то расспрашивал о них отца. С нами, не лишне сказать, всегда была передвижная киноустановка. Мы приезжали в село или улус, людям показывался фильм. Кино было немым, а народу сходилось и сбегалось много! Я прекрасно помню всё это...

Клара Романовна, как бесценную семейную реликвию, продемонстрировала дневники отца, начиная с 1920-х гг. В них образно, пластически передана атмосфера того грозного и революционного времени, а главное – подлинные чувства родного отца – человека, решившего посвятить всю свою жизнь борьбе за светлое будущее своего народа.

«30 октября 1922 г. Река Тёя, улус Усть-Сарагол. Я буду бороться до победного конца – несмотря на усталость, несмотря на все лишения. Я кончусь в этой борьбе – тяжёлой и беспощадной. Пусть меня, побеждённого бойца, зароят в сырую землю. Нет... Я выйду победителем! Ну, а если я не достигну задуманного – достигнет мой род – того, чего я не смог достигнуть».

Нужно сказать, что его дети и внуки выполнили завещание незаурядного человека, отражённое в его дневниковых записях. Отца, что любил их самозабвенно и всегда баловал – особенно дочурку, которой не мог отказать ни в чём.

Когда в 1934 г. семья Кызласовых вернулась в г. Абакан, Лёня начал учиться в семилетней Железнодорожной неполной средней школе, позднее – в школе № 1. Советское образование, независимо от местонахождения и численности школы, было направлено на знакомство каждого юного гражданина с основами общечеловеческих знаний и культуры. Для любознательного мальчика школьной программы оказалось

В ограде дома В. Д. Гурницкого

(г. Абакан, ул. Черногорская (Советская), дом № 38).

Слева направо: бабушка Евдокия Николаевна, её сын Виктор, внуки Лёня, Оля, Женя Галамеев, Клара и мама Христина Витольдовна. 1938 г.

недостаточно. Круг ближайших товарищей Кызласова (русский, украинец, еврей, бурят и хакас) собирался 2–3 раза в неделю, они читали друг другу рефераты по истории искусства, философии, произведения Шекспира, иных мировых литературных классиков, учили по самоучителю французский. В одной из тетрадей Л. Р. Кызласова той поры вёлся «Список книг, мною прочитанных». Любопытно, что к 1940 г. он составил 904 номера. Из художественных, литературно-искусствоведческих произведений, сочинений, посвящённых античности (включая и древних авторов), выделяются показательные научно-популярные книги:

Н. А. Рубакина «Практика самообразования» и С. Смайlsa «Саморазвитие умственное, нравственное и практическое» (из которой сделаны выписки), А. С. Ферсмана «Занимательная минералогия», Н. И. Безбородько «Минералы и породы», В. И. Крокоса «Земля, её происхождение и развитие», П. де Крюи «Охотники за микробами» и «Стоит ли им жить», Н. Константинова «Карта рассказывает», В. И. Лебедева «Занимательная техника в прошлом» и В. К. Никольского «Детство человечества».

Особенно интересны записи, сделанные из сборника «Краткие сообщения института археологии» Российской академии наук за 1939 г. Всё это говорит о том, как рано сформировался в Леониде Романовиче учёный и склонность к исследовательской работе. Достаточно сказать, что в списке прочитанного юношей к 16 годам были названы специальные исследования: три работы И. П. Кузнецова-Красноярского, шесть трудов Н. Ф. Катанова, две работы В. В. Радлова; А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова «Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)»; Н. Н. Козьмина «Хакасы», В. К. Хотяновского «Из прошлого Хакасии (историко-экономический очерк)», А. Р. Шнейдера и Л. Н. Добровой-Ядринцевой «Население Сибирского края: русские и туземцы» и другие. Здесь и далее указано по порядку прочтения: «Древние могилы Минусинского округа», «Из истории южной части Енисейской губернии», «Архив Аскызской степной думы». Нельзя не привести также «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков», «Известия Лоренца Ланге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах», «Письма из Сибири и Восточного Туркестана», «Татарские сказания о 7 отроках», «Среди тюркских племён», «Образцы народной литературы тюркских племён. Ч. IX», «Этнографический обзор тюркских племён Южной Сибири и Джунгарии». Достаточно сказать, что большинство названных книг прочитано юношей Леонидом Кызласовым в те самые 1938 и 1939 гг.

Несомненно, большую роль сыграла в его раннем развитии домашняя библиотека отца, который, по словам Л. Р. Кызласова, специально собирал научную литературу: в той же школьной тетради есть незавершённый «Список имеющихся книг», составившийся в 1939–1940 гг.

и содержащий названия 12 произведений, 9 из которых были им прочитаны. К сожалению, узнать состав домашней библиотеки уже не удастся, она была утрачена в годы войны. Но известно другое: хотя Роман Афанасьевич хотел видеть сына микробиологом, спасающим людей от болезней, в общении с ним старший Кызласов не раз делился душевной болью, страдая от того, что история хакасов остаётся неизученной.

Ранее, когда они жили в Ленинграде, полуголодная жизнь и сырой климат на берегах Невы привели маленького Лёню к туберкулёзу бронхиальных желез, поэтому в ноябре 1933 г. его отправили из Ленинграда в лёгочный детский санаторий в г. Детское Село. В 1936 г. Христина Витольдовна также возила сына в детский санаторий на озеро Боровое в Казахстан, где он лечился, а она жила рядом в доме лесника. Так, благодаря настойчивости матери, мальчика вылечили. Даже скажем, забегая вперёд, оставшись после ареста репрессированного мужа в 1937 г. одна, Христина Витольдовна продолжала заботиться о здоровье сына и в 1939 г. сумела достать ему путёвку в санаторий на озеро Шира. Несмотря на трудности, на желание Леонида помочь семье, она не разрешила сыну пойти работать, а требовала окончить среднюю школу и поступить в высшее учебное заведение. Когда Христина Витольдовна осталась в Ленинграде, ей понадобился ещё год до окончания учёбы в институте, она постоянно присылала детям интересные, познавательные детские книги, а отец, Роман Афанасьевич, стал выписывать на дом только что появившиеся тогда детские журналы «Пионер», «Костёр» и «Ёж».

Роман Афанасьевич и Христина Витольдовна проявляли к своим маленьким, постепенно взрослеющим детям не только родительскую заботу и любовь, но и выражали к ним уважение как к личностям, о чём свидетельствуют их отдельные письма, в которых они оказывали свою поддержку и делились семейными традициями. В свою очередь и дети постоянно писали им письма, в которых делились своими успехами и заботами. Так, находясь в санатории в Кисловодске в 1937 г., Роман Афанасьевич довольно часто получал письма от сына. В них Леонид делился с отцом, например, тем, что «мама нас не пускает на реку Абакан, и мы всё время сидим в городе. Пыль, духота...» Сын также, уже не без

гордости, сообщал: «Я учёбу кончил и перешёл в 7-й класс с похвальной грамотой... Планы ехать в пионерлагерь в Баланкуль». В 1937 г. Кызласовы купили для сына самую большую гордость и ценность для многих мальчишек того поколения – ве-ло-си-пед!

Время шло... Четырнадцатилетнему мальчику, побывавшему в знаменитых музеях Ленинграда, проникнуться, а возможно, вжиться и прочувствовать древнюю историю помогло знакомство с Варварой Павловной Левашёвой. Она работала, как мы уже писали, в то время археологом в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартянова. Благодаря ей Леонид Романович впервые принял участие в 1938 г. в расчистке погребений тагарско-таштыкских могил у нефтебазы в г. Абакане. Впоследствии он подчёркивал: «Варвару Павловну я считаю своей первой учительницей в области сибирской археологии, ибо она смело доверила мне, подростку, не только лопату, но и нож и кисть для расчистки древних захоронений, раскопки которых она производила в 1938 г. в черте г. Абакана». В. П. Левашёву Леонид Романович неизменно ставил первой в перечне своих учителей в науке, отмечал присущие ей высокие человеческие качества, посвящал её работам специальные исследования.

Выпущенная В. П. Левашёвой в следующем, 1939 г. книга «Из далёкого прошлого южной части Красноярского края» вошла в перечень проштудированной подростком литературы. В возрасте 11 лет он впервые посетил Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартянова, с его великолепным собранием древностей. Он с детства проявлял трепетное и вдумчивое отношение к музейным коллекциям.

Варвара Павловна Левашёва внимательно следила за успехами своего археологического крестника и дала хорошую рецензию на его первую монографию «Таштыкская эпоха». Их тесное, по-дружески тёплое общение продолжилось позднее в Москве и со временем переросло в семейную привязанность. Вместе участвовали они в издании коллективных трудов, вдвоём опубликовали и некролог, прощаясь с С. В. Киселёвым. Редактирование рукописи статьи, посвящённой В. П. Левашёвой,

оказалось последней законченной работой в интересной и плодотворной жизни Л. Р. Кызласова.

Так вот... Знакомство с историей и археологией родной земли Лёня продолжил в 1940 г., в так называемом Зелёном театре городского сада (ныне парк «Орлёнок») г. Абакана, где известный историк и археолог, профессор кафедры археологии Московского государственного университета Сергей Владимирович Киселёв читал лекцию «История хакасского народа». Профессор, глубокий знаток истории Южной Сибири, говорил увлечённо и быстро. Его рокочущий сильный бас разносился далеко за пределы Зелёного театра. «...я осознал, что В. П. Левашёва и С. В. Киселёв занимаются именно тем самым, что так сильно интересует и увлекает меня самого, – историей родного хакасского народа», – вспоминал позже Л. Р. Кызласов.

Именно С. В. Киселёв оказался для Леонида Романовича вторым и главным проводником в археологию. Тогда-то вместе с лирическими стихами молодости он, опираясь на выписки из работы Н. Ф. Катанова «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрок», начинает писать историческую поэму о хакасском Средневековье. Юный автор ещё не знал, что она будет завершена им лишь в 1962 г., получит название «Сампир» и окажется посвящённой борьбе с древними уйгурами, археологические памятники которых и выявил к тому времени сам Л. Р. Кызласов. Удивительно, но некоторые написанные школьником части после известной переделки вошли в завершённую поэму. Таково начало «Хайджи» («Расскажи-ка мне, о парень...»), рассказывающее о встрече старца с археологом, и «Песня тюргешки» («Тонкий, тонкий серпик-месьяц»), в школьной тетради обозначенная ещё под названием «Песня девушки», но уже с пометкой «для эп. поэмы».

Но мы забежали несколько вперёд, когда Леонид входил уже в подростковый, а затем и ранний юношеский возраст. Детство же его закончилось именно в тринадцать лет. А до этого времени мальчик из образованной и дружной семьи был окружён заботой, вниманием и любовью родителей.

И вдруг...

АРЕСТ ОТЦА

Шёл 1937-й...

И вдруг, подобно грому среди ясного неба, грянули в своей необъяснимой неожиданности и страшные в какой-то нечеловеческой свирепости и разрушительности годы неслыханного и неоправданного террора: 1937 и 1938 гг.! В маленьком, 45-тысячном тогда городке Абакане аресты охватили каждый второй дом... Среди хакасов особенно пострадала молодая, ещё не вполне подросшая интеллигенция.

Репрессиям чуть ли не в первую очередь были подвергнуты, как их называли тогда, выдвиженцы советской власти, т. е. выходцы из беднейшего слоя вчерашних бесправных инородцев. Роман Афанасьевич Кызласов был арестован 11 ноября 1937 г., и его обвинили по 58-й статье за «контрреволюционную деятельность». Он был вывезен в Красноярск, где год спустя был осуждён «тройкой» и расстрелян 21 сентября 1938 г. Он не прожил и 42 лет. Такая же участь постигла почти всех руководителей Хакасии того времени – независимо от возраста и национальной принадлежности.

Оставшийся народ был оглушён, подавлен страхом и деморализован. Палачи прятали свои преступления. Жена Христина Витольдовна от горя умерла в возрасте 39 лет, так и не узнав правду о муже. Дети Р. А. Кызласова лишь 52 года спустя, в 1990 г., получили свидетельство о смерти отца, в котором значилось: «Причина смерти – расстрел». В 1958 г. приговор Военной коллегии от 21 июля 1938 г. был отменён по вновь открывшимся обстоятельствам, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Р. А. Кызласов был «реабилитирован посмертно».

Есть второй документ от 2 августа 1968 г., который свидетельствует, что постановлением Хакасского обкома КПСС от 31 июля 1968 г. «Кызласов Роман Афанасьевич, член партии с 1927 г., посмертно реабилитирован в партийном отношении как необоснованно исключённый из членов партии в 1937 г.». Как заметил после всего этого Леонид Романович Кызласов, «время коммунистов-идеалистов... прошло безвозвратно».

*Роман Афанасьевич и Христина Витольдовна Кызласовы со своими
детьми Лёней и Кларой. 6 июля 1929 г.*

Но всё это было потом, потом, когда ни отца, ни матери уже не было на свете и в сердцах их детей чёрным звоном навсегда раненной памяти десятилетиями звучал колокол трагедии 1937 г. Именно тогда, буквально накануне ареста, в областной газете «Советская Хакасия» (№ 241 от 18 октября 1937 г.) за подписью некоего Б. Кедрова была опубликована клеветническая статья под названием «Кем окружил себя Кызласов?», вся пронизанная чёрным доношением. Читаем:

«Уже дважды писалось в нашей газете о том, что председатель Хакоблпотребсоюза Кызласов замешан в буржуазно-националистических делах. Казалось бы, что после этих сигналов парторганизация облпотребсоюза, а равно и райком партии обязаны были немедленно заняться тщательной проверкой личности Кызласова и его практической работы в потребсоюзе. Однако, несмотря на истечение уже длительного периода со дня опубликования в газете сигнала, с ним до сих пор ничего не сделано.

Практическая работа Кызласова в облпотребсоюзе внушает серьёзную тревогу. Кызласов окружил себя родственниками и друзьями, аппараты сельпо засорил баями, кулаками, жуликами, растратчиками и прочей антисоветской нечистью. Вся эта банда вредителей причинила системе потребкооперации немалый ущерб. Около полумиллиона рублей кооперативных средств расхищено. Директором Абаканского универмага поставил своего родственника, Б.-Тейского бая Кичеева, а пом. директора универмага – известного бая Доможакова Ивана. Бухгалтер «Заготконторы» – Чаркова, дочь высланного бая, племянница самого Кызласова; калькулятор потребсоюза – Абдин (Степан Никитич), сын высланного бая, его брат к тому же осуждён за контрреволюционные дела; заведующий курсами «Хаксоюза» – Спиринов, сын бая; бухгалтер товарной группы – Бытонов, брат махрового буржуазного националиста, с которым он был тесно связан; бухгалтер – Алагашева, жена бая; инспектор-ревизор – Козмин, бывший белый офицер, ранее вычищавшийся из советского аппарата; зав. транспортным отделом – Еремеевский, кулак, который, кстати сказать, скрывал у себя двух контрреволюционеров, и другие.

Так выглядит аппарат «Хаксоюза». Но нити тянутся и в системе. В Бейском районе зав. магазином работает административно высланный Мутиц. В Сабинском сельпо работает счетоводом сын Табатского купца Казанцев, а председателем этого сельпо – сын Матурского кулака Логинов. Зав. Верхне-Кандырлинским отделением работает Чепсараков, растративший около 2 000 рублей.

Долгое время в облпотребсоюзе работал зав. орготделом Султреков, который при прямом содействии Кызласова насадил в системе жуликов и растратчиков. Зав. торготделом «Хаксоюза» сейчас работает некто Колесников, который вторично исключён из партии за саботаж: сознательно сорвал план товарооборота в области, выполнив его за третий квартал только на 60 %. Он тоже засорял торговые точки враждебными элементами, над честными же специалистами издевался.

Если ко всему этому прибавить ещё и то, что Кызласов является воспитанником бая и что его брат – крупный растратчик, что имел он связь с ныне разоблачёнными буржуазными националистами Торосовым и другими, то становится понятным, за кем Кызласов шёл, чью проводил линию, чьи осуществлял интересы и почему привёл к развалу системы потребительской кооперации».

11 ноября 1937 г. детство у Леонида действительно кончилось, и кончилось внезапно: отца, Романа Афанасьевича, ночью арестовали по совершенно вздорному политическому обвинению.

Ко дню, как оказалось, трагического расставания с отцом старший сын Леонид достиг 13 лет, дочь Клара – 10, младший сын Женя был полугодовалым младенцем, а их матери было 34 года.

Семья ещё не знала и не знала ещё долгие и долгие и тоже мучительные месяцы, что их мужа и отца казнили в Красноярске, в сентябре следующего, 1938 г. Все эти долгие, зачастую бессонные месяцы светилась-таки надежда в старшем сыне Леониде, который, пытаясь увидеть отца, всё бегал и бегал на улицу Набережная, № 4, в Абакане, где находилось на берегу одноимённой реки страшное здание органов. Так же светлая надежда и личное мужество не покинули и мать, хотя она до своей смерти так и не узнала о кончине любимого мужа...

Забегая вперёд, надо заметить, что постигшая семью трагедия не остановила в Леониде Кызласове стремление к знаниям. К этому раннему возрасту отец и мать уже успели заложить в своих детей понимание смысла достойной жизни даже во время внутреннего террора в стране. Беспредельно трагическая эпоха 1930-х гг. словно возвещала, через муки и гибель лучших своих сынов, право каждого народа на чувство собственного достоинства, на правовую и наконец-то равную жизнь с другими народами многонациональной единой страны. Именно сохраняя эти законные возможности для родного народа и трёх собственных детей, Роман Афанасьевич вынужденно принял злые наветы и свою мучительную смерть.

Эти чёрные 1937–1938 гг. надолго, если не сказать навсегда, врезались в горькую память будущего учёного Леонида Кызласова, как и родственников многих знаковых людей Хакасии. И не только знаковых – тысяч и тысяч других ни в чём не повинных жителей Абакана и всей Хакасской автономной области. Например, мой родной дед по материнской линии, отец четырёх малолетних детей Илья Евграфович Майнагашев был арестован 21 июня 1941 г. и ровно через 10 лет, 21 июня 1951 г., был освобождён. 10 лет норильских лагерей. В колхозе он работал бригадиром машинно-тракторной бригады, у которой во время весенне-полевых работ несколько раз ломалась техника, она была старая, только и всего. Но это было расценено как вредительство и честного сельского труженика отправили гнуть спину в северных лагерях. Увы, таких примеров можно привести сотни и тысячи...

Вернёмся к семье Кызласовых. Стрелы их душевной боли были направлены сюда, на улицу Набережная, № 4. Именно здесь располагалось невысокое продолговатое здание. Сейчас оно в современной облицовке из белого кирпича, над крыльцом – российский флаг и ведомственные флаги. При входе справа – вывеска: «Хакасское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийское добровольное пожарное общество». Здесь же находится и «Клуб добровольных пожарных спасателей и волонтёров ВДПО и МЧС по Республике Хакасия».

С шестидесятих годов прошлого века находится здесь «ВДПО». Солидная и так нужная населению организация. А до этого тут размещался, представьте, даже детский садик – куда как безобидное, к слову сказать, заведение! А до него, между прочим, «Уездный ревком Хакасии». Между ревкомом и детсадом в этом продолговатом здании одно время была ещё одна организация. Но до сих пор на фасаде Набережной, № 4, вы не найдёте вывески о том, что в этом с виду ничем не примечательном здании располагалось грозное НКВД! (Наркомат внутренних дел). При упоминании этой аббревиатуры разве что только у представителей нынешнего молодого поколения не пробегут мурашки по коже. А вот у несчастных людей, переживших страшные годы незаконных репрессий, – у тех непременно содрогнётся сердце, вмиг оцепенеет душа и выступят по-детски беспомощные слёзы на выцветших от соли глазах...

Между прочим, напротив именно этого здания, через русло р. Абакан, как раз и находится печально известный расстрельный остров Поповский. Ведь именно здесь расстреливали беспомощных, оговорённых властью людей. Вон он, на другом берегу реки Абакан, Поповский остров, – как раз напротив указанного здания. Именно здесь приводили в исполнение решения «тройки».

...Я смотрю на его фотографию тех лет. Крупное лицо, волевой взгляд делового человека, знающего цену себе и своему будущему. Аккуратная причёска, пиджак, рубашка в крупную клетку и узенький галстук. Весь облик этого человека невольно демонстрирует чувство собственного достоинства, серьёзного отношения к жизни, которая перед ним, зрелым, сорокалетним мужчиной, только раскрывает свои просторы. Ведь всё было так хорошо, так всё удачно по судьбе у него складывалось!

После ареста главы семьи Кызласовым казалось, что будущее семьи обречено, его попросту не будет! Увы... В отношении самого Романа Афанасьевича это оказалось чёрной и смертельной правдой.

– Я в то время была десятилетней девчонкой, – произвольно вздыхая, говорит Клара Романовна Кызласова. – Спала дома в прихожей, около двери. Стояла тёмная полночь. В дверь вдруг

постучали... Я встала и открыла... Открыла сама... Ребёнок, одно слово! Стою на дверном сквозняке в одной рубашонке... А они заходят – трое... И сразу начался обыск в нашей квартире. Они перетрясли в комнатах всё, даже мою детскую кровать, стоящую в прихожей.

Как сейчас помню: было 11 ноября, уже стояли большие морозы. Не прошло и часа – отца увели... Вижу и слышу, как сейчас: переступая порог родного дома, отец обернулся к нам – Лёне и ко мне – и отчётливо сказал матери, стоящей со слезами на глазах и с десятимесячным, самым нашим младшим в семье ребёнком на руках: «Ничего... Разберутся... Знайте: я ни в чём не виноват...»

Всё. И отца не стало...

Вернёмся на Набережную, 4. Именно сюда, в подвальное помещение, и доставили под конвоем 42-летнего Романа Афанасьевича. Об этом, трагической судьбе известных людей Хакасии, подробно рассказал мой друг, журналист и писатель Валерий Полежаев, автор документального очерка «Расстрельный Абакан», как раз и посвящённого тем чёрным дням и месяцам придавленного репрессиями города на берегу одноимённой реки. Он пишет: «И вот теперь, по моей просьбе, мне предстояло в сопровождении одного человека (заведующего хозяйством?) спуститься в этот подвал... Пришёл пожилой мужчина с ключами, сказал не без ободряющей улыбки: «Пойдёмте!...» Вход в подвал находится с левого торца здания. Вниз ведут четыре (или пять), не запомнил, бетонных ступенек. Дверь открывается тяжело: сверху на меня сыплется за шиворот песочная, известковая пыль... И вот под ногами почти сразу же – холодный земляной и неровный пол, в центре «коридора» проброшены две-три доски... В первом отсеке, что направо, – мешки с химическим порошком, какие-то деревянные поддоны, в другом, слева, – забетонированный пол, стоят несколько газовых баллонов, ведра с краской и домашний, неожиданно, веник... Так что насчёт того, что одна четверть подвала сохранилась «нетронутой», – это как сказать...

Чуть выше головы – матица из лиственницы или даже кедра, толщиной с человеческое туловище, не меньше! Попробуй, выберись отсюда! Впечатление такое, что дом (или по крайней мере подвал) как будто изначально был приспособлен для заточения людей.

Озираюсь по сторонам... Мертвенно и холодно. А я ведь только-только спустился сюда! Люди же, которым предстояло умереть в соседнем отсеке, где расстреливали днём, или на острове Поповский, куда отправляли на расстрел ночью, мучились здесь, помимо ожидания насильственной смерти, ещё и в тесноте – кто день, кто три, кто неделю, кто месяц.

Этот дом на Набережной, № 4, стоящий на отшибе, являлся расстрельным, начиная, собственно, с двадцатых годов, ещё во время действия в нём Уездного ревкома под руководством большевика Г. И. Итыгина. Когда пришло время и сюда после НКВД и детсада переехало «ВДПО», стал вопрос о переоборудовании подвала под хозяйственные нужды. Но Томское отделение Сибирского общества охраны памятников исторического и культурного наследия (вон аж откуда увидели, что в Абакане есть такой подвал, – из Томска!) запретило переоборудовать этот бывший расстрельный подвал. Жутко представить, что такое «наследство» является, оказывается, не только историческим, но ещё и культурным! Кстати, в Томске есть Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», занимающийся научной работой, документально восстановили судьбу около 200 тыс. человек, прошедших через эти репрессии. Как бы там ни было, указание свыше абаканцы приняли к сведению, а всё-таки не к исполнению, потому что на сегодня три четверти подвала занимают мастерские (другое дело – работают они или нет), и лишь одна четверть подвала осталась нетронутой: там всё сохранилось так, как было...

Христина Витольдовна, как практически и все в таких случаях, тогда не знала о том, что супруг обречён. Неясность терзала её душу и не давала спать по ночам. Жизнь жены «врага народа» резко изменилась. Она, в свою очередь, вскоре была уволена с работы и выселена из квартиры. Приходилось с тремя детьми постоянно перебираться из одного чужого дома в другой.

Во дворе Никольской церкви в Абакане установлены мраморная надгробная плита и крест. Они обветрены и у земли почернели... Эти надгробные знаки хорошо видны с дороги, когда едешь в сторону р. Абакан. По преданию, здесь похоронен священник Николай. Так вот... Этот храм, построенный в конце XIX в., в 1937 г. был

переделан в склад. Настоятель, оказывавший тому открытое сопротивление, вскорости вдруг бесследно исчез... Не на Поповском ли расстрельном острове? И только в 60-е годы прошлого века, когда проводилась реконструкция здания, под алтарём был найден прах в одеянии священника, предположительно – отца Николая.

Я недаром сделал такое отступление... Дело в том, что Клара Романовна в то смутное время некоторым образом была связана судьбой с этой известной в Абакане семьёй.

«Я его помню, Николая Олейникова, настоятеля Никольского храма, – неторопливо вспоминала она, взглядом и голосом уходя в то далёкое уже, трагическое время. – У священника осталось тогда восемь детей. Я с его дочерью, так вышло, училась в одном классе».

Если встать лицом к фасаду дома на Набережной, 4, левее в тридцатые годы и находилась Абаканская специальная школа № 2. Среди мальчишек и девчонок было немало детей узников расстрельного подвала. Когда отцов выводили из подвала и вели в здание на допрос, из-за дощатого забора раздавались трепетные детские голосочки: «Папочка, держи-ись! Папа, я тебя вижу-у! Мама ждёт тебя!» Дети плакали, вытирая руками опухшие лица... Взрослые мужчины, встрепенувшись, оборачивались на тонкие возгласы своих детей...

Здесь же неподалёку, среди строений и старых тополей, затерялась бывшая каталажка. Место обнесено забором и находится в непосредственной близости бывшей школы № 7. Тамара Окунева-Аргудаева, дочь репрессированного, вспоминала в своё время, как на переменах дети выбегали на улицу, чтобы действительно через дыру в заборе увидеть своих арестованных отцов.

«В один из дней (до сих пор сердце сжимается от боли!) я увидела своего отца, – вспоминала она. – Отца, которого вывели на прогулку. Я закричала что было мочи: «Папа! Папа-а!» Конвойные с винтовками его тут же быстро увели с моих глаз. Больше я папу... больше не видела никогда...»

Как и другие, так же бегал сюда в надежде увидеть отца и подросток Леонид Кызласов. «Я помню рассказы отца, – вспоминал впоследствии Игорь Леонидович Кызласов, – как он, подросток, бегал на Ах-Тигей и,

дождавшись выхода арестованных на прогулку, кричал, кем-то подученный, одну и ту же фразу: «Кызласов, не подписывай! Кызласов, не подписывай!» Охранники грозили парнишке, отгоняли его от забора, кидали в него обломки кирпичей».

Леонид Романович Кызласов, прямой свидетель, знавший то гнетущее время, переживший смерть отца и матери, через всю свою жизнь пронёс любовь и благодарность к своим родителям (в его кабинете всегда висели портреты Романа Афанасьевича и Христины Витольдовны). Твёрдость характера, принципиальность, упорство и выверенная жизненная позиция Л. Р. Кызласова прошли становление и испытание именно тогда, в трагические 1930–1940-е гг.

Но вернёмся на Набережную, 6. В той спецшколе девочка Клара оказалась тогда не случайно: ведь отец её был уже арестован. Детям в таком случае «светило» только такое, «специальное» учебное заведение – под присмотром.

«В школе с каждого из нас гневно срывали пионерские галстуки, говоря, что дети «врагов народа» не имеют права быть пионерами, – вздыхает Клара Романовна. – И другое ведь сказать... Все без исключения предметы преподавали в этой школе исключительно жёны сотрудников НКВД. Это были ещё те уроки! Да... Ну, а шефствовали над нами следователи – те самые, которые арестовывали наших отцов».

Она запомнила такое: некий следователь по фамилии Баранов пришёл к ним на новогодний утренник с мешочком конфет и начал раздавать их детям. А у неё в это время стояла перед глазами другая картина: как той трагической ночью этот человек ворвался к ним в дом и со своими «помощниками» устроил разгромный обыск. Как он бросал на пол книги и фотографии, даже в матрацах что-то искал...

Страшную ночную картину того 11 ноября 1937 г. Клара Романовна в своё время сумела описать и собственными словами. В этом описании, помимо ранее рассказанного ей, имеются и дополнительные важные факты – несмотря на то, что тогда она смотрела на всё происходящее глазами десятилетнего ребёнка...

«Арест моего отца – это катастрофа моего детства. Здесь оно кончилось, мне было 10 лет. Отец для нас был идеалом, и всю жизнь мы брали с него пример. Это горькое событие в моей жизни много лет пролежало на дне души, и я всегда чувствовала его опаляющее дыхание. Я живой свидетель ареста отца. Жили мы по улице Розы Люксембург, рядом с облпотребсоюзом. Поздно вечером, когда все легли, раздался настойчивый стук в дверь. Я в одной рубашонке, босиком, встала и открыла дверь. Резко рванув эту дверь, вошли двое в чёрных пальто и спросили отца. Он уже выходил, полуодетый, из комнаты. Мать с десятимесячным братом на руках – следом. Оттеснив меня к стене,

*Л. Р. Кызласов с сестрой Кларой Романовной
и братом Евгением Романовичем. 1996 г.*

мужчины пропустили понятого – нашего соседа Колесникова – и объявили отцу, что он арестован, предъявили ордер на обыск. Мне не разрешили лечь в постель, тщательно перетрясли бельё. Перерыли все вещи в квартире, по листку пересмотрели все книги в шкафу отца. Забрали его дневники и оружие, на которое у него было разрешение...

Мы с мамой стояли потрясённые. Когда уводили отца, он сказал нам: «Не беспокойтесь, я вернусь, разберутся, – и, обращаясь ко мне: – Больше никому и никогда сама не открывай дверь». С тех пор мы отца не видели. Нашу семью выселили, жили на окраине города, мать уволили с работы как члена семьи «врага народа», но после неоднократных обращений к Сталину и Вышинскому её восстановили на работе. За её работой в педучилище установили слежку. Зимой мать на санках возила передачи отцу в Минусинскую тюрьму, обратно возвращалась усталая, замёрзшая. Весной 1938 г. его увезли в Красноярск. О его смерти мы ничего не знали около 20 лет».

...А тогда, через месяц после ареста, 12 декабря 1937 г., Усть-Абаканский райком партии принимает решение «исключить Кызласова Романа Афанасьевича из членов ВКП(б) за расхищение социалистической собственности и как врага народа – буржуазного националиста».

Чтобы выбить «признательные показания», сотрудники НКВД постоянно применяли незаконные методы ведения следствия. Р. А. Кызласову сказали, что на допросах бывшие руководители области дали показания, что он тоже является членом правотроцкистской националистической организации и проводил активную контрреволюционную деятельность.

21 июля 1938 г. на выездном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Р. А. Кызласов не признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях. Суд приговорил его к расстрелу, который привели в исполнение ровно через 2 месяца после приговора – 21 сентября 1938 г. Вместе с ним были расстреляны: А. М. Аргудаев, П. С. Боргояков, П. Е. Селигеев, В. В. Угдыжеков, А. И. Кузугашев, Я. К. Интутов, Н. В. Топоев, В. В. Угдыжеков и другие руководители Хакасии.

О судьбе Р. А. Кызласова постоянно беспокоилась семья. Они писали запросы во все инстанции, жив ли он и если умер, то где, когда.

Перед Отечественной войной семья получает ложное сообщение УНКВД: Р. А. Кызласов в 1938 г. осуждён на 10 лет лишения свободы без права переписки. Но после смерти Сталина на основании указаний Министерства государственной безопасности Абаканский ЗАГС выдаёт семье свидетельство о его смерти. И это свидетельство оказалось ложным. Вот оно:

«РСФСР. Свидетельство о смерти ВЭ № 182525

Гр. Кызласов Роман Афанасьевич, 1896 г. рождения, умер второго августа тысяча девятьсот тридцать девятого года, возраст с 1896 г. рожд., о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1956 г. февраля месяца 18 числа произведена соответствующая запись за № 38.

Место регистрации: Абакан, ЗАГС.

дата выдачи 2 марта 1956 г.

Зав. бюро ЗАГС – подпись

гербовая печать: бюро ЗАГС г. Абакана Красноярского края».

И лишь через 52 года после гибели было под государственным гербом СССР и на особом бланке получено свидетельство о смерти III-БА № 266446, содержащее правдивые сведения:

«Гражданин Кызласов Роман Афанасьевич умер 21 сентября 1938 года (тысяча девятьсот тридцать восьмого года) в возрасте 42 лет, о чём в книге регистрации актов о смерти 1956 г. февраля месяца 18 числа произведена запись за № 38.

Причина смерти: расстрел. Место смерти: город Красноярск РСФСР. Место регистрации: отдел ЗАГС, г. Абакан Красноярского края.

Дата выдачи «23» мая 1990 г.

Гербовая печать. Заведующий отделом записи актов гражданского состояния – подпись»⁵.

Как видим, одна официальная запись, пусть и сделанная через 18 лет после казни, могла послужить основанием для совершенно разных свидетельств о причине смерти человека.

В настоящее время имя Романа Афанасьевича Кызласова носит Кызласовская средняя общеобразовательная школа Аскизского района. На здании потребкооперации по ул. Ленина в г. Абакане установлена памятная доска.

Леонид Кызласов. 1939 г.

Всё это так. Но кто вернёт незаслуженно казнённого Р. А. Кызласова, как и других видных деятелей Хакасии, не переживших внутренний террор тех лет? Разве можно забыть то жуткое время нашей страны? Разве можно забыть, как кровавые подручные власти расправлялись на местах, в данном случае в Хакасии, с самыми грамотными и преданными людьми. Заплечных дел мастера буквально с кровью, по лепестку, отрывали с цветущего стебля родимой земли самые яркие из них и затапывали сапогами в грязь. Это были, в основе своей, трусливые служаки, потому зверски – бес-по-щад-ные. Они прекрасно знали, что их ждёт, поступи они иначе.

⁵ Оба свидетельства опубликованы (первое в копии): Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия. Абакан: Хакасинтерсервис, 1999. С. 457, 458.

Но пришло новое время, когда история наконец всё расставила на свои места: невинные были реабилитированы и возвеличены, а палачи преданы человеческому проклятию и презрению.

Я много думал, как в будущем избежать подобное. Ответ один – всегда говорить правду, всегда называть конкретные имена и фамилии всех тех, кто служил и служит несправедному делу... В народе поныне помнят имена двух хакасов, пытавших на Набережной своих. Обязательно надо предавать огласке имена не только палачей, обязательно надо называть конкретно имена и тех, кто писал доносы. Я знаю имена некоторых служаков по принципу «Чего изволите?» того времени. Самое удивительное то, что некоторые из их потомков и сегодня пытаются учить нас жизни, учить, как любить Родину. Притом они прекрасно знают, кем были их предки... Верю: только светлый день, только силы добра могут победить тьму.

Список от 12.09.1938

РГАСПИ, ф.17, оп.171, дело 419, лист 8

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ
СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ СУДУ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
от 12 сентября 1938 года

Сталин, Молотов, Жданов

Список от 12.09.1938

РГАСПИ, ф.17, оп.171, дело 419, лист 9

СПРАВКА

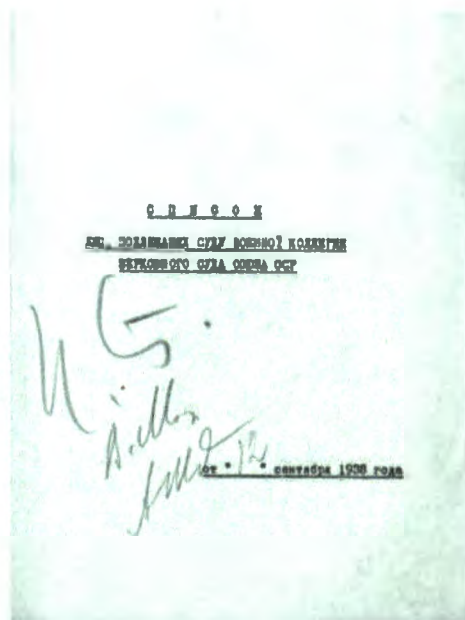
1-я кат. 21 2-я кат. 18 ВСЕГО 39

Красноярский край

Список от 12.09.1938

РГАСПИ, ф.17, оп.171, дело 419, лист 10

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

1-я КАТЕГОРИЯ.

1. АЗИС Лев Фёдорович
2. АРГУДАЕВ Александр Макарович
3. БАСКОВ Иван Константинович
4. БОРГОЯКОВ Прокопий Семёнович
5. ВОЮЦ Михаил Осипович
6. ИНТУТОВ Яков Константинович
7. КОНОВАЛОВ Николай Андреевич
8. КУЗУГАШЕВ Андрей Иванович
9. КЫЗЛАСОВ Роман Афанасьевич
10. МАШУКОВ Тимофей Егорович
11. ПОСТНИКОВ Анатолий Алексеевич
12. САФРЫГИН Алексей Михайлович
13. САЧКОВСКИЙ Михаил Илларионович
14. СЕЛЕГЕЕВ Пётр Егорович
15. СИВОДЕД Матвей Алексеевич
16. ТОПОЕВ Николай Владимирович
17. ТЯПИН Николай Иванович
18. УГДЫЖЕКОВ Василий Васильевич
19. УРУЛЬ Ян Антонович

Список от 12.09.1938 [Красноярский край]

РГАСПИ, ф.17, оп.171, дело 419, лист 11

20. ФЕСЕНКО Василий Герасимович
21. ЧУСТЕЕВ Виктор Семёнович

Список от 12.09.1938

РГАСПИ, ф.17, оп. 171, дело 419, лист 12

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

2-я КАТЕГОРИЯ.

1. БОРГОЯКОВ Павел Тимофесвич
2. ДОБРОВ Дмитрий Семёнович
3. ЕВТУШЕНКО Александр Иванович
4. КАРАГУСОВ Александр Михайлович
5. КИШТЕЕВ Николай Исаевич

КРАСНОДАРСКИЙ АРХИВ

1-А. 8477. 7/2

1. АЗАРОВ Иван Иванович
2. АРТУШОВ Александр Иванович
3. БИРЮКОВ Иван Иванович
4. БИРЮКОВ Иван Иванович
5. БИРЮКОВ Иван Иванович
6. БИРЮКОВ Иван Иванович
7. БИРЮКОВ Иван Иванович
8. БИРЮКОВ Иван Иванович
9. БИРЮКОВ Иван Иванович
10. БИРЮКОВ Иван Иванович
11. БИРЮКОВ Иван Иванович
12. БИРЮКОВ Иван Иванович
13. БИРЮКОВ Иван Иванович
14. БИРЮКОВ Иван Иванович
15. БИРЮКОВ Иван Иванович
16. БИРЮКОВ Иван Иванович
17. БИРЮКОВ Иван Иванович
18. БИРЮКОВ Иван Иванович

- 8 -

20. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
21. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович

18+

ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович

ВЕРИЖНИКОВ (Александр)

6. КУЧЕНДАЕВ Георгий Николаевич
7. МАЙНАГАШЕВ Пахом Николаевич
8. МАМЫШЕВ Анисим Александрович
9. МАСТРАКОВ Григорий Иванович
10. РЫКОВ Алексей Семёнович
11. САДКОВ Николай Иванович
12. САФРЫГИН Павел Михайлович
13. СЕННИКОВ Иван Кононович
14. СУБРАКОВ Василий Петрович
15. ТАРМАЗАКОВ Семён Харитонович
16. ТИННИКОВ Фёдор Федорович
17. ТОКМАШЕВ Илья Николаевич
18. ФЕДЦОВ Николай Митрофанович

ВЕРИЖНИКОВ

ВЕРИЖНИКОВ

1. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
2. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
3. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
4. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
5. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
6. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
7. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
8. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
9. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
10. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
11. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
12. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
13. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
14. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
15. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
16. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
17. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович
18. ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович

ВЕРИЖНИКОВ Александр Александрович

ВЕРИЖНИКОВ (Александр)

(18+) Материал на с. 42-44 произведён,
распространён иностранным агентом
Международный Мемориал

ЕГО СТУДЕНЧЕСКИЙ ТОМСК

*Л. Кызласов. г. Томск.
13 марта 1942 г.*

Томским областным краеведческим музеем были изданы материалы межрегиональной научно-практической конференции «Шатиловские чтения – 2009», где учёная-историк О. Б. Беликова опубликовала записи под названием «Леонид Романович Кызласов. Воспоминания об учёбе в Томском государственном университете (в 1941–1942 гг., из писем)».

В этих своих записях она пишет, что Леонид Романович – крупнейший отечественный археолог, историк, доктор исторических наук, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова – на время стал её дорогим «письменным другом».

Меня, несомненно, заинтересовали эти записи. Ведь излишне говорить, что публикация авторских писем Л. Р. Кызласова о той поре – это освещение уникальных страниц его биографии, связанной с томским периодом. «Объём нашей с Р. А. Кызласовым переписки, осуществлявшейся традиционной почтовой связью, составляет восемь писем в период с 2003 по 2005 г., – пишет Ольга Борисовна Беликова. – Четыре рукописных письма Р. А. Кызласова, адресованные в Томск и ныне в оригиналах переданные на постоянное архивное хранение в Томский областной краеведческий музей, были написаны им между 29 апреля 2003 г. и 30 апреля 2005 г.» Эти эпистолярные документы, являющиеся по своему характеру мемуарами, несомненно, представляют важный исторический источник. Они содержат наиболее полные, по сравнению с изданными работами, сведения о пребывании Л. Р. Кызласова

в Томске: с конца июля 1941 г. по июль 1942 г., то есть в начале Великой Отечественной войны.

Этот непродолжительный период, во-первых, оказался весьма значимым для гуманитарного образования Л. Р. Кызласова. Это время его взросления и становления как личности. Во-вторых, в письмах присутствует многочисленная и разноплановая информация о Томске и Томском государственном университете.

Для понимания контекста корреспонденции важно обобщить главные биографические данные о Л. Р. Кызласове томской поры его жизни. Источник этого – содержание подлинных документов двух видов: указанные письма археолога и сохранившееся в Томске его «личное студенческое дело».

2^й семестр 1941-42 уч. года I курс Кызласов Л. Р.
 Прожитический курс

№	Наименование предмета	Курс	Средний балл	Средний балл	Средний балл
1.	Введение в археологию	Второй	5,0	5,0	Л. Кызласов
2.	Палеонтология	Второй	5,0	5,0	Л. Кызласов
3.	Ост. м. н.	Средний	5,0	5,0	Л. Кызласов
4.	Введение в археологию	Средний	5,0	5,0	Л. Кызласов
5.	Палеонтология	Средний	5,0	5,0	Л. Кызласов
6.	Ост. м. н.	Средний	5,0	5,0	Л. Кызласов
7.	Введение в археологию	Средний	5,0	5,0	Л. Кызласов
8.	Палеонтология	Средний	5,0	5,0	Л. Кызласов
9.	Ост. м. н.	Средний	5,0	5,0	Л. Кызласов

Средний балл по курсу 5,0

Подпись: Л. Р. Кызласов

Секретарь: Л. Р. Кызласов

Подлинником не представлен в

проживающ

по улице

дом №

При сличении настоящей копии

с оригиналом, в последнем поправках, подчёркиваниях, зачеркиваниях

и изменений не оказалось

М. П. МОТАРИУС

Зачётка Томского государственного университета. 1941–1942 учебный год

Учёная О. В. Беликова пишет, что перед войной он с родителями проживал в г. Абакане (ул. Черногорская, д. 38), который по территориально-административному признаку относился тогда к Хакасской автономной области Красноярского края. В 1941 г. Леонид окончил среднюю школу № 1 Абакана, при этом его аттестат от 16 июня содержал оценки только «хорошо» и «отлично». На начало войны юноше было немногим более 17 лет. В призыве в армию ему отказали. Решив в таком случае продолжить своё образование, он «в начале июля 1941 г.» уехал на поезде из Абакана с целью поступления в один из центральных вузов страны.

По рассказам сына Л. Р. Кызласова, Игоря Леонидовича Кызласова, основанных на более ранних воспоминаниях отца, конечной целью его пути тогда был Горный институт в Ленинграде. Однако на запад от Новосибирска сибиряку проехать уже не удалось из-за тяжёлой военной обстановки, сложившейся под Москвой к началу июля 1941 г. В результате, по словам Л. Р. Кызласова, «в Томске и в ТГУ в 1941 г. я оказался случайно».

26 июля 1941 г. он подал в ТГУ заявление (представлено автографом) с просьбой допустить его к приёмным испытаниям «на исторический факультет, археологическое отделение». Хотя на этот документ уже в день его подачи была наложена резолюция «допустить к приёмным экз[аменам]», сдавать их абитуриенту не довелось.

В первый год войны на первый курс историко-филологического факультета Томского государственного университета зачисляли без экзаменов, и поэтому изданный 16 августа 1941 г. по университету приказ относительно Р. А. Кызласова гласил: «Зачислить в число студентов 1-го курса без приёмных испытаний... Историко-ф[илологический] факультет». Так из абитуриентов он стал студентом.

1941–1942 учебный год оказался для первокурсника напряжённым и тяжёлым: работа в колхозе на уборке хлеба и в литейном цехе по отливке чугунных деталей миномётов, недостаток питания, скромные бытовые условия. При этом – обучение высококлассными преподавателями – эвакуированными историками и филологами Московского государственного университета, а также вузов Украины («учил нас,

оставшихся студентов 1-го и 2-го курсов, отличнейший состав профессоров, которого ни до нас, ни позже никогда не собирали стены ИФФ ТГУ»).

За время обучения он один раз съездил из Томска в родной Абакан, где 4 февраля 1942 г. похоронил свою 39-летнюю мать. Из-за этой трагедии Леонид, окончив 1-й курс историко-филологического факультета, вынужден был возвратиться домой («покинул Томск в июле 1942 г.»), в Абакан.

Л. Р. Кызласова мобилизовали в армию осенью 1942 г. Как пишет сам Л. Р. Кызласов, он был «выучен в Омске на танкиста и отправился на фронт, воевал до 23 марта 1945 г., когда был тяжело ранен (горел в танке), не дойдя 50 км до г. Берлина». Выписавшись из тылового госпиталя в Минеральных Водах, бывший фронтовик сразу, 23 июля 1945 г., выехал в Москву и уже 26 июля подал заявление в Московский государственный университет. В 1949 г. (кто бы сомневался!) Леонид Романович с отличием окончил исторический факультет. Это было, понятно, началом уже другого периода в жизни Л. Р. Кызласова, будущего почётного профессора МГУ.

Пока нас интересует томский период жизни будущего учёного. Времена, проведённые Л. Р. Кызласовым в студенчестве в Томске, остались для него памятны и очень дороги до конца жизни, о чём говорит сам факт написания писем и отдельные их строки: «...Ярко запомнил этот краткий для меня период...»; «Надеюсь ещё вернуться к целеустремлённым воспоминаниям о своих однокашниках по историко-филологическому факультету, а также к рассказу о замечательных наших педагогах того незабвенного времени...», «С удовольствием посетил бы милейший город Томск...»

Считаю нужным подчеркнуть, что письма Л. Р. Кызласова О. Б. Беликова публикует согласно требованиям, предъявляемым к изданию документов новейшего времени. Их текст приводится в соответствии с правилами и нормами современной орфографии и пунктуации. Развёрнутые сокращённые слова заключаются в квадратные скобки,

в них же отточием отмечаются пропуски текста. Авторские подчёркивания, присутствующие в оригинале, передаются тоже подчёркиванием.

Подготовка документов к публикации, предисловие, примечания по тексту и его содержанию были сделаны самой О. Б. Беликовой. Некоторые примечания к содержанию писем основаны на комментариях к ним Игоря Леонидовича Кызласова, они специально выполнены по просьбе публикатора. Издание писем осуществлено с разрешения автора: «Послание моё – в полном Вашем распоряжении, если считаете что-либо в нём нужным и полезным. Буду рад, если оно послужит (хотя бы в малой степени) извлечению из тьмы забвения гордой славы студентов – воинов Великой Отечественной войны, шагнувших из стен ТГУ прямо в огонь войны в 1941–1942 гг.».

Вот эти драгоценные письма, дошедшие до наших дней.

Первое письмо, датированное «[29 апреля 2003 г., г. Москва]

Уважаемая Ольга Борисовна! [...] Бывший студент 2-го набора историко-филологического факультета Томского государственного университета: поступил в июле 1941 г. 17 лет. Суровую зиму первого времени Отечественной войны жил в общежитии, на ул. Никитина, 4, а когда остался (из упрямства!) одним из иногородних студентов, то перевели в обще[жи]тие (малое) на ул. Белинского, 5. Туда зимой наш декан Зоя Яковлевна Бояршинова приходила раз в неделю проверить, жив ли студент Кызласов, спавший в холодной комнате, укрываясь тремя матрацами. Учился у Н. А. Чернышёва, как надо укладывать коллекции музея в ящики и корзины, чтобы освободить здание ТГУ под военный завод, и куда их перетаскивать; с 3[оей] Я[ковлевной] строил ж[елезно]д[орожную] ветку от Томска-25 до освобождённого и начинавшего работать завода. В нашей дружбе помню всех парней первого и второго курса (3-го тогда не было!), которые ушли на войну и не вернулись. Дружил с молоденькой украинкой, которая всегда потом посылала мне свои книги, но уже под фамилией Пелих. Всего не опишешь. После окончания первого курса в июле 1942 г. ушёл на войну, догонять своих товарищей по учёбе в школе и университете. Прошёл всё, что пало на долю механика-водителя танка. Но вернулся и живу, работая за тех своих друзей, кто остался там, на полях от Воронежа до Берлина. Продолжаю учить

студентов (свыше 50 лет) и пишу книги. [...] Л. К. [...]». (Текст и почтовый конверт). Автограф. Подлинник. Запись шариковой ручкой, пастой чёрного цвета.

Второе письмо датировано: «[Конец мая 2003 г., посёлок садоводческого товарищества «Музыкант» в Подмоскowie]».

Здравствуйте, уважаемая Ольга Борисовна! Спасибо за ответ и очень нужную книгу, напомнившую о моей юности, о Томском университете, в котором я проучился всего 1 год. Зато это был 1941/1942 учебный год! Воспоминания, конечно, нахлынули на меня: и об однокашниках, в большинстве своём не вернувшихся с войны, и о преподавателях, состав которых был совершенно необычным для ТГУ, т. к. среди них оказались профессора и доценты МГУ, киевского, харьковского и тартуского университетов, эвакуированные с запада. Даже тогдашний Комитет высшего образования СССР разместился и работал в Томске. Вкратце скажу, что в Томске и в ТГУ в 1941 г. я оказался случайно. Ещё будучи школьником, я попал на раскопки тагарских курганов в черте г. Абакана, которые производила в 1938 г. археолог Минусинского музея В. П. Левашёва – однокашница по МГУ с профессором С. В. Киселёвым, а тот, в свою очередь, пригласил меня учиться у него в МГУ. И вот, окончив 22 июня 1941 г. десятилетку в г. Абакане, будучи 17 лет от роду, я в начале июля 1941 г. выехал в Москву, т. к., отправив заявление и аттестат зрелости в МГУ, получил оттуда вызов. В Новосибирске следовало сделать пересадку с абаканской ветки на транссибирский поезд. Я знал, что Москву уже бомбили, но у меня на руках был вызов и прямой билет, и я решил, что будет с москвичами, то будет и со мною, а война непременно скоро закончится (!). Однако ж[елезно]д[орожный] кассир нового тогда огромного новосибирского вокзала отобрал мой прямой билет и на все мои протесты официально заявил, что для штатских людей проезд в западном направлении уже запрещён и посему дал мне сутки на раздумье. Узнав, что я еду учиться, этот добрый старик-кассир стал нахваливать «наш сибирский, прекрасный университет» в недалёком Томске, куда он с удовольствием переоформи́т мой ж[елезно]д[орожный] билет, к тому же дёшево, и ко мне вернутся излишне потраченные деньги и т.п. И вот, огорчённый, сижу

на хорах вокзала и вдруг слышу по радио, что ИФФ ТГУ с этого года объявляет о начале специализации по археологии и приглашает желающих стать его абитуриентами. А в это время на моих глазах прибывающие с запада поезда «захлёстывают» вокзал Новосибирска толпами не по-нашему одетых беженцев из Прибалтики и Белоруссии, с детьми, скарбом (и даже велосипедами). Что было делать? Не возвращаться же в Абакан, где нет ни одного вуза вообще. Да и к тому же мудрая моя больная мать убедила меня, что в 18 лет меня всё равно возьмут в армию и уж лучше пойти туда хотя бы «с незаконченным высшим образованием», чтобы было куда возвращаться впоследствии с военной службы.

Так я оказался вместо Москвы в Томске, в прекрасном здании, дивно расположенном в зелёной тенистой роще! Был жаркий июль, в Томске было ещё вполне сытно (голод начался поздней осенью и особенно обострился к новому, 1942 г.). Меня зачислили в число абитуриентов ИФФ (по специальности «археология»), поселили в дальнем общежитии на улице Никитина, 4. Помню, что я, провинциальный парень из Хакасии (о которой многие томичи в то время даже не знали), сдавая вступительные экзамены, «роскошно» (и дешево!) обедал в буфете, поедая белые сдобные булочки, запивая двумя стаканами горячего тёплого молока – всё было дешево и ещё доступно.

Историко-филологический факультет ТГУ был открыт в 1940 г. Наши предшественники только что окончили свой 1-й курс и перешли на 2-й. Студентов было мало, и все мы знали друг друга. После зачисления на учёбу наши («почти готовые молодые учёные») предшественники взяли шефство над «неуклюжими» провинциалами и оказались весёлыми и спортивными ребятами. Верховодила над всеми нами одна очень активная пара: это были второкурсники – Лёша Науменко и Галя Вылевко (если не ошибаюсь в написании девичьей фамилии Г. И. Пелих, которая много позже присылала мне в МГУ свои отличные книги с трогательной надписью «На память о нашей юности»). Другом моим в 1941 г. был томич, также решивший стать археологом, Миша Зайцевский – сын доцента географического факультета, репрессированного в 1937 г. С тех пор я не слыхал, чтобы кто-либо из юношей – студентов

ИФФ первых двух потоков, призванных в армию (позднее – с осени 1942 г.), – вернулся к учёбе или хотя бы остался в живых...

В июле Томск переполнился эвакуированными с запада семьями заводских рабочих и эшелонами со станками и оборудованием военных заводов. И под завод отвели и наше прекрасное университетское здание в роще... Во главе с очаровательным деканом, молодой 35-летней, энергичной, волевой Зоей Яковлевной Бояршиновой (как сейчас вижу эту русоволосую, по-своему красивую русскую женщину!) мы, историки-филологи, ещё до учёбы, в июле – начале августа 1941 г., работали на «трудфронте», как тогда говорилось:

а) перевозили ректорат и всё оборудование здания куда-то «на Максима Горького, 1», в «Татарскую слободу», «за Исток», ко «дворцу Керима»;

б) особая бригада (и я в том числе) под руководством Н. А. Чернышёва упаковывала коллекции Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, которые также «эвакуировали из здания»;

в) дружно работали на «воскресниках» по строительству насыпи ж[елезно]д[орожной] ветки от ст[анции] Томск-2 к новоявленному «заводу» в роще (во главе в спортивном костюме и белой беретке, с лопатой в руке трудилась и командовала Зоя Яковлевна, добившаяся, чтобы нам за этот труд «платили» батонами белого хлеба и бутылкой пива (которое многие из нас, по молодости, пробовали впервые и, конечно, неслись в общежитие «под хмельком»!));

г) в начале августа (до сентября) весь 1-й курс отправили в один из колхозов, кажется, Ирменского района Новосибирской области, куда плыли от Новосибирска на пароходе до села... (не помню названия. – Л. К.), а позже обратно (не доплывая одного перегона до пристани «Камень-на-Оби»). Там жили на полевом стане. Заменяя мужчину, отправленного на войну, я почти месяц возил (управляя впервые лошадей) на телеге («платформе») мешки с сырой пшеницей – от комбайна в поле к сушилке (с непривычки уставал смертельно, т. к. мешки надо было переносить на 2-й этаж по трапу, а каждый из них весил около 80 кг!). Закончив уборку, вернулись в Томск уже по осени, и затем только в середине сентября начался наш учебный год.

Вернувшись с парой караваев колхозного хлеба «на брата», мы сразу получили хлебные карточки (студенческие) уже только по 600 граммов хлеба в день. Занятия наши начались в приличном одноэтажном особняке, который освободил для университета (довольно демократично) один из райкомов города – стоял он в переулке по левому берегу р. Ушайки, неподалёку от моста, в который упирался (перпендикулярно) проспект Ленина. Нас, первокурсников (число которых уже сократилось), поселили в общежитие на ул. Белинского, возле сада «Буфф». Там я прожил всю зиму 1941–1942 гг., к концу которой оказался совершенно один – все иногородние студенты уехали домой, не выдержав голода... Студенты из числа эвакуированных с запада жили с семьями по частным квартирам, как и студенты-томичи.

Я съездил однажды в Абакан, где 04.02.1942 г. схоронил мать, и, помня её завет «кончи хотя бы один курс до армии и фронта», вернулся в университет – мои дед и бабушка снабдили меня салом и толокном...

Учил нас, оставшихся студентов 1-го и 2-го курсов, отличный состав профессоров, которого ни до нас, ни позже никогда не собирали стены ИФФ ТГУ. Скажу только, что среди них были 3 категории специалистов:

- эвакуированная группа лингвистов и литературоведов во главе с академиком А. Белецким из Киева и Харькова;

- группа из МГУ во главе с историком-медиевистом А. И. Неусыхинным и филологом Р. М. Самариным, с ними – преподаватели-латинисты, специалисты по индоевропейским языкам (древнегреческому, индоиранским), по семитскому языку и литераторы-востоковеды;

- профессор Э. Н. Ярошевский (по истории СССР), известный литературовед, доцент Сорокин и др.;

- преподаватели-томичи из числа ссыльных из России во главе с бывшим директором Херсонесского музея в Крыму, профессором истории Древнего мира и раннего Средневековья, антиковедом и археологом К. Э. Гриневичем;

- известный латинист-классик-переводчик Пинчук и др. приезжие с запада писатели и поэты, выступавшие нередко перед студенческой аудиторией.

А во главе этого «оркестра знаний» стояла всё она же – Зоя Яковлевна, которая старалась изо всех сил содействовать, чтобы занятия велись спокойно, без срывов, чтобы (по возможности) все были сносно устроены и т. д. и т. п.

Суровой зимой 1942 г. она раз в неделю заходила и ко мне в общежитие, чтобы убедиться, что студент Кызласов живёт в тепле, и даже приносила скромные бутербродики (а однажды ещё и яблоки). И мы пили с ней чай из корня солодки возле печки «голландки», где я учил её жарить «гренки» на касторовом масле, а она удивлялась и говорила, что «очень вкусно!»

Ещё она удивлялась, что я в пустой комнате спал на крестом сложенных (на сдвинутых двух кроватях) пяти матрацах и, кроме одеял, под утро накрывался ватными матрацами! Я до сих [пор] свято чту память об этой удивительной заботливой женщине!

Я выдержал эту зиму, учился запоем (меня последним «выгоняли» из читального зала замечательной Научной библиотеки) вот ещё почему: выше библиотеки (к Лагерному саду) до войны находился Весовой завод. В войну он перешёл на военные заказы. Туда и пристроились (вместе с дружкой-географом) мы в литейный цех, где отливали чугунные оболочки мин для полковых миномётов. Литейная смена была короткой из-за малого размера вагранки⁶. Всю зиму, через день, мы приходили на 4 часа и вдвоём (в спецодежде) разносили по кокилям⁷ расплавленный металл и разливали его. Но за это, кроме небольшой зарплаты, нам выдавали рабочие карточки (на 800 граммов в день) и после смены кормили жидковатым, но очень горячим супом! Так мы впрямь помогали фронту.

Окончив 1-й курс, я, получив на руки матрикул и проездные, покинул Томск в июле 1942 г. и вскоре, по достижению 18 лет, был мобилизован в армию, выучен в Омске на бойца-танкиста и отправился

⁶ Вагранка – горн или небольшая шахтная (вертикальная) печь, служащая для переплавки чугуна.

⁷ Кокиль – разборная форма для литья, обычно изготавливается из металла и может использоваться многократно.

на фронт, воевал до 23 марта 1945 г., когда был тяжело ранен (горел в танке), не дойдя 50 км до г. Берлина.

Не судите, Ольга Борисовна, за сумбурный текст, конечно, это – только Вам для понимания судеб старшего поколения Ваших предшественников. А составление печатного текста воспоминаний – ну что же: «Dum spīgo, spēgo!» (пока дышу – надеюсь) – как говорили римляне... (По-русски: «ужотко» – ужо, нареч' (потом, когда-нибудь потом, позже, после того как...))

Ваш коллега Л. Р. Кызласов (ныне «Заслуженный профессор Московского университета»).

После этих удивительных писем, изложенных замечательным языком, с щемящим чувством трудного, но всё-таки, по молодости лет, счастливого времени, как живая предстаёт личность Леонида Романовича Кызласова, уже тогда, несмотря на военное время, буквально рвущаяся к вершинам знаний, и это его стремление не перебила, не ослабила даже кровавая война, в которой он принял самое непосредственное боевое участие.

К подготовленному в 1940 г. списку из 13 специальных книг по геологии, минералогии, геохимии сбоку было приписано и «Краткое руководство по археологии» А. П. Смирнова и Н. П. Милонова. Здесь же – обширные выписки с характеристикой минералов. Первоначально Леонид Романович направил свой аттестат и прочие документы на геологический факультет Ленинградского государственного университета – вероятно, юноше очень хотелось вернуться в прекрасный город своего раннего детства!

Некоторое время спустя он получил вызов на вступительные экзамены. Но продолжить своё образование ему пришлось в Томском университете. К счастью, как уже рассказано, доехать до запада Леониду не довелось: только до Новосибирска, где старый мудрый кассир на железнодорожном вокзале отказался компостировать билет молодого человека, ехавшего на запад, откуда приходили уже эшелоны с беженцами. Расхвалив «наш сибирский университет» в Томске, добрый человек именно туда и переоформил билет разобиженного парня из Хакасии.

Оба не могли знать наперёд, что благодаря этому Леонид Кызласов избежал начавшейся уже 8 сентября фашистской блокады Ленинграда, из которой студент-первокурсник, конечно, не выбрался бы. Ведь тогда в осаждённом Ленинграде за всё время блокады от голода умерло 97 % от числа всех погибших горожан, остальных 3 % – от обстрелов, а оставшиеся 560 тысяч человек составляли только пятую часть жителей довоенного Ленинграда. Неизвестно, какая судьба ждала бы Леонида Кызласова в городе на Неве, если бы не мудрый старик-кассир.

Удивительный факт: сын «врага народа», указавший в заявлении об аресте отца и статью, по которой того судили, был зачислен на первый курс историко-филологического факультета ТГУ без документов, «без приписных испытаний», что говорит о смелости тогдашнего ректора ТГУ Я. Д. Горлачёва. Добавлю от себя: судьба будущего учёного уверенно продолжала вести его к намеченной цели, начиная от экскурсий по ленинградским музеям, знакомства с археологами В. П. Левашёвой и С. В. Киселёвым, которые сыграют ещё важную роль в его жизни, и теперешним зачислением в Томский университет. Так сравнительно удачно, если не сказать счастливо, будет складываться судьба Л. Р. Кызласова всю жизнь, для чего он сам приложил, не надо забывать, неимоверные усилия и старания.

Томск стал его стартовой судьбой как будущего учёного. Обеспокоенная таким поворотом, мать в нескольких письмах выпрашивала 17-летнего сына, как так случилось, что он, желая поступить в Горный институт, вдруг решил стать историком, и какую специальность он приобретёт по окончании вуза.

Христина Витольдовна, сама находясь в трудных условиях военного времени и потери мужа и отца своих детей, в письмах к своему родному студенту старалась не заострять внимание на бедах и сложностях семьи после ареста отца, наоборот, акцентировала всё его внимание на учёбе: «Ну, насчёт твоей специальности, то я спорить не собираюсь. Нравится тебе, ну и учись». Она призывала лишь устраиваться его не на один год, а до конца: «Это не дело, если ты сразу определишь себя на вечного студента. Изучай 5 лет, но последовательно...» Мать советовала ему быть энергичным, деятельным, готовиться к серьёзному

делу взрослого и наставляла 17-летнего сына, как правильно организовать питание.

Ну, с едой он как-никак обходился и в своих письмах успокаивал мать, а вот предстоящей учёбе, примерному составу преподавателей был несказанно рад. Один из них, Р. М. Самарин, специалист по западноевропейской литературе, был удивлён, когда после лекции о Джонатане Свифте студент Кызласов рассказал ему о вхождении истории Гулливера и лилипутов в хакасский эпический фольклор. В 1945 г. профессор поведал об этом случае в одном из английских журналов. Так, не названный в статье по имени, первокурсник Л. Кызласов, ещё в школе узнавший о сюжете из книги Н. Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племён», обогатил отечественное и английское литературоведение.

С филологом Р. М. Самариным он вновь встретился, поступив после войны уже в Московский университет. Ну, а тот первый учебный год в сибирском Томске был для первокурсника тяжёлым. Осенью в Томске начался голод, усилившийся к 1942 г.

Парень учился с наслаждением, после занятий до ночи засиживаясь в богатой книгами Научной библиотеке ТГУ. Тетради со сделанными там многочисленными выписками стояли спустя годы в московском кабинете учёного и использовались им до конца жизни. Тогда, окончив лишь 1 курс, Р. А. Кызласов с тех пор всегда считал историко-филологическое образование наиболее гармоничным для гуманитария. Хранились у него под рукой и томские тетради с собственными поэтическими опытами тогда лирически настроенного юноши.

ЮНОСТЬ, ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ

В сентябре 1942 г. Леонид Романович Кызласов был призван в Красную армию Хакасским областным военкоматом. В отчёте военного отдела обкома ВКП(б) за 1941 г. отмечалось, что с начала Великой Отечественной войны из Хакасской автономной области в Красную армию и военно-морской флот было мобилизовано 27 235 человек

в возрасте от 18 до 50 лет, с 1 января по 15 мая 1942 г. – 11 008 человек, за остальные семь месяцев призвано и мобилизовано с учётом призыва граждан 1924 года рождения 12 839 человек. В общей сложности за 1942 г. было призвано 23 847 человек. Признанные годными к строевой службе сразу направлялись в военные части, училища или спецшколы.

Так, осенью 1942 г. первокурсник Томского университета стал курсантом 4-го отдельного учебного танкового полка Сибирского военного округа, расквартированного в Омске. По воспоминаниям Л. Р. Кызласова: «На сборном пункте офицер-танкист среди других военных специалистов, отбиравших призывников для своего рода войск, дал на общем построении команду: «Трактористы и студенты – шаг вперёд!» Такой подход понятен – трактористы уже знали технику, а студенты были способны быстро её освоить». Полк только в августе был передислоцирован в Омск и располагался в землянках в Военном городке близ старых кирпичных казарм 1914–1916 гг. На постижение боевой машины и особенностей управления ею ушёл год. Вероятно, лёгкий характер и успешные действия курсанта привели к дружбе с ним одного из офицеров полка – Героя Советского Союза лейтенанта М. И. Шпигунова, в боях 1941 г. потерявшего руку. Прекрасно зная, что ждёт танкиста на фронте, он даже предлагал оставить младшего сержанта Л. Кызласова в учебном полку инструктором, но юноша, конечно, не захотел. Он сохранил в боях и походах подаренную командиром фотографию с тёплой дарственной надписью.

Перед Леонидом Кызласовым лежала прямая дорога на войну. Но, полюбив археологию и веря в свою будущность, он тем не менее в марте 1943 г., судя по дате, уже пребывая в учебном танковом полку в Омске, направил в Томский университет заявление о зачислении его на второй курс заочного отделения. Вероятно, он всё ещё верил в скорую победу.

В ноябре 1943 г. окончивший учебный курс механик-водитель уже служил в составе 9-го запасного маршевого танкового полка Сибирского военного округа (Омск); с Омского завода был получен и на танкодроме обкатан танк Т-34, проведена подготовка сформированных танковых экипажей. В декабре 1943 г. на железнодорожной воинской площадке

Танкист Л. Р. Кызласов. 1943 г.

Омска прошла погрузка боевых машин на платформы и отправка эшелона на запад, на фронт.

О предшествующих этому важному событию днях Л. Р. Кызласов вспоминал с лёгкой лиричностью в письме к О. Б. Беликовой: «Учение своё я продолжил в 4-м отдельном учебном танковом полку Сибирского военного округа, который располагался в землянках в городе Омске. Вспомнилось, что нас в 4-м учебном полку воспитывали сурово и обучали маршевой песне, где были такие слова:

Там, где пехота не пройдёт,
И соловей там не просвищет, —
Угрюмый танк — он проползёт,
Ровняя всё железным днищем».

Из письма следует, что Леонид Кызласов отбыл на фронт в звании младшего сержанта механиком-водителем танка Т-34 9-го запасного маршевого танкового полка Сибирского военного округа.

По словам Игоря Леонидовича Кызласова: «Отец говорил, что они думали, как в бой пойдут теми же экипажами, которые составляли в учебном полку, и сплачивались для общего боя. Однако перед отправкой уже в составе маршевого полка командование составило новые экипажи. По прибытии в 24-ю танковую бригаду экипажи были вновь переформированы». Леонид Романович рассказал своему сыну о том, что после гибели прежнего и при получении каждого нового танка экипаж прежде всего дотягивал ключами все гайки и срубал зубилами заусеницы. У сборщиков танков на заводах (подростков и женщин или

Л. Р. Кызласов. 1944 г.

голодных пожилых мужчин) не хватало сил затянуть и выровнять всё как надо.

В конце 1943 г. в составе пополнения Л. Р. Кызласов был отправлен на фронт. Как прошли у танкиста 1944 г. и январь 1945 г. — известно мало: Леонид Романович считал, что тот, кто охотно и много рассказывает о войне, вряд ли сам был на передовой. В официальных листах по учёту кадров в графе «Пребывание за границей» им обычно указывалось: «Октябрь 1944—01.04.1945 — Польша, Чехословакия, Германия». В других анкетах значится «механик-водитель танка Т-34, гвардии ст. сержант 24-й гвардейской танковой бригады 5-го гвардейского отдельного Зимовниковского мотомеханизированного корпуса» и

«участие в боях Великой Отечественной войны на 4-м и 1-м Украинских фронтах в составе действующей армии». С мая 1944 г. корпус находился в резерве Ставки Верховного Главнокомандования — то стоял в запасе, то бросался на разные участки фронта.

Зимовниковский мотомеханизированный корпус и не относился к каким-либо армиям или фронтам, а перебрасывался с одного места на другое в соответствии со складывающейся обстановкой — то закрывая прорехи, то, наоборот, усиливая наступление.

Под Берлином остатки корпуса были влиты в 4-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко, которая в начале мая 1945 г. участвовала в освобождении Праги. Игорь Леонидович Кызласов отмечал, что отец застал в танковой бригаде ещё людей, сражавшихся под Прохоровкой.

Во время одного из таких переформирований и пополнений, происходивших в Польше под Краковом, а затем уже в госпитале Леонид Романович вёл дневник. Он представлял собой записную книжку без обложки, в которой содержалось описание боевого пути от Польши до Германии в период со 2 февраля до 26 июля 1945 г. Шесть первых страниц с предшествующими записями косо отрезаны ножницами (вероятно, военной цензурой).

Дневник состоит из двух частей – из шести сохранившихся и фрагментов шести обрезанных листов, а также подложенных к ним десяти целых листов несколько большего формата, сшитых ниткой в двух местах. Несмотря на военную обстановку, дневник отразил толерантность молодого автора, его стремление познать окружающий мир и удивительное внутреннее чутьё будущего учёного, от взгляда которого, казалось бы, не ускользают мельчайшие детали событий. Благодаря этому дневнику мы теперь можем хоть что-то узнать о том, что видел, чувствовал, переживал сибиряк из Хакасии, как вёл себя в танковых боях. Это дорогого стоит!

По ходу своего военного пути Леонид Романович сознательно ставил себе задачу наблюдать, анализировать и фиксировать всё интересное, «ибо на всём этом надо учиться». Он и на фронте помнил наказ матери, данный ему во время учёбы в Томске! При этом дневник составлен с чёткой географической привязкой к местности, по которой можно представить военный путь 5-го гвардейского Зимовниковского мотомеханизированного корпуса.

Несмотря на отсутствие времени, Леонид Романович старательно учил польский язык: «Читаю с одной хозяйской девочкой Янкой букварь для 1 класса и всё понимаю. Учю её читать. Теперь я прочесть по-польски смогу, хотя и не без погрешностей, но понимаю очень мало». Он писал: «Польский язык имеет ударение и растяжение последнего слога слов. Преобладают шипящие звуки – ж, з, ч, щ и другие. «Р» произносятся очень редко. Многие слова имеют одни корни с русскими, но иначе произносятся. У Хельки (ходит в 6 класс) нет грамматики, и потому я не мог с ней познакомиться. При немцах из школы изгнали географию и историю. Учили только читать и писать, да закону божьему. Они

СПРАВКА О РАНЕНИИ

Учебная часть **ВАКОНТА** **Советскую Родину** **В. Ст. Бердяева**

21 **24.36.т.36** **Тызласов**

№ 806 **Леонид Романович**

2.3 **Март** **1945** **г.** **был** **т.т.т.т.**

1 **Григорьев**

органте

В. Ст. Бердяева **5416**

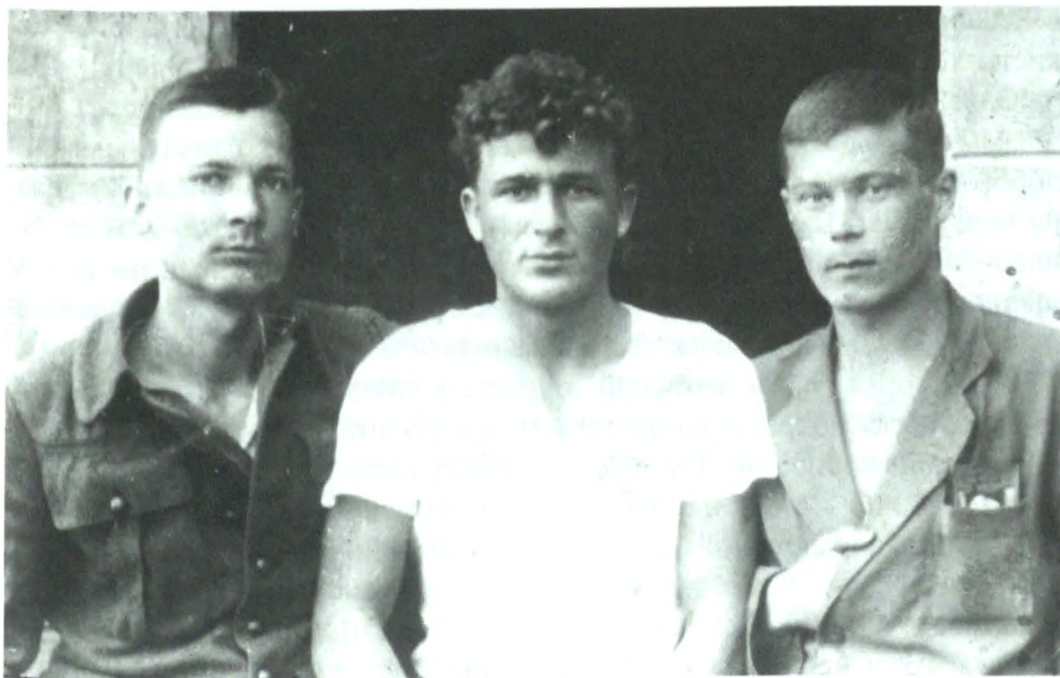
Майор **т.т.т.т.**

Петр

сейчас изучают катехизис, молитвы наравне с другими предметами. Преподавание бессистемно и вообще поставлено очень плохо».

В своём дневнике Леонид Романович подробно описывал природу, быт местного населения: «К заметкам о Польше добавлю, что дороги здесь в основном хорошие, на перекрёстках их и в деревнях стоят отдельные кресты и постаменты с Пресвятой девой Марией и иконами, а в деревнях и городах костёлы имеют преимущественно готический стиль: остроконечные шпили и крыши, вверх устремлённые своды и стрельчатые окна. Звонят колокола». Он оставлял также заметки о далеко не положительном отношении к советскому солдату со стороны поляков. Автор болезненно воспринимал такие факты.

Первая часть записной книжки Л. Р. Кызласова заканчивается 11 марта 1945 г. описанием артподготовки: «Било всё: особо тяжёлая артиллерия и «катюши», на прорыв пошла 10-я механизированная бригада и тяжёлые самоходки. Техники стянуто сюда уйма, но не сумели

Госпиталь в Ессентуках. Весна 1945 г.

столкнуть его и вообще ничего неизвестно. Погода гадкая. Снег и дождь, слякоть. Авиации его совсем не слышно».

В первой части дневника поражает не только любознательность Л. Р. Кызласова, не только проявленные знания жителя далёкого сибирского Абакана (например, его высказывания о Кракове как древней столице, цитирование Гёте – с немецким написанием его имени), но и богатая письменная речь автора и его стилистические правки на полях. Кроме того, строки дневника дают понять, что на войне среди разрушений, невыносимых физических нагрузок и страданий проявляется обострённое стремление к человеческим нравственным ощущениям и порывам, пробуждаются в человеческой памяти эпизоды мирной жизни, понимается скоротечность жизни.

Но война есть война. Их танковый экипаж уничтожил несколько вражеских машин, проводил разведку боем и рейды в немецкий тыл. Получил лёгкое ранение в Карпатах в январе 1945 г. Участвовали

в освобождении концлагеря Освенцим, о существовании которого танкисты тогда не знали. Были бои за Краков, форсирование Одера (ныне р. Одра, Польша). Он рассказывал о том, что в полевых боях через триплексы видно было плохо, а кругозора не было вовсе, поэтому открывался лобовой люк и механик-водитель ориентировался, глядя в него. Благодаря этому Л. Р. Кызласов дважды спасся, когда горел в танке, – выскочить надо было за несколько секунд. Многократно высказывалось им восхищение и самим танком Т-34 (особенно с орудием калибра 85 мм, основным с 1944 г.): «Прекрасная была машина».

...Вторая часть записной книжки начинается с даты 14 марта 1945 г., когда подразделение находилось близ г. Павловицы (в 37,6 км по прямой к ЗЮЗ от Освенцима, отстоящего к западу от Кракова на 48,6 км по прямой на карте). Леонид Романович отмечал: «Всё время стоим у передовой в 1–5 км. Бьют «катюши», артиллерия, тяжёлые миномёты, но немец всё держится и отходит очень мало... Немец крепко бьёт танки и даже тяжёлые наши ИСы (танки «Иосиф Сталин»). Здесь очень плохая местность для наступления. Чуть съехал с дороги – сел. Грязь, болота, наступать негде. Граница Чехии рядом в 14 км, недалеко крупный промышленный центр и опорный пункт г. Моравска-Острава, а маршрут наш лежит на Прагу. Вчера произошёл несчастный случай. Погиб один автоматчик и один тяжело ранен. Взорвались на поясе две ручные гранаты, и это в 6 метрах от меня». Так и хочется повторить: опять провидение судьбы, опять везение?

21 марта 1945 г. бригаду, в которой был Л. Р. Кызласов, перебросили с 4-го на 1-й Украинский фронт к маршалу Коневу на территорию Селезии. По меткому замечанию автора дневника, местность благоприятствовала танковым сражениям.

Именно во второй части дневника и описан бой, в котором Леонид Романович Кызласов в результате тяжёлого ранения потерял кисть руки. Впоследствии он так описывал пережитое: «Утром 22 марта 1945 г. после артподготовки бригада при поддержке тяжёлых самоходок пошла в атаку... Мой люк был открыт, а сам я наблюдал в перископ, и вдруг – бах! Перед глазами всплеснуло пламя. Одна мысль: прыгать!!! Подняв руки вверх к люку, увидел: кисть левой руки – одни лохмотья.

Вывалился и упал с танка. Руку страшно стянуло, лицо обожгло, одежда горит, особенно телогрейка».

Допущу некоторое, но очень важное отступление, которое передаёт всю трагичность войны, её ужасы и непредсказуемость событий, отражавшихся не только в сердцах солдат и генералов на передовой, но и родных – в данном случае в далёком сибирском тылу. Передо мной копия извещения от 9 апреля 1945 г., которое прислано в Хакасию, в Абакан, из гвардейской танковой бригады, в которой воевал Леонид Романович. Извещение было послано на имя абаканского горвоенкома полковника Осипова. В нём сказано: «Прошу известить гр. Кызласову Клару Романовну, проживающ. в Красноярск. кр. г. Абакан, ул. Черногорская, д. 39 о том, что её брат, младший сержант Кызласов Леонид Романович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 23 марта 1945 г. и похоронен с отдаением воинских почестей. Германия, Силезия, дер. Бладен, высота 292». И подпись: командир 24 гв. т. бр., гв (гвардии) полковник Рязанцев, начальник штаба гв. майор Сербиченко.

Да, весной 1945 г. в абаканскую избушку на Черногорской улице пришло адресованное 18-летней Кларе Романовне такое похоронное извещение.

По словам И. Л. Кызласова, копия похоронки была вручена профессору Кызласову в 1993 г. бывшим работником военкомата Иваном Борисовичем Колчинаевым (хак. Панко), возглавлявшим тогда бригаду школьников на археологических раскопках у д. Троицкое. Глядя на неё, старший внук просил потом дедушку съездить в Германию на могилу: «Там ведь наша фамилия написана». Вряд ли написана. Официальная формула извещения сильно расходилась с реальностью. Дневниковая запись от 22 марта такова: «...сожгли второй танк нашего взвода. Остался один наш. К вечеру мы лишь двумя танками встали в оборону... Ночью подошли все танки батальона, остававшиеся сзади. Утром нас снова бросили в бой...»

Танкист, однако, выжил: «На мой крик прибежал один пехотинец, который стянул с меня телогрейку и потушил одежду, а затем потащил в ложину назад, где санитар перевязал руку, и я пошёл один в деревню

километрах в двух от поля боя. По дороге попал под артогонь, но добежал до деревни благополучно. Там попал под огонь мессеров. Пройшёл деревню и был подобран автомашиной, которая отвезла меня в тыл, в санбат...»

Да, да! Согласно уцелевшему дневнику, танкист попал в пехотный госпиталь, «где вечером 23-го мне сделали операцию, кисть отняли». За день до 21-го дня рождения парень стал одноруким. Где там отдание воинских почестей и торжественное захоронение?.. 29 марта «написал письмо домой, что ранен и всё». Согласно архиву нашей армии (доступному благодаря интернету), Леонид Романович всю жизнь таки числился в списке безвозвратных потерь РККА с того именно дня – 23 марта 1945 г.

А тогда... Тогда была чередой госпиталей – сначала армейский, затем эвакуационный из Гляйвица (тогда Германия, в результате войны Польша) – во Львов. Из дневника: «03.04.1945. Теперь я в Союзе. Мы ехали хорошо. В настоящем санпоезде, а в большинстве случаев возят «летучки» – товарняк». И дальше – на восток и юг. С 14 апреля были Ессентуки, госпиталь № 5416. За три месяца, таким образом, бойца подлечили (по косточкам собрав и раздробленный локоть)...

В областной газете «Советская Хакасия», № 105 от 5 мая 1990 г., член областного совета ветеранов войны и труда Михаил Давыдович Глазков писал о том, что храбро сражался на фронте механик-водитель 5-го гвардейского механизированного корпуса 4-й гвардейской танковой армии Леонид Романович Кызласов. Дважды горел в танке, дважды заживо был «похоронен». В последнем бою за высоту 292 танк Кызласова подбили. Погибли все другие члены экипажа. Но Леонид Романович всем смертям назло выжил. И хоть танкист из Сибири стал инвалидом войны, он впоследствии вернулся к мирной послевоенной жизни и к учёбе.

Л.Р. Кызласов в статье «Слово о Победе» в газете «Хакасия» от 13 мая 1995 г. писал так: «Сильно разреженное потерями поколение победителей, разгромив-таки злейшего врага человечества, сохранило единство и независимость своей Родины, единство и независимость всех населявших её братских народов. Вот что было величайшим

достижением из того, чего добились советские солдаты в 1945 г. Вне этого моё поколение не мыслило личного счастья». Именно любовь к Родине, чувство ответственности за свой дом, за оставшихся на полях войны товарищей, способность пожертвовать собой ради благополучия своих родных и близких помогли выстоять самые страшные годы войны. Это и есть выражение вечных человеческих ценностей – таких как любовь, вера и надежда.

За проявленное мужество в годы Великой Отечественной войны Леонид Романович Кызласов был награждён орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне», а позднее и 10 юбилейными медалями Вооружённых сил Советского Союза.

Шли послевоенные годы, наполненные археологическими изысканиями и научными трудами... А память вновь и вновь возвращала Леонида Романовича к школьной юности, томским студенческим дням, военному лихолетью, преградившему путь ему и его одноклассникам, однокурсникам, многие из которых не вернулись с полей кровавых сражений. В 1983 г. Л. Р. Кызласов пишет душевно-ностальгическое воспоминание о тех прожитых днях, о своём поколении, которое «угораздило уродиться в начале двадцатых...»

Знакомиться с этим выстраданным документом сердца – будто снова пройти по дороге его жизни, которую уготовила ему судьба, – только теперь пройти, глядя на пережитое глазами самого Леонида Романовича...

«...Теперь я чудом уцелевший на войне, много переживший, посевший человек. А они, мои незабываемые школьные друзья, с которыми прошло отрочество и ранняя юность, – мальчишки. Прекрасно помня всех по именам, я так и не знаю ни одного их отчества. Они не успели дорасти до отчеств. Но зато они, мальчишки 1941 г., выросли в защитников Отечества!

Выпускные экзамены за десятилетку в предвоенные годы начинались в середине мая. Акт первого выпуска в полной средней школе № 1 г. Абакана был назначен на вечер 21 июня 1941 г. Сколько было

тихой грусти и шумного веселья! Сколько улыбок и смеха! Как красивы были танцующие девушки, и какими галантными и гордыми выглядели юноши!

Прекрасным, свежим, ясным утром 22 июня, в пятом часу, когда разгоралась заря за грядой Енисейских гор и гасли над степью последние звёзды, счастливые и взбудораженные своим новым взрослым состоянием 18–19-летние выпускники первой школы со свёрнутыми в трубочку листиками аттестатов в руках, с песнями расходились по домам. Вся жизнь была впереди. Она казалась счастливой и бесконечной. «Сколько мы должны будем сделать и, конечно, сделаем для родной страны?» – думал каждый. И мы сделали всё, что смогли...

Предвоенные подростки 1922, 1923, 1924 годов рождения не были наивны и беззаботны. Наши отцы боролись за советскую власть, участвовали в Гражданской войне, переживали все трудности строительства первых пятилеток, стойко переносили невзгоды, а иногда несправедливости разного рода, случавшиеся в 1920–1930-е годы.

Большинство из нас познали ранний труд. В девятом классе некоторым ребятам пришлось оставить школу и пойти работать. Помню, тогда умер от болезни чудесный скромный наш друг, 17-летний Витя Забродин... В 1940 г. призвали на флот ученика нашего класса Славу Хиневича (в войну погибшего на крейсере «Марат») и классного руководителя, молодого выпускника Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена математика М. Гелькина.

По поводу заключённого в 1939 г. Пакта о мире и ненападении между СССР и Германией в моём школьном дневнике записано: «Это похоже на пожатие рук двумя борцами перед решительной схваткой». Автору записи в то время – 15 лет...

Как всякие мальчишки, мы много занимались спортом, любили военное дело, а некоторые с 14 лет вступили в Абаканский аэроклуб и с восторгом рассказывали о полётах на планерах и учебных самолётах У-2. Военное дело в школе было хорошо поставлено, и, когда мы на скорость разбирали и собирали боевую винтовку, наган или станковый пулемёт, мы привыкали к тяжести оружия. Мы уже тогда хорошо знали: наши враги – фашисты.

Утром 22 июня 1941 г. в четырёхэтажном здании нашей школы (самом высоком в тогдашнем маленьком Абакане) гасли огни. Дом этот был достроен в 1940 г., и мы проучились в нём только зиму. После нашего выпуска в школьном здании был развёрнут госпиталь.

В девятых – десятых классах Серёжа Берестов, Олег Савранов, Вася Костик, Володя Цегель и я особенно сдружились в стремлении приобщиться к огромному миру знаний. Нам было тесно в рамках школьной программы.

Собираясь два-три раза в неделю, мы то читали рефераты по истории искусства, особенно по русской и западноевропейской живописи (изучали альбомы, монографии искусствоведов, многотомный труд И. Грабаря), то штудировали историю философии по гимназическому учебнику профессора Нечаева, то подряд читали вслух драмы Шекспира в дореволюционном издании Брокгауза и Эфрона – с великолепными иллюстрациями, прикрытыми тончайшей рисовой бумагой, или «Божественную комедию» Данте Алигьери с гравюрами Густава Доре. Затем, достав откуда-то самоучитель, начали самозабвенно изучать французский язык, который в нашей школе не преподавали. А сколько мы читали стихов, сколько книг всех времён и народов! Сейчас ясно сознаю, что наибольшее количество беллетристики было прочитано мною в школьные годы.

Мы жаждали знаний, спешили узнать как можно больше и, как оказалось, торопились не зря. Теперь подсчитано: из каждых ста юношей 1922, 1923 и 1924 годов рождения, ушедших на фронты Великой Отечественной войны, вернулись назад только трое. Вернулись калекми. Глубоко трагична судьба мальчиков моего поколения, и подсчёт этот – горькая правда...

Жизнь моих прекрасных школьных друзей была коротка. Но какой значимой, какой сконцентрированной, какой волевой она была! Вдумайтесь: свыше сорока лет беспрестанно перед моим взором горят их светлые, весёлые лица, звучат в ушах их голоса и смех. Сорок лет я вслушиваюсь в их и нынче актуальные реплики и высказывания, вспоминая наши пылкие беседы. Сорок лет я изо всех сил стараюсь оправдать их надежды, сделать что-то и за них, воплотить в жизнь хоть какую-то

толику и их мечтаний, чтобы по возможности полнокровнее влился в нашу жизнь вклад моего изреженного войной поколения.

Серёжка Берестов, пасынок заместителя областного военкома, всегда donaшивавший отцовские гимнастёрки, весёлый, русский и ясноглазый, лучший и талантливейший друг мой, всесторонне развитый спортсмен, блестящий эрудит, всегда поражавший широтой своих интересов... Он был гордостью школы и первым среди лучших выпускников трёх десятых классов 1941 г. В 19 лет, после окончания Киевского высшего военного инженерного дважды Краснознамённого училища связи им. М. И. Калинина (в то время эвакуированного в Красноярск), лейтенант Берестов командовал на фронте взводом связи и героически погиб в боях с фашистскими захватчиками в 1942 г. Навеки 19-летний!

Олег Савранов – наш школьный философ. Это был гибкий, стройный юноша-бурят с чёрной шапкой курчавых волос, всегда одетый в более чем скромный хлопчатобумажный костюм. Он был старшим в многодетной семье полуграмотного пастуха, жившего в избушке возле старого мясокомбината.

Не окончив шестимесячных курсов артиллерийского училища, он был направлен на фронт в начале 1942 г. А в марте 1945 г., перед героической гибелью в боях за Берлин, капитан Савранов, 21 году от роду, занимал должность заместителя командира полка по политической части.

Василий Костик, живший в крохотной белой мазанке возле базара, сын многосемейного грузчика-еврея с Абаканского элеватора, был прирождённым общественником и организатором. Весёлый и общительный, очень любивший детей и боготворимый ими, он являлся бессменным пионервожатым в младших классах и нашим комсоргом. Страстно любивший литературу, Вася слыл знатоком истории Гражданской войны. С восторгом часами он мог рассказывать обо всех красных героях-полководцах и обо всех выигранных ими сражениях. Последний раз я видел его в Томске зимой 1942 г., где он вместе с Олегом Саврановым учился в училище. Знаю, что он был выпущен лейтенантом и в 19 лет командовал артиллерийской батареей истребителей фашистских танков. Обстоятельства его гибели мне неизвестны, но ни минуты не сомневаюсь, что Костик героически дрался с врагом до последней капли крови.

Володя Цегель, длинный и нескладный юноша, из-за близорукости носивший очки, был прирождённым математиком. Его отец, учитель физики нашей же школы, привёз сюда семью в 1939 г. из Харькова. Среди нас, энергичных сибиряков, несколько меланхолический Володя по своим привычкам почти взрослого человека и по манере всегда держаться серьёзно выглядел, что называется, «белой вороной». Но вскоре все его полюбили за честность, общительность и незлобивость, за глубокие знания точных наук. Это был единственный ученик школы, который имел собственный узкоплёночный фотоаппарат ФЭД, дотоле никогда нами не виданный. Володя охотно снимал нас всех, и жаль, что эти фотографии не сохранились.

Я и Володя Цегель оказались самыми младшими в классе. В 1941 г., ко времени окончания школы и к началу Отечественной войны, нам едва исполнилось по 17 лет. Нас не взяли добровольцами в армию. В военкомате, куда мы пришли вместе со всеми ребятами, сказали, чтобы мы продолжали учиться. Так мы с Цегелем в августе 1941 г. оказались в Томске. Он стал студентом Политехнического института, а я – Томского университета. Изредка нам удавалось повидаться с нашими друзьями по курсу, артиллеристами О. Саврановым и В. Костиком.

Однажды, когда Вася Костик был назначен патрульным по городу, я три часа ходил по улицам рядом с ним. Крепко скроенному Васе очень шла подогнанная военная форма, а на его широком плече, на ремне, как влитой висел боевой карабин. Вот когда мы отвели душу и обсудили все события нашей тогдашней жизни. Нам приходилось сохранять внешнюю независимость друг от друга – ведь курсант Костик нёс патрульную службу, а я был всего лишь празднующимся гражданским студентом.

И вот один за другим уехали на фронт наши друзья, а к осени 1942 г. пришёл и наш черёд. Я был призван в учебный танковый полк, а куда попал мобилизованный Володя Цегель – не знаю. После войны мне рассказывали, что вслед за Володиной на фронт ушли его отец-учитель и младший брат, ученик девятого класса той же первой школы Абакана. По имеющимся сведениям, все трое погибли в боях, защищая родное Отечество.

Кроме людей, о которых я рассказывал, в нашем выпуске было ещё много интересных и самобытных ребят, которые тоже пали на полях сражений. Воевали и некоторые наши девушки. Многие мои одноклассники были талантливы. Я был по способностям средним среди них. Теперь, спустя 40 лет, отчётливо осознаёшь, какой золотой фонд советской молодёжи сгубила проклятая война.

Они могли бы сделать очень многое для своей Родины, мои одноклассники. Но они сделали для неё самое главное – заслонили её своими жизнями, обеспечили ей Великую Победу, принесли новым поколениям мирную жизнь на долгие годы! Героическим подвигом закончилась короткая жизнь моих друзей, и нет конца их бессмертию!

...40 лет прошло со дня первого выпуска. И вот 26 июня 1981 г. я присутствовал на акте выпуска учащихся в средней школе № 1 г. Абакана. 40 лет не входил я в школьное здание. Знакомые лестницы, коридоры и подоконники. А вот и наш класс – угловая комната на 4-м этаже... На двери кабинета – какое удивительное совпадение! – цифра 41. И меня вновь обступили мои незабываемые друзья...

Потом были торжественные минуты. Прекрасным юношам и девушкам седовласый директор вручал аттестаты. Звучали проникновенные напутственные речи учителей. Выступил с поздравлениями и я. Из первого выпуска учеников, состоявшегося в 1941 г., нас на этом вечере было двое. Рядом со мной сидела моя дорогая одноклассница, заслуженная учительница РСФСР Ираида Андреевна Барашкова.

...Гремел весёлый бал. Приятно и радостно было смотреть на новую молодёжь, вступающую в большую жизнь. Они – наша смена, и смена достойная! Так что же тогда смущало и бредило мою душу, когда уходил я с прекрасного этого вечера? Скажу честно: я не увидел в школе памятной доски, на которой бы золотом были вырезаны имена и фамилии тех педагогов и учеников этой школы, которые в самый трудный для Родины час, не колеблясь, встали из-за столов и парт и шагнули в ряды героических её защитников. Последующие поколения учащихся должны знать бессмертные имена павших героев и гордиться своими героическими предшественниками. «Никто не забыт и ничто не забыто!» – прекрасный девиз. И он должен всюду воплощаться в жизнь».

Стихи Леонида Романовича «Угораздило нас уродиться в начале двадцатых...» были изданы в 2009 г. в сборнике ветеранов – участников Великой Отечественной войны МГУ «Мы шли навстречу ветру и судьбе».

Угораздило нас уродиться в начале двадцатых...
Это наша судьба, и с пути никуда не сойти.
Вспоминаю о них, о далёких и честных ребятах,
Тех, которым пришлось молодыми из жизни уйти.
Уходили они не под грохот больших барабанов
И не в слитых шеренгах, как ходят войска на парад.
Каждый в тяжком бою получил свою смертную рану,
Но и в братских могилах солдаты рядами лежат.
Все походной командой подобраны в день после боя;
Их шинели в земле, гимнастёрки в засохшей крови!

«Ах вы, мальчики, мальчики! Как же случилось такое?» –
Стонут бедные матери, руки ломая свои.
Сорок лет позади, но мы вас никогда не забудем,
Ваши светлые тени за нами по жизни идут;
Наши внуки о вас перескажут грядущего людям
И о подвигах ваших в 20-х веках пропоют.

В 1995 г. профессор Л. Р. Кызласов в республиканской газете «Хакасия» опубликовал своё историко-философское «Слово о Великой Победе». Написал проникновенно, как воин и учёный-публицист, как ветеран, свято хранящий память о тех грозных днях, увенчанных нашей Победой.

«В 18 лет Абаканским городским военкоматом я был призван на Великую Отечественную войну. Здесь, в военкомате, в моём личном деле сохраняется похоронное извещение, присланное управлением 24-й гвардейской танковой бригады в апреле 1945 г. В нём сказано, что сержант Л. Р. Кызласов, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 23 марта 1945 г. и похоронен с отдаением воинских почестей: Германия, Силезия, дер. Бладен, высота 292.

Оставаясь среди живых и значась среди мёртвых, я позволю себе как историк говорить здесь от всего поколения и, прежде всего, от имени моих однокашников, окончивших абаканскую среднюю школу № 1 22 июня 1941 г. и шагнувших со школьной скамьи прямо в огонь войны.

50 лет назад прекратился, как тогда казалось, неумолимый рёв и рык того чудовищного огненного зверя, которого называли войной... Говоря коротко и даже вопреки имеющемуся в обществе известному разбросу мнений, мы, по-видимому, все: и старые, и молодые, – сойдёмся на том, что время нашей жизни, главным событием которой была Великая Отечественная война, было героическим временем. Но героическое время возникает не само по себе. Его порождает дух народа, порождает массовый народный героизм. И тогда возникает общий настрой эпохи.

В истории многих государств и народов бывают периоды подъёма и спада, периоды военных побед или поражений. В истории России начало XIX в. было победоносным благодаря успеху военной кампании первой Отечественной войны 1812–1814 гг. Но последующие войны царей из династии Романовых уже не были победоносными. Если взять революционный 1917 г. за определённый рубеж в истории Российского государства, то увидим, что предшествующие ему 64 года состоят из военных поражений. Были проиграны: Крымская война 1853–1856 гг., когда в 1855 г. впервые пал Севастополь; русско-японская война 1904–1905 гг., с трагедией под Цусимой; Первая мировая война 1914–1917 гг. В результате царь Николай II отрёкся от престола, произошли Февральская и Октябрьская революции.

Таким образом, вторая половина XIX и начало XX в. были эпохой военных поражений царского самодержавия и России в целом.

Что касается советской власти, то за тот же период в 64 года при несравненной интенсивности и частоте войн страна выиграла: Гражданскую войну, а также преодолела военную интервенцию ряда передовых по вооружению иностранных государств (1918–1921); советско-польскую войну 1920 г.; схватку с Китаем на КВЖД в 1929 г.; битву с японской армией на р. Халкин-Гол в 1939 г.; финскую кампанию 1940 г.; Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.; войну с Японией

в Северном Китае осенью 1945 г.; многие другие стычки на всех границах СССР и за рубежом (Хасан, войны на стороне Кореи и Вьетнама).

Следовательно, эпоха войн Советского Союза за первые 60 лет его существования была эпохой военных побед, эпохой героической. В такую эпоху в любой стране, несмотря на трудности и жертвы, подъём патриотизма сплачивает и удесятяряет народные силы. Появляются убеждённости в победе и стремление к ней.

Так страна военных поражений, каковой была царская Россия, стала страной побед!

Поэтому предвоенная молодёжь, воспитанная на идеалах массового героизма поколения своих отцов в эпоху неслыханно тяжёлой Гражданской войны и интервенции, попав на войну Отечественную, в самых отчаянных обстоятельствах знала один лозунг: «Фашизм будет разбит! Победа будет за нами!» И оно, наше поколение, сознательно отдавало за победу всё, что имело, не жалея своей жизни.

Разве эти люди на собственном опыте не знали того общественно-го явления, которое теперь называют тоталитарным режимом? Полноте! Впервые в истории России эти люди не были тёмной массой. Они были первым поколением всеобщей грамотности, неудержимо тянувшимся к высшим достижениям мировой культуры. Надо знать, что даже в маленьком предвоенном Абакане подростки 14–16 лет дополнительно к школьной программе самостоятельно изучали историю философии, искусство, второй иностранный язык, краеведение, интересовались высшей математикой. Эти мальчики полегли на полях сражений, но они не были бездумным пушечным мясом.

На войну шли и погибали героями дети раскулаченных и дети репрессированных и расстрелянных родителей. Они хотели продолжить героический путь погибших отцов. Они осознавали себя такими же советскими людьми, как и все остальные.

Вот я, дважды раненный, не раз горевший в танках, «похороненный», но живой ветеран войны. А ведь это мой родной отец Роман Афанасьевич Кызласов, первый среди хакасов «плановик-экономист-синтетик», как записано в его дипломе, вышедший, благодаря культурной революции, из среды беднейших и неграмотных «инородцев», член ВКП(б)

с 1927 г., работавший до ареста председателем Хакасского облпотребсоюза, был ни за что расстрелян 42 лет от роду в 1938 г.

Да, умирать в 19–20 лет нам не хотелось, но смерть в общенародном строю ради великого дела не казалась чем-то конечным. Мне известны факты личного упрямства молодых бойцов. При длительном, иногда малом отступлении по родной земле воин вдруг заявлял: «Всё! Дальше не сделаю ни шагу. Это мой рубеж, здесь буду стоять насмерть!» Таких не карали за нарушение приказа об отступлении. Таким давали боеприпасы и пайки. Погибший на фронте воин и поэт, студент МГУ Николай Майоров успел написать: «Нам лечь, где лечь! И там не встать, где лечь».

Нельзя понять, почему народ победил в войне с германским фашизмом, если думать, что в Красной армии всё было основано только на страхе или на безжалостной дисциплине. Совершенно много ошибок, были и необученные, а иногда и глупые командиры. Но на войне также бывали и чудеса. Немецкие генералы нередко удивлялись, что их били и брали в плен вчерашние студенты или школьные учителя, за 5–6 месяцев по сокращённой программе проучившиеся в военном училище и попавшие на фронт всего 2–3 месяца назад.

Прекраснодушные господа теперь иногда говорят о зловредной роли политруков в действующей армии. Не знаю, на фронте не слышал об этом. Наш политрук 5-го гвардейского Зимовниковского отдельного мотомеханизированного корпуса ничего не говорил танкистам. Он просто слегка изменял курс походной колонны, и танки проходили сквозь только что оставленную бежавшими фашистскими ордами разбитую и горящую украинскую или белорусскую деревеньку. Не политруки, а сам враг учил нас ненависти к себе.

Теперь нас, ветеранов, часто спрашивают: «Чего вы добились своей победой?» А стоит ли путать разные вещи? Победа СССР в войне с фашизмом – это факт внешний, факт международной истории и политики. А вопрос о том, что же поимел победитель от своей победы – это факт внутренний. Сильно разреженное потерями поколение победителей, разгромив-таки злейшего врага человечества, сохранило единство и независимость своей Родины, единство и независимость

КЫЗЛАСОВ**ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ****(24.03.1924 – 24.07.2007)**

Л.Р. Кызласов родился в селе Сиявино Хакасского уезда Енисейской губернии.

После окончания танкового училища Л.Р. Кызласов сражался на 4-м Украинском и 1-м Украинском фронтах. Несколько раз был тяжело ранен. Его семья дважды получала похоронки, но Л.Р. Кызласов выжил.

В 1948–1949 гг. Леонид – студент кафедры археологии исторического факультета МГУ. В 1949–1982 гг. – аспирант кафедры. В 1953 г. Л.Р. Кызласовым была защищена кандидатская диссертация «Таштыкская эпоха (I в. до н.э. – V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины».

В 1980 г. была создана Хакасско-Тувинская археологическая экспедиция МГУ, которую Л.Р. Кызласов возглавлял вплоть до 1991 г. За это время экспедиция исследовала различные памятники, начиная культовыми изваяниями эпохи неолита и кончая могилами XV–XVII вв. на территории Тувы, Хакасии, Красноярского края, Казахстана, Киргизии, Прибайкалья и Приморья. Вольшой вклад в изучение духовной жизни народов Южной Сибири внесли открытые экспедицией под его руководством первобытные святилища, средневековые буддийские и манихейские храмы, несторианская церковь. Значительные работы были проведены в Киргизии и Казахстане.

В результате Л.Р. Кызласовым была создана фундаментальная база для нового этапа археологического изучения истории огромного края. Л.Р. Кызласовым на территории Тувы и Хакасии обнаружено и обследовано семнадцать городов VIII–X вв., два города VIII–XIII вв. и шесть городов XIII–XIV вв., а также два храма II–I в. до н.э. и до двенадцати храмов и святилищ VIII–XII вв. на землях Хакасии. Л.Р. Кызласов является автором свыше 380 научных работ, в том числе 18 монографий и 12 книг, написанных в соавторстве. Он также вошёл в авторский коллектив многолетнего издания History of Civilizations of Central Asia, выпускающегося ЮНЕСКО.

всех населявших её братских народов. Вот что было величайшим достижением из того, чего добились советские солдаты в 1945 г. Вне этого моё поколение не мыслило личного счастья. А именно это прежде всего стремились уничтожить Гитлер и Геббельс, начиная войну с Россией.

Главная же правда войны состоит в том, что был единый сплочённый советский народ, в минуту страшной опасности для Родины отложивший все внутренние наши дела «на потом». Для этого народа все нации Союза были братьями, своими, родными людьми на войне. Чужими, врагами были только фашисты, гитлеровские «гансы» и «фрицы» или предатели-власовцы.

Над полями сражений, даже при отступлении, над советскими солдатами – живыми и мёртвыми – веял общий дух Победы, и он определил всё. Да живёт в веках слава Победы советского народа над фашизмом и милитаризмом Германии!

От всей души желаю, чтобы у последующих поколений, у наших детей и внуков, состоялись бы свершения, по значимости равные нашей Победе, юбилеи которых они могли бы праздновать достойно и торжественно».

ЖИЗНЬ, РАВНАЯ БЕССМЕРТИЮ

После окончания войны советское правительство начинает проводить мероприятия по демобилизации военнослужащих из Красной армии. Так, 23 июня 1945 г. вышел закон Верховного Совета СССР «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». 25 сентября 1945 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О демобилизации второй очереди личного состава Красной армии». Демобилизации подлежали специалисты народного хозяйства с высшим и средним специальным образованием, студенты вторых и старших курсов, учителя и преподаватели учебных заведений различного типа, военнослужащие, получившие в годы войны по три и более ранений средней и тяжёлой степени или отслужившие семь или более лет, женщины рядового и сержантского состава.

19 сентября 1945 г. Л. Р. Кызласов был освобождён от воинской обязанности и снят с воинского учёта с формулировкой «признан негодным к несению воинской обязанности с исключением с учёта по гр. II ст. 65 расписания болезней НКО СССР 1942 г. № 336». После излечения в госпитале, 26 июля 1945 г., он приехал в Москву, чтобы продолжить своё образование. Он помнил наказ матери! Этот день он вспоминал много лет спустя в статье «Обретение пути в науку» в научно-популярном сборнике кафедры МГУ в 1983 г.: «И вот он, счастливейший день, 26 июля 1945 г. Я сошёл на перроне Курского вокзала в Москве. В солдатском обмундировании, с дорожным мешком за плечами, с протезом вместо левой руки я стою у решётки Александровского сада и смотрю через Манежную площадь, туда, где впереди, на Моховой улице, возвышается строгое монументальное здание университета. Бывалый солдат, двадцати одного года от роду, прошедший с трудными боями тысячи вёрст по дорогам Европы, я испытывал во время первой встречи огромную робость и волнение. Слёзы застилали глаза».

По решению Совета Министров СССР в 1944–1945 гг. всех недоучившихся студентов, вернувшихся с фронтов, восстанавливали по их желанию в любой вуз страны. Как студента, окончившего в 1942 г.

Свидетельство № 199575 (бессрочное) (хранить параллельно с военным билетом) Об освобождении от воинской обязанности Выдано настоящее свидетельство г. Москва (Средне-Восточный военный округ и войск области) НКО СССР 1942 г. года рождения Кызласову Леониду (фамилия, имя, отчество) Рачковскому составу запасе 26.07.1945 г. Категория ВУС № уроженцу Краснознамский край (область, край) Усть-Алабаевский р-н (район, село) и.о. Семин	в том, что он по состоянию здоровья 19. сентября 1945 комиссией при Генштабе при команд РКК или военной части) признан негодным к несению воинской обязанности с исключением с учёта по гр. II ст. 65 расписания болезней приказа НКО СССР 1942 г. № 336 с снят с воинского учёта Подлежит переосвидетельствованию через М. П. Районный военный комиссар 19.09.45	КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ В КРАСНОЙ АРМИИ, ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ, ПОГРАННИЧНЫХ И ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ НКВД с 1942 г. 24.11.1942 г. командир 5-й Рв. батареи. Командир механической батареи 23-й бригады 1945 г. Уволен из армии и флота 26.07.1945 г. СССР с 26.07.1945 г. Подп. Ног. Ног Подпись командира РКК 19.09.45 и.о. Семин
--	--	--

Свидетельство об освобождении от воинской обязанности

*Студент
МГУ им. М. В. Ломоносова*

первый курс Томского университета, его в 1945 г. зачислили на второй курс исторического факультета Московского государственного университета. Как он радовался тому, что ему оказалась доступна Москва, лучшее учебное заведение страны! И ведь целая правая рука, он сможет, несмотря на полученную инвалидность, писать, сможет учиться, познавать любимую науку! Думаю, перед нами сила человека. Он всего добивался сам в самых сложных условиях.

Послевоенные судьбы фронтовиков, понятно, складывались по-разному и далеко не всегда удачно, если не сказать больше. Впоследствии Леонид Романович Кызласов с грустью вспоминал, что из его сокурсников Томского государственного университета, призванных в армию, никто не вернулся к учёбе «или хотя бы остался в живых...» Кто знает, как бы могла изменить война линию жизни Л. Р. Кызласова, если бы не воспитание, заложенное его родителями, если бы не горячее желание и стремление его самого продолжить образование, как хотел того отец и хотела мама.

Окончив в 1949 г. исторический факультет МГУ, Л. Р. Кызласов продолжил образование в аспирантуре при кафедре археологии исторического факультета МГУ. Как и в студенчестве, его научным руководителем в аспирантуре был Сергей Васильевич Киселёв, который, по выражению Леонида Романовича, стал для него «незаметно и ненавязчиво... учителем жизни». В студенческие годы и в период учёбы в аспирантуре он успешно осваивал разные отрасли гуманитарных наук, особенно исторические, естественно, основы теории и практики полевой археологии. Он днём и ночью видел древние курганы родной степной Хакасии, его душа рвалась на малую родину и требовала приступить к изыскательской работе. Учитель прекрасно видел в своём ученике-аспиранте природные задатки археолога, его всепоглощающее желание овладеть

знаниями и секретами будущей профессии. С. В. Кисёлев понимал, что для его способного аспиранта заниматься археологией – это просто жизненное призвание! И, наверное, вряд ли он тогда догадывался, что Леонид Романович многие свои открытия в хакасских степях сделает совместно с ним и его неоценимой помощью! Сергей Владимирович Киселёв уже в 1946 г. привёз студента Леонида Кызласова на раскопки Ташебинского дворца.

В 1950 г., будучи аспирантом, Л. Р. Кызласов между тем решил основать Хакасскую археологическую экспедицию МГУ, проработавшую, если забегать вперёд, до 1991 г., а до 2002 г. являлся научным руководителем Хакасской археологической экспедиции Совета министров, затем Правительства Республики Хакасия. Таким образом, в течение четырёх десятилетий экспедиция проводила широкомасштабные археологические исследования в Южной Сибири, в результате чего были получены обширные материалы по истории огромного региона. В 2000 г. отметили 50-летие Хакасской археологической экспедиции большой конференцией и для участников была организована двухдневная экскурсия по местам, где в разные годы работала экспедиция.

Создавая постоянно действующую экспедицию, Леонид Романович Кызласов абсолютно точно знал основные её цели и задачи. Знал и был убеждён, что положит всю свою жизнь на исторические исследования на своей родной хакасской земле и соседней Тувы, на их сопредельных территориях. Результаты научной деятельности Л. Р. Кызласова отражают его фундаментальный вклад в воссоздание важнейших этапов ранней истории многих народов Сибири и Центральной Азии. На основе систематизации и классификации накопленных материалов в течение сорока шести полевых сезонов, проведённых в Хакасии, Туве, Бурятии, Киргизии, Казахстане, на Дальнем Востоке, он внёс существенный вклад в создание прочной источниковой базы по древней и средневековой истории и культуре Северной Азии.

Я долго размышлял, как наиболее полно и объективно рассказать о научной, педагогической и общественной деятельности Л. Р. Кызласова. При этом не буду подробно и детально описывать конкретные

археологические экспедиции, научные труды, темы курсов лекционных и семинарских занятий и участие в общественной жизни коллектива, где работал, а также об его огромной просветительской деятельности. Хотелось кратко, но в то же время полно и ёмко раскрыть характер и жизненный стержень большого учёного и настоящего советского человека. При необходимости рассказать об отдельных работах или о концепциях.

Глубоко убеждён, что многим из нас природа щедро даёт способности и возможности, которые надо использовать, большую роль здесь играет воспитание в семье, нравственные ценности общества. Вопрос в том, кто и как этим воспользуется. К сожалению, не всем дано постоянно трудиться и учиться всю жизнь, независимо от сферы деятельности, профессии и образования. Божий дар тому, кто познал счастье творчества...

Я имел счастье (иначе и не скажешь!) несколько лет быть у него в экспедициях, тесно общаться и быть вхожим в семью в течение нескольких десятилетий... Знаком практически со всеми его работами, все его монографии есть в моей домашней библиотеке с добрыми пожеланиями автора...

Что главное в Л. Р. Кызласове как учёном? Прежде всего, его выделяют энциклопедические знания в разных областях науки, особенно в гуманитарной. Комплексный подход в изучении различных обществ с использованием практически всех видов исторических источников. Кропотливая и критическая работа с источниками. Поражают масштабы научных изысканий по времени и пространству. Нелёгкая полевая работа постоянно добавлялась напряжённой кабинетной, превращаясь в увлекательные и содержательные лекции и семинарские занятия. Заслуженный профессор Московского университета прожил большую научную жизнь. Метод историзма, которого придерживались преподаватели кафедры археологии МГУ, практически всегда приводил к новым научным открытиям. Именно поэтому, когда анализируют научные труды Л. Р. Кызласова рецензенты, всегда звучит характеристика – впервые. Он в большинстве случаев был пионером в изучении разновременных памятников старины в Хакасии, Туве, Горном Алтае, Монголии, Казахстане, Киргизии и т. д. Прекрасная научная подготовка и полевой

опыт позволяли ему видеть проблему больше и шире в историческом пространстве. Им были созданы работы, которые воссоздают историю больших регионов с древнекаменного периода до позднего Средневековья, заложили основы этногенеза практически всех народов Южной Сибири. Научные работы Л. Р. Кызласова лежат в основе всех современных исследований сибирского Средневековья. По многим вопросам истории, а также отдельным памятникам и культурам огромного Центрально-Азиатского региона он остаётся единственным их исследователем.

Л. Р. Кызласов был талантливым и блестящим педагогом. Я в течение нескольких лет работал и общался со студентами исторического факультета МГУ. Они, как все студенты-историки, после первого курса проходили археологическую практику. Это были мои сверстники, поэтому с многими из них я подружился. Они рассказывали мне, что всегда был большой конкурс среди студентов-претендентов ехать в далёкую и таинственную страну, как они выражались – в «Кызласию». Это было счастливое и замечательное время! Молодые люди работали с большим интересом и замечательно отдыхали. Когда порой я рассказываю об экспедициях Леонида Романовича, многие, между прочим, удивляются, когда узнают, что у нас всегда был «сухой закон».

Л. Р. Кызласов читал общие курсы для всех студентов первого курса исторического факультета – «Введение в археологию» и «Археология СССР», а также и для студентов заочного и вечернего отделений.

Самыми интересными и актуальными являлись лекции, связанные с новыми научными открытиями, а также специальные курсы для будущих историков и археологов. Он разрабатывал спецкурсы: «Археология Казахстана и Киргизии», «Неолит и энеолит Сибири и Дальнего Востока», «Бронзовый век Сибири», «Ранний железный век Сибири», «Средневековая археология Сибири», «Письменные известия о древних городах Сибири». Для этих спецкурсов характерным было то, что на них давался детальный анализ археологических материалов и проблем с использованием всех источников. Обязательным было изучение культурных и экономических связей между различными регионами. В лекциях и семинарах Леонида Романовича Кызласова древности

словно оживали через историю конкретных народов и этнических групп. Всесторонне освещалось их искусство, мифология, легенды и верования.

Кроме общих курсов для студентов-историков, Л. Р. Кызласов руководил семинаром на третьем курсе под названием «Археологическое источниковедение» и при этом многие годы возглавлял обязательную для археологов музейную практику – обычно в фондах Государственного Эрмитажа.

За годы преподавания под его руководством 40 человек защитили кандидатские диссертации, 14 человек стали докторами исторических наук, 8 – профессорами. Его ученики трудятся в 15 странах мира.

Ак-Бешим, Киргизия. 1953 г.

Ак-Бешим, Киргизия. 1953 г.

Талант и трудолюбие учёного наиболее ярко проявились в его всемирно известных научных открытиях. Например, в результате раскопок в 1953–1954 гг. в Ак-Бешиме (Кыргызстан) он открыл остатки первого в Средней Азии и самого раннего буддийского храма, первой христианской церкви, манихейского могильника и башни-дахмы, имевшей вид замка. Эти открытия принесли ему мировую известность. В 1956 г. статья Л. Р. Кызласова о буддийском храме была передана нашей страной Джавахарлалу Неру и в Индии была издана на английском и 12 языках народов Индии. Материалы открытия также были изданы в Англии, Франции и Китае. Методика ведения раскопок подобных памятников используется всеми учёными.

По результатам многолетних исследований Хакасской и Тувинской археологических экспедиций сделаны десятки научных открытий.

*У входа исторического факультета
МГУ. 1956 г.*

Был создан первый полный перечень неолитических памятников Хакасско-Минусинской котловины. Он первым провёл целенаправленные раскопки в местах, где стояли знаменитые каменные менгиры и изваяния, этим был открыт новый тип исторических памятников. Комплекс святилищ с установленными изваяниями был определён как образы первобытных божеств и изображал возникновение и существование Вселенной.

Л. Р. Кызласов по топониму старинного аала Тазьмин, расположенного вблизи ст. Ербинской, правомерно назвал культуру того времени тазьминской. Кстати, именно в этот период впервые на нашей земле появился, а в настоящее время стал одним из самых популярных брендов в Хакасии – соляренный знак (начало III тыс. до н. э.).

Примером сознательной и целеустремлённой исследовательской работы учёного было то, что он старался копать только памятники тех периодов и эпох, которые изучены недостаточно. Например, Леонид Романович Кызласов раскопал единственное пока на Среднем Енисее древнее сооружение, представляющее собой вертикально поставленные по 81-метровой дуге гранитные менгиры захоронения. Их венчают плиты с резными изображениями (2290 г. до н. э., датировка по радиоуглеродному анализу).

Всемирно известны его раскопки Оглахтинского могильника, когда на материалах захоронений было выявлено начало тектонических процессов становления культуры на огромной территории, выявлены

Тува. 1959 г.

явления и события, изменившие все сферы жизни местного населения.

Важнейшими научными достижениями Л. Р. Кызласова явились: создание методов этнического определения древностей (этнической археологии Сибири), открытие древней и средневековой городской цивилизации Южной Сибири и Центральной Азии, древностей Уйгурского каганата, фактическое открытие Древне-хакасского государства, датирование енисейской рунической письменности, изучение средневекового искусства хакасов, обнаружение манихейских храмов VIII–XIII вв., собрание и обобщение письменных свидетельств о Сибири и Центральной Азии в китайских, персидских, араб-

ских, тюркских, греческих, западноевропейских и русских источниках; им создана периодизация и хронологическая классификация древней и средневековой истории Хакасии и Тувы. Его научные труды, насчитывающие свыше 350 наименований, среди которых 17 персональных монографий, хорошо известны коллегам-специалистам и немалому числу людей, интересующихся историей родного края.

Труды Л. Р. Кызласова получили международное признание. Многие его работы переведены не только на языки изучаемых народов, но и на английский, немецкий, итальянский, турецкий, японский и двенадцать языков народов Индии.

Он – один из авторов коллективной монографии «History of Civilization of Central Asia», изданной ЮНЕСКО.

Высокая академическая наука и сфера высшего образования приняла и отметила разносторонние учёные заслуги Леонида Романовича Кызласова. Независимыми сообществами специалистов он был избран членом Финно-Угорского общества (Финляндия, 1983), членом-корреспондентом Германского археологического института (ФРГ, 1984), членом Советского комитета тюркологов при отделении литературы и языка АН СССР (1988), членом специализированных советов по археологии и этнографии при МГУ (1953) и Институте археологии АН СССР (1968–1991), работал в составе редакционной коллегии журнала «Советская археология» (1979–1986) и Научно-технического и Научно-методического советов Министерства высшего образования СССР (1979–1986), состоял в экспертной комиссии по историческим наукам (1969–1973) Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР.

Вручение диплома «Почётный профессор МГУ». 2003 г.

За многолетнюю творческую работу и вклад в науку в октябре 1982 г. Л. Р. Кызласов был награждён Ломоносовской премией МГУ I степени «За цикл работ по истории и археологии Тувинской АССР» и в августе 1991 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Тувинской АССР».

В октябре 1985 г. Леонид Романович награждается Государственной премией СССР «За цикл работ по теме «История и археология Южной Сибири», опубликованных в 1960–1985 гг.».

В апреле 1993 г. Л. Р. Кызласов был награждён Государственной премией Республики Хакасия им. Н. Ф. Катанова (№ 1) за цикл трудов «Древняя и средневековая история Южной Сибири», «Древнейшая Хакасия» и орденом Республики Хакасия «За заслуги перед Хакасией», а также орденом «За благие дела» Совета старейшин родов хакасского народа (№ 001). В марте 1994 г. учёному было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия».

В своей книге «Дела минувших лет», изданной в 2017 г., её автор В. М. Торосов, Председатель Совета старейшин хакасского народа, пишет: «В 2013 г. (нами) была учреждена высшая общественная награда республики – орден «Алыпа». Орденом № 1 посмертно (был) награждён наш выдающийся учёный, археолог Л. Р. Кызласов, по крупицам восстановивший и впервые написавший историю хакасского народа с древнейших времён до современности».

В марте 2014 г., когда учёному исполнилось бы 90 лет, Совет старейшин выступил с ходатайством о присвоении безымянной вершине Западного Саяна (с отметкой 3 000 м над уровнем моря) «имени Кызласова».

И последнее по счёту, но не по значению. Национальный республиканский краеведческий музей нашей республики с 2007 г., по предложению Совета старейшин хакасского народа, стал носить имя достойного сына своей земли – Леонида Романовича Кызласова.

Наш учёный с мировым именем положил всю свою жизнь на изучение прошлого древней земли Хакасии и её сопредельных территорий, тщательным изыскательским и научным своим трудом

навекы обессмертил себя в глазах нынешнего и последующих поколений не только нашей Хакасии, но и всей России.

В своей статье «Городская цивилизация Сибири и Срединной Азии: постановка тематики исторических и археологических исследований» Л. Р. Кызласов пишет: «В своё время, довольно давно, автор этих строк встретил в письменных источниках разных периодов постоянные упоминания городов, некогда существовавших в Сибири, и ясно осознал, что мы знаем о них несравненно меньше путешественников и учёных далёкого прошлого. Самолюбие природного сибиряка потребовало исправить несправедливое положение. Более прочих помочь этому могла археологическая наука. Следовало освоить её поисковые методы, овладеть приёмами раскопок, т. е. постигнуть закономерности естественного превращения людских творений в косные объекты природы, освоить механику отыскания места каждого из таких объектов в культурном развитии человечества. И там, где недостаёт чего-либо из перечисленного, — создать новые, устремлённые к цели способы поисков городских руин и методов их исследования».

Данные письменных источников о древних городах Сибири и основные итоги их рассмотрения важны не одной лишь фактологической базой, способной вдохновить историков и археологов на новые поиски и разработки, но и осмыслением общих путей европейской науки в названной области.

Накопление знаний о гигантском Сибирском крае медленно происходило от начала европейской цивилизации. Его ход отражают особенности отечественной историографии — и не только ранней, но и нынешней. Грустно, но необходимо ясно осознавать: даже в наши дни всё ещё требуется проведение и издание специальных исследований, только закладывающих основы научного поиска, порождающих его первичные послы, способные сотворить начальное — убедить современных исследователей в давнем существовании городов Северной Азии. Убедить их в необходимости включения древностей этих земель не в перечень экзотических заповедников дикости, а в осознание общечеловеческих цивилизационных процессов. Вопреки многим

новейшим изданиям, история городской жизни Северной Азии начинается не с русских острогов XVII в. Письменные, археологические, языковые известия о ранних городах Западной и Восточной Сибири, Северного Казахстана и сопредельных стран следует продолжать искать и накапливать, ибо эти категории развития издавна существовали в культуре аборигенного населения.

Проектная, изначально заданная, не повторяющая особенностей естественного окружения протогородская форма поселений была свойственна Северной Азии уже в неолитическую эпоху. К конечной поре каменного века восходит здесь и археологически засвидетельствованная эволюция укрепленных поселений. Непрерывность развития поселений задокументирована строгой наукой о древностях для каждого последующего этапа местной истории, вплоть до появления русских упоминаний и описаний аборигенных сибирских городков и градов.

Известные укрепленные поселения оказались удивительно многообразными. Таёжные, лесостепные и степные культуры Северной и Срединной Азии создали живые крепости разных видов для крупных и мелких общин, замки богатых семейств и обособленные донжоны воинственных предводителей. Усложнение общественной жизни привело к формированию застенных городов – полнокровных административных, религиозных и производственных центров.

В глубокой древности повсюду, а в тайге дольше прочих – вплоть до прихода русских, жители городков были моноэтничны, а размещение укрепленных поселений конкретных видов отражало не только расслоение, но и внутреннюю административную систему каждого народа.

В степной зоне к рубежу нашей эры, в гуннскую эпоху, мы встречаем уже явно другую картину. Здесь появляются города-крепости, создаваемые как средство хозяйственного освоения захваченных территорий.

В этой научной работе Л. Р. Кызласов борется с теми археологами и историками, кто считает, что изучение истории Сибири якобы надо начинать со времени её завоевания и русской колонизации в XVI–XVIII вв., то есть с постепенного присоединения этой огромной страны к Российскому государству. Известно, что в XVIII в., в первой «Истории

Сибири», её автор Г. Ф. Миллер выразил своё отношение к сибирским народам как «неисторическим», обречённым вечно пребывать в состоянии оцепенения.

Исходя из концепции Миллера, «Сибирь получила своё историческое развитие и стала объектом истории лишь со времени русского продвижения и присоединения». Этот взгляд прочно утвердился в русской историографии. Спустя практически сто лет историк П. А. Словцов обосновывал тот же тезис: «История Сибири для нас исходит из пелены самозабвения не ранее как при падении ханской чалмы с головы Кучумовой».

В результате учёные не занимались историей до русской Сибири, и она вплоть до советского периода оставалась неисследованной. Первым эту заповедь нарушил профессор Иркутского университета В. И. Огородников, выпустивший в 1920 г. книгу «История дорусской Сибири». Но не историки, а прежде всего археологи развеяли миф о «неисторических» народах, населявших древнюю и средневековую Сибирь. Благодаря их исследованиям аборигенное население Сибири и его история воистину вышли из «пелён» забвения. Имеются в виду, прежде всего, широко известные работы С. А. Теплоухова, С. В. Киселёва, М. П. Грязнова, С. И. Руденко, Г. П. Сосновского, М. М. Герасимова., А. П. Окладникова, Л. А. Евтюховой, В. П. Левашёвой, Л. Р. Кызласова, В. И. Матвиенко, М. Ф. Косарева и других.

Из крупных историков только С. В. Бахрушин в 1928 г. заявил: «На первом месте тут стоит, конечно, изучение истории местного населения Сибири. Впервые став в равноправное положение с русскими и получив возможность свободно развивать свою национальную самобытность, народы Сибири с законным правом стремятся узнать своё прошлое, а та роль, которая предстоит им в будущем в сибирском строительстве, оправдывает это стремление». И одно из первых начинаний в сфере научных интересов было тщательное изучение учёными-археологами местонахождений на территории до русской Сибири самобытных городов у коренного населения.

На территории Сибири и соседних с нею земель ещё в Средние века у монголов, уйгуров, кипчаков, хакасов и других народов существовали

древние города и крепости, хотя долгое время это оспаривалось даже известными учёными. Аборигены между тем называли городом место, населённое людьми и обнесённое крепостными стенами или представлявшее саму крепость.

Л. Р. Кызласов положил десятилетия на бесчисленные экспедиционные раскопки и обобщение полученных данных в своих научных статьях и книгах, где, опираясь на факты, объективно подтверждал, что древние города в Сибири, в том числе и на земле современной Хакасии, появились задолго до прихода сюда казаков...

В 1947–1957 гг. С. В. Киселёвым было положено открытие древних городов Южной Сибири и Центральной Азии. В 1965 г. вышел обобщающий труд коллектива авторов: С. В. Киселёва, Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова, Н. Я. Мерперта и В. П. Левашёвой «Древнемонгольские города». В 1960 г. была опубликована обзорная работа А. Х. Маргулана, посвящённая древним городам Казахстана. Сведения о городах на Иртыше и в Восточном Казахстане собрал Б. Е. Кумек. Позже вышла в свет обобщающая монография В. Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.». Этим трудом был подведён итог многолетнему выявлению полного списка монгольских городов, существовавших в то время в Причерноморье, на Северном Кавказе, в Поволжье и лишь в небольшой части – в Сибири. Этих городов оказалось 100.

Таковы успехи изучения древних городов в обширных областях Сибири, причём в географическое понятие последней всегда входила и северная полоса казахстанских степей, с которыми смыкается на юге Западно-Сибирская равнина, а на востоке – Саяно-Алтайская горная страна. Обо всём этом говорится в книге Л. Р. Кызласова «Письменные известия о древних городах Сибири».

В Сибири исторические и археологические поиски городищ до русского населения действительно начались ещё во времена Г. Ф. Миллера, но особенно интенсивно – в конце XIX в. Сообщения русских источников о древних и средневековых городах Сибири с XII по XVIII в. приведены в книге Л. Р. Кызласова. Речь идёт, правда, об исследованных остатках городов Сибири – о разновременных городищах

в долине среднего и верхнего течения р. Оби, в Прибайкалье, Забайкалье и особенно Туве.

Дело не только в том, что на этих территориях древние и средневековые города оказались лучше всего изученными, но и в том, что именно здесь у исследователей впервые возникла мысль о разработке темы «Древние и средневековые города Южной Сибири», которая естественным образом должна была перерасти в тему «Древние города Сибири».

В 1956–1962 гг. Л. Р. Кызласовым были предприняты первые раскопки ряда городищ на территории Тувы. Выявлены были города двух хронологических этапов: крепости периода Уйгурского каганата VIII–IX вв., 17 прямоугольных и квадратных городов с глинобитными стенами и 2 глинобитных бастиона, а также 6 древнемонгольских городов XIII–XIV вв. В 1957–1959 гг. С. В. Киселёвым и Л. А. Евтюховой были произведены раскопки двух древнемонгольских городов в Восточном Забайкалье – городищ Хирхира и Кондуй.

В 1959–1971 гг. Л. Р. Кызласовым были открыты древние и средневековые города Хакасии, исследования которых Л. Р. Кызласов и И. Л. Кызласов продолжали, с некоторыми перерывами, до 2002 г. В то же время разворачивалось изучение горных каменных крепостей, начатое ещё в 1958 г. Л. Р. Кызласовым.

В 1959, 1963, 1988, 1991 гг. раскапывались также Знаменское и Троицкие кольцевые городища-крепости с глубокими рвами и глинобитными стенами, облицованными кладкой из сырцовых кирпичей, находящиеся на левом берегу р. Ербы и Теси в Боградском районе Хакасии. Они относятся к периоду центральноазиатских гуннов (II–I вв. до н. э.).

Согласитесь, любая проблема должна быть обсуждена со всех возможных точек зрения для выявления и установления истины, хотя бы и приближённой. Поэтому параллельно с последними исследованиями южносибирских аборигенных городов происходили поиски, сборы и изучение письменных сообщений разноязычных авторов, сборы этнографических, фольклорных и языковых данных у коренных народов Сибири о древних и средневековых городах, их населении.

Начав продвижение из Западной Сибири далее на восток, русские служивые люди были вполне уверены, что они встретят города и городки местного населения и в Восточной Сибири. Например, это видно из наказа царя Бориса Фёдоровича от 1601 г. князю Василию Мосальскому, отправлявшемуся с войском из Березова через Мангазею на Енисей: «А у мангазейской и енисейской самояди... роспривавати их накрепко, сколько у них в Мангазве и в Енисее городков и волостей, и сколько в котором городке коей волости людей... и велети в Мангазве и в Енисее городки и волости по рекам мангазейскую и енисейскую самоедь переписывать».

В документах, относящихся к 1616 г., упоминаются взятые русскими городки кузнецких татар-абанцев и киргизов-хакасов: «...кузнецких улус повоевали, городок у них взяли и князьков и лутчих людей взяли на драке живых». Томский казак Богдан Терской докладывал царю Михаилу Фёдоровичу: «...я, холоп твой, в поход ходил, тебе государю служил, киргизских людей в кызыльских и бугасарских три городка высекли и детей в полон поимали; и я, холоп твой, на том деле тебе государю служил, мужика убил, а другого жавова взял».

Кроме трёх упомянутых городков, у киргизов-хакасов был центральный Белый каменный город на р. Белый Июс. Это – резиденция «Больших киргизов», то есть столица Хакасии XVII в. В расспросных речах ещё упоминается: «А с Июсу Белова от Калнакаго городка мимо Балыклыхуля...» Кроме того, известны «каменный городок ниже Сыды-реки», «на речке Евах городок в Казыльской земле»; «киргизский острожек...» Это говорит о том, что и в ту далёкую пору в нашем регионе были как городища, так и остроги. Думаю, речь идёт о наших сивее.

Так, в «Наказной памяти томских воевод» 1611 г. перечислено несколько городков томских татар: Тоянов на острове р. Томи, Авхенеев при устье Томи, городок на Оба... Городки назывались по имени правящих князьков, так же как и у тюркоязычных чатов, заселявших земли выше по Оба. Чаты – в своё время союзники Кучума – жили все в городках, не зная неукреплённых поселений.

К началу 1624 г. относится сообщение: «И Чацкой, государь, городок вделан новый и крепок, и рвы выкопаны, и караулы у них

крепкие и день и ночь». Как видно, в первой половине XVII в. чатские князья продолжали восстанавливать и строить новые военные крепости, где хранились хлебные запасы чатских земледельцев. В Отписке томских воевод в Москву некто Мурвин называет поселение то «городком», «то острожком» – очевидно, поверх земляных укреплённых стен и рвов имелись деревянные стены с палисадом, отчего и пишется им: «Острожек жгли, а хлеб пожгли».

В русских документах XVII в. есть сведения о телеутских городках в предгорьях Алтая, примыкающих к Хакасии, о взятии городка алтайцев-телеутов (1642), о городке кыргызского князья Талая на р. Улеле (1634), где ныне расположен г. Горно-Алтайск. В это же время стали известны «особые убежища-городища» хакасов качинцев на Енисее, а в 1643 г. – бурятские городки с каменными стенами. Около 1665 г. сообщалось, что в земле бурятов на р. Селенге есть «каменный город Тушету-хана...»

Первые в России научные раскопки древнего кургана в нашем регионе – это раскопки кургана тагарской культуры близ с. Абакано-Перевоз, напротив Абаканского острога (Краснотуранск) на левом берегу Енисея, произведённые в 1722 г. известным исследователем Сибири Д. Г. Мессершмидтом. В 1884 г. профессор В. В. Радлов выделил курганы тагарской культуры в особый исторический этап, назвав его «бронзовый и медный период», дал характеристику памятников и представление о материальной культуре этого периода. Однако заслуга действительного открытия и первого правильного исторического освещения рассматриваемой эпохи принадлежит С. А. Теплоухову, который в начале 20-х гг. XX в. детально изучил памятники и подразделил их на несколько хронологических групп. Эту эпоху он назвал минусинской курганной культурой. Периодизация С. А. Теплоухова сохранила в основном своё значение до наших дней, но данное им название культуры не прижилось. Позднее С. В. Киселёв предложил более удобное наименование – тагарская культура, теперь общепринятое. Тагарская культура охватывает длительный период в семь столетий. Характерной особенностью курганов всех этапов тагарской культуры является наличие прямоугольной каменной ограды и столбообразных камней в ней.

Расположены они в степи группами. В основе их насыпи стоят высокие, иногда огромных размеров, камни, размещённые по углам и сторонам обычно невидимой на поверхности ограды. В редких случаях курганы достигают 10 и более метров в высоту, а камни в их ограде – 3–4 м. Ограда и стелы ориентированы обычно по направлению с юго-запада на северо-восток; причём камни подбирались и ставились так, чтобы всё сооружение было как бы устремлено на северо-восток, т. е. на летний восход солнца.

В результате развития тагарской культуры сложилось первое на Енисее государство, которое в древнекитайских исторических сочинениях называлось «Динлин-го» – т. е. государство Динлин. Страна под таким названием, судя по раскопкам, впервые вышла на международную арену в IV–III вв. до н. э. Именно в это время в Хакасии появляются первые импортные предметы – бронзовые китайские зеркала, индийские стеклянные бусы и раковины-каури...

К чему я так подробно выбрал многие факты из приведённых уже мною «Письменных известий о древних городах Сибири», в которых присутствуют и работы Л. Р. Кызласова? Да потому, что в конце XX в. Л. Р. Кызласов и И. Л. Кызласов возглавляли экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова и Института археологии АН СССР в Хакасии, вблизи Абакана, приступили к раскопкам древнего хакасского поселения – целого городка – времён раннего железного века. У нас, под боком современного Абакана! Но предыстория этих раскопок началась несколько десятков лет назад.

Летом 1940 г., при постройке трассы недалеко от города, в сторону Аскиза, был срезан бульдозером край безымянного холма. Неожиданно из земли показались куски черепицы, какие-то непонятные крупные керамические диски с китайскими иероглифами. В ходе раскопок археологам удалось выяснить, что под холмом скрыты развалины большого старинного здания с глинобитными стенами. Оно было покрыто черепицей, а диски в своё время украшали торцы деревянных стропил. Учёным удалось расшифровать загадочные надписи. В них содержалось пожелание императору, сыну Неба, «десяти тысяч лет мира»,

а императрице – «тысячи осенней радости без горя». Стал вопрос: кому принадлежал открытый Дворец?

В древних китайских хрониках есть свидетельство о том, что в 201 г. до н. э. кочевники-гунны покорили динлинов – рыжеволосых людей с голубыми глазами, которые проживали тогда в Хакасско-Минусинской котловине. Захватчики долго не задержались на чужой земле, а ушли обратно в Центральную Азию. Власть над «владением Хагас» они поддерживали с помощью специальных наместников, опирающихся, вероятно, на военные гарнизоны. В начале I в. до н. э. таким наместником в наших краях был полководец Ли Лин, китаец по происхождению, взятый в плен и перешедший на службу гуннам. Возникло предположение, что Дворец, открытый в наши дни вблизи Абакана, принадлежал именно этому наместнику. Исследование Дворца было закончено в 1946 г.

В то время не ставилась задача изучить территорию, прилегающую к нему. Однако аэрофотосъёмка, проведённая позднее, показала, что в этом месте существовало древнее поселение, целый городок.

Уже первые шурфы и траншеи дали богатый научный материал. Известно, что Ли Лин умер в 74 г. до н. э. Вскоре после его смерти население Хакасско-Минусинской котловины освободилось от гуннской зависимости. Поселение вблизи Дворца продолжало существовать. Должно быть, этот Дворец был крупным политическим центром. О дальнейшей его судьбе не сохранилось никаких письменных источников. Каждую страницу древней истории нашей земли приходится восстанавливать буквально по крупичкам.

В книге «Городская цивилизация Северной и Срединной Азии. Исторические и археологические исследования», кстати, последняя в жизни книга Л. Р. Кызласова, вышедшая в 2006 г., уже опираясь в том числе и на раскопки древнего Дворца под Абаканом, Леонид Романович отмечал, что крупные административные центры, вновь создаваемые в пределах растущей гуннской державы, были уже полиэтничны. Никаких сомнений в этом не оставляет науке исследование Ташебинского города. Пёстрый состав его жителей включал даже

подвластное новым правителям местное население. Об этом говорят изученные раскопками остатки не только характерного наземного домостроительства, но и бытовой и производственной утвари. Ташебинский дворец, возведённый в начале I в. до н. э., предстал перед нами удивительным по цельности соединением нескольких строительных и архитектурных традиций сразу: западно-восточной и центральноазиатских. Указать другой подобный пример творческого слияния столь разных по происхождению культур, к тому же произведённого их непосредственными носителями, весьма сложно. Как в пределах, так и за рамками той эпохи и столь обширной географической области, как Северная Азия.

Более того, следует, пожалуй, сказать, что появление построек типа Ташебинского дворца вызвано произошедшей сменой древних идеологических форм новыми – сложением самой идеологии мировых держав, разрушающей племенные и национальные рамки. Этот новый для древней истории особый род государственных представлений при возникновении каждой империи уравнивал лишь её новых разноязычных подданных, следом приходила космополитичность власти и синкретизм официальной культуры. В рамках нашей темы показателем исторических перемен становятся многоплеменные города.

Средоточием многообразных достижений евразийских культур и многоплеменного населения предстают и археологически изученные мной в Сибири городские центры Уйгурского каганата, Древнехакасского государства и Монгольской империи.

Кстати, мы можем (и вправе!) задать себе вопрос: сколько же лет прошло с основания г. Абакана? Может, пришло время для общественного обсуждения этого интересного вопроса о реальном возрасте столицы Хакасии?

Древнейшее прошлое нашей родной Хакасии... Его следует рассматривать в рамках истории всей Южной Сибири, что прекрасно учитывал в своих исследованиях Л. Р. Кызласов. Как известно, первые предки человека появились на территории Южной Сибири более 300 тысяч лет назад. На территории Хакасии самая ранняя стоянка

первобытного человека в гроте Двуглазка датируется дистанцией в 40–50 тысяч лет. Вместе с каменными орудиями в гроте в своё время были найдены костные останки шерстистого носорога, северного оленя, зубра и лошади. Другая древняя стоянка на нашей территории времён каменного века – это Малая Сыя, её возраст датируется в 30–35 тысяч лет. Здесь археологи обнаружили остатки первых жилищ – полуземлянок и первый в истории человечества музыкальный инструмент – костяную свирель.

На рубеже 25–20 тысяч лет назад люди заселили практически всю территорию современной Хакаско-Минусинской котловины. К этому времени относится около 200 стоянок, обнаруженных в долине Среднего Енисея. Занятиями древних людей были охота на дикую лошадь, благородного оленя, бизона, сибирского козерога и птиц, собирательство растительной пищи. На Майнской стоянке, датируемой давностью в 13 тысяч лет, была обнаружена уникальная антропоморфная статуэтка из обожжённой глины – единственное изделие подобного рода в Сибири.

В конце каменного века, IV тысячи лет до н. э., древние племена Хакасии начинают переход к производящему хозяйству в форме скотоводства.

В середине III тысячелетия до н. э. наступает эпоха энеолита – медно-каменного века. В это время на территории Хакасии формируется первая скотоводческая культура – **афанасьевская**, культура создателей первых курганов Хакасии. Кроме пастушеского скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота, афанасьевцы стали изготавливать первые металлические орудия.

К эпохе бронзы относится **окуневская** культура, первой половины II тысячелетия до н. э. Это время небывалого расцвета изобразительного искусства. Кроме поразительных изделий мелкой пластики, удивительных петроглифов, окуневцы создают оригинальные каменные изваяния с изображением антропоморфных личин и животных. Искусство этой эпохи отражает сложнейшие верования и мировоззрение людей той эпохи.

С середины II тысячелетия до н. э. на территорию Хакасии с запада вторгаются скотоводческие племена **андоновской** общности, оставившие свидетельства об использовании колёсного транспорта.

Конец бронзового века отмечен расцветом **карасукской** культуры (XIII–VIII вв. до н. э.). Высокого уровня достигли горное дело и металлургия. Карасукцы изготовляли огромное количество бронзовых украшений, оружия и предметов быта. Особенно хорошо известны карасукские бронзовые ножи и кинжалы с рукоятками, украшенными скульптурными головами животных. Возникает ранняя царская власть, подобная древним грекам в поэмах Гомера.

Л. Р. Кызласов и Я. И. Сунчугашев. 1959 г.

В эпоху раннего железного века в Хакасии развивается **тагарская** культура (VIII–III вв. до н. э.) (во II в. уже гунны), входившая в скифо-сибирскую культурно-историческую общность. По всей степной полосе Евразии разные по происхождению народы пользовались сходным оружием, конским убором и предметами искусства скифо-сибирского звериного стиля. В отличие от прочих степняков, наряду со скотоводством, тагарские племена занимались земледелием и строили оросительные каналы. В IV в. до н. э. в результате развития классовых отношений здесь возникает первое государство, свидетельством которого являются впечатляющие памятники погребальной архитектуры – царские курганы Салбыкской степи.

Известно, что при гуннах в среднем течении Енисея поселились тюркоязычные племена древних кыргызов. В результате смешения тагарцев и пришельцев формируется **таштыкская** культура (I в. до н. э. – V в. н. э.).

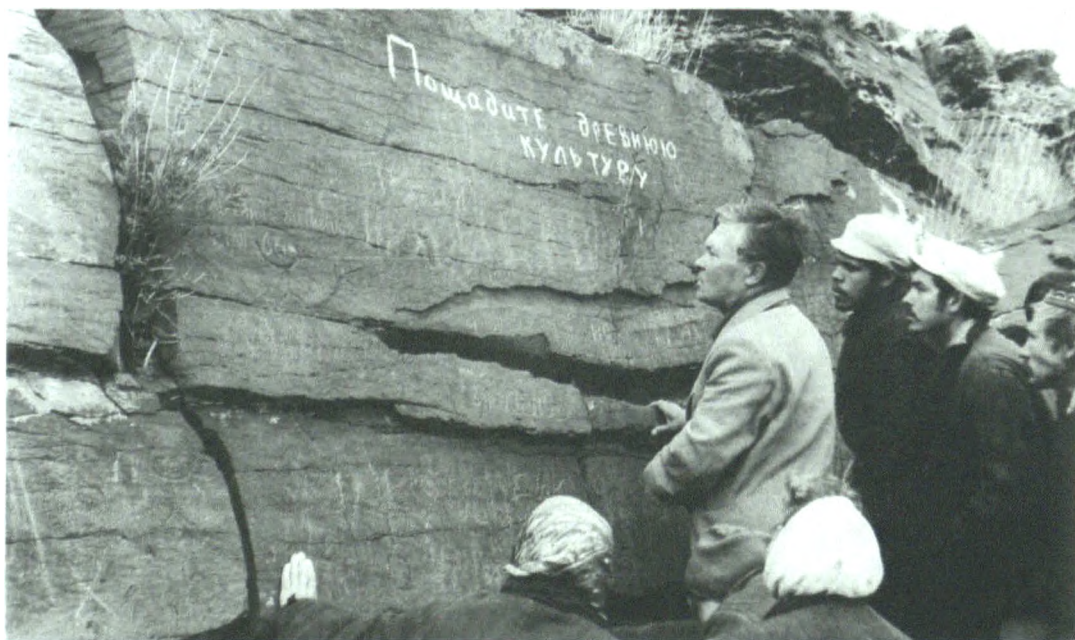
Начавшись в I в. до н. э., таштыкская культура существовала и после ухода гуннов, вплоть до VI в., когда на Енисее возникло **Древне-хакасское государство**.

Отличительной чертой таштыкской культуры является необычный погребальный обряд. Тело умершего человека сжигали, а прах помещали в куклу-манекен, сделанную из одежды умершего и набитую травой. На лицо куклы накладывали гипсовую погребальную маску.

В результате дальнейшего развития таштыкская культура постепенно трансформируется в культуру **чаа тас** Средневековья. Между 693 и 710 гг. Тюркский каганат, приравнивая к себе, возводит местного правителя Барс-бега в ранг кагана, что означало создание суверенного Древнехакасского государства. Китай признал суверенность и равенство с собой династии Древнехакасского государства в 632 г. К середине IX в. в результате разгрома Уйгурского каганата территория Древнехакасского государства, или Кыргызского каганата, расширилась от Иртыша до Байкала. В это время на территории Хакасии возникают города, устанавливаются политические и торговые связи с Китаем, Тибетом, государствами Средней Азии.

Оглахтинская крепость расположена в горном массиве Оглахты, находящемся в 40 км от Абакана, на левом берегу Красноярского водохранилища в Боградском районе Республики Хакасия. «Оглах-таг» – так по-хакасски звучит название этого горного массива, что в переводе имеет два значения: во-первых, это «округлые» горы, во-вторых, «оглах» – это детёныш косули, которые действительно здесь водятся.

Горы Оглахты известны своими наскальными рисунками, которые датируются от неолита до этнографического периода. Исследователями обнаружена 141 грань с петроглифами. Сейчас здесь открыт музейно-туристический комплекс с визит-центром и смотровой площадкой. Если к петроглифам водят экскурсии, то о крепости мало кто имеет представление. Между тем Оглахтинская крепость – это первая крепость-све (по-хакасски «сiвее» – крепость), которая была изучена археологической экспедицией МГУ во главе с Л. Р. Кызласовым.

*Сулекская писаница. Л. Р. Кызласов, аспирант Игорь Кызласов
и студент Андрей Асочаков*

*Аспирант Игорь Кызласов и студентка
Галина Король около оз. Фыркал
на горе Крес-хая изучают руническую
надпись. А там буквально написано:
«Вложите совершенную душу».
ХАЭ-1975 (отчёт)*

Изучая средневековые письменные источники (персидские, арабские, китайские), Леонид Романович нашёл сведения о городах и крепостях средневековой Хакасии. Так крепость в горах Оглахты и привлекла внимание известного археолога. Горный массив, имеющий округлую форму диаметром около 10 км, выгнут подковой в сторону степи и обрывается скалами в Енисей. Здесь на протяжении 25 км по краю гор проходит длинная стена, сложенная из плит девонского песчаника. В логах, разделяющих горы, перед стеной вырыты широкие рвы глубиной 2 м, а сама она усилена четырёхугольными каменными бастионами. Стена имеет зигзагообразные выступы, кое-где в ней устроены проходы. Таким образом, жившие здесь люди создали мощный укрепленный район, отгороженный от степных просторов.

Внутри укрепленного района расположены межгорные плодородные долины и сопки, покрытые берёзовыми рощами по северным склонам. Здесь вдоль пастбищных и пахотных земель было три спуска к водам бурного Енисея. В случае военной опасности за крепостными стенами могли укрыться на долгий срок жители десятков поселений.

Произведённые Л. Р. и И. Л. Кызласовыми раскопки позволили установить, что «длинные» стены Оглахтинского укрепленного района начали сооружать в VIII в. и перестали использовать уже в IX в.,

когда средневековая Хакасия вышла на просторы Южной Сибири, далеко за свои прежние границы. Но система обороны продолжала поддерживаться вплоть до монгольского завоевания. В «бастионе», сооружённом в стене, при раскопках были обнаружены следы пребывания там гарнизона: остатки очага, обломки костей животных и черепки кухонной посуды, характерной для XI–XII вв. н. э. Не случайно и древнехакасские курганы с захоронениями этого времени строились по линии и под защитой стен крепости.

Раскопанные более 20 курганов относятся к тому же периоду – от конца X до XII в. н. э. Все они, за исключением двух, содержали погребения по древнехакасскому обряду сожжения мёртвых. Помимо нескольких женских, это были могилы воинов-конников, с которыми на погребальный костёр укладывали наборные узды и украшенные накладками с серебряной инкрустацией сёдла, но без стремян. С пережжёнными косточками человека на горизонте находятся наконечники стрел, втоки от копий, украшенные рельефом или инкрустацией бляшки, накладки, обоймы, пряжки, наременные наконечники, подвески «султанчики» для кистей, обивки, петли, вертлюги и т. п. От одежды воинов сохранились детали наборных поясов, крючья для колчанов, наборы походных инструментов, носимые в сумочках кресала для высекания огня, подпилки, ножички, тесла-топорики, инструменты для продёргивания ремней, амулеты и т. п.

В Оглахтах впервые были обнаружены и курганы женщин. В их могилах нашлось много украшений: бусы из стекла, пасты и сердолика, в том числе пинцеты для выщипывания волос, железные булавки с оригинальными головками для тяжёлых причёсок, а также пряслица, сделанные из фрагментов сосудов и ваз. В каждый женский курган было положено по бронзовой монете X–XI вв. н. э. и части конских уздечек. Эти находки обладали определённой символикой, позволившей думать, что женщин хоронили в наряде невест. Л. Р. Кызласов считал, что появление в эпоху Средневековья подобных крепостей-све объясняется усиливающейся феодальной раздробленностью некогда могущественного Древнехакасского государства. В настоящее время на территории Республики Хакасия известно около 40 подобных крепостей-све.

некоторые из них продолжали функционировать как убежища вплоть до начала XVIII в.

Вернёмся в наше время... Подчеркну: во второй половине XX в. из многих памятников древней культуры Хакасии внимание Л. Р. Кызласова в первую очередь было приковано к Оглахтинскому массиву и его могильнику, имеющих уже предысторию своего открытия.

Енисей обходит гору с восточной стороны, склон горного узла Оглахты находится на левом берегу Енисея. В своё время местные жители улусов Хызыл хаас, Мохов и Апкашев (Аглахты) брали здесь плитняк для строительства различных сооружений – жилья и загонов для скота. Обращённые к солнцу склоны гор служили отличным пастбищем для коз и овец. Так вот, в 1902 г. местный пастух на коне ехал по Сарговому логу. Вдруг конь его провалился в глубокую яму. Пастух в ужасе отшатнулся – из темноты на пастуха смотрело белое человеческое лицо. В страхе пастух выбрался на поверхность и умчался прочь... Так в горах Оглахты был открыт знаменитый памятник – Оглахтинский могильник, относящийся к таштыкской археологической культуре.

Раскопки, проведённые ещё в 1903 г. в Оглахтинском могильнике красноярским археологом А. В. Адриановым, показали, что на ранних этапах открытой таштыкской культуры, кроме крупных коллективных погребальных склепов, существовали и скромные семейные гробницы – небольшие деревянные срубы, опущенные под землю и накрытые бревенчатыми накатами. Дальнейшие исследования показали, что в них хоронили как кожаные манекены с косточками сожжённых трупов (их называли куклами), так и сами мумифицированные тела умерших. Во всех случаях были использованы портретные погребальные маски. Оглахтинский могильник обладал удивительной особенностью – в нём хорошо сохранилась обычно истлевающая одежда из кожи и ткани, деревянные предметы, мумифицированные тела умерших.

К сожалению, вскоре после первых раскопок Оглахтинский могильник забыли на целых 65 лет. Он был повторно обнаружен лишь в 1968 г. профессором МГУ Л. Р. Кызласовым, который через год организовал его раскопки. Больших вскрытий производить не пришлось. Но надо было, предельно аккуратно действуя, обнаружить захоронения с непросевшим

в яму перекрытием, которое не имело внешних примет: ни насыпи, ни камней. В этом и заключалась вся трудность. Именно в нём всё могло сохраниться неистлевшим.

На склоне горы были тщательно осмотрены все сусличи норки, обрамлённые кучками свежевыброшенной земли. В одной из них были замечены обрывки бересты. Они-то и указали на давнее, надёжно скрытое захоронение. Сняв полутораметровый слой земли, археологи увидели неповреждённый верхний покров крыши погребальной камеры (площадь 2,8 x 2 м), состоящий из четырёх слоёв толстой бересты. Несколько слоёв бересты герметично ограждали камеру от земляных стенок и пола ямы, не пропустив внутрь ни капли влаги в течение двадцати веков! В сухом грунте хорошо сохранились предметы из дерева, кожи и меха, ткани, волосы и сухая трава. Археологи получили уникальную возможность увидеть в первозданном виде все детали погребального культа.

Гробница представляла собой сруб из десяти лиственничных брёвен. Все брёвна были хорошо отёсаны топориком и теслом, так что их внутренняя поверхность была гладкой. Следов пилы или рубанка не обнаружено. Сруб изготовлен в лесу, перевезён на место и собран в яме размером 3 x 2,4 м и глубиной 1,4 м. Пол погребальной камеры был покрыт двумя слоями толстой бересты, уходящей под нижние брёвна сруба. Крыша собрана из девяти двухметровых, поперечно уложенных брёвен, концы которых отёсаны сверху округло, а снизу плоско. На них-то и лежал плотный берестяной покров. Брёвна крыши для удобства сборки были помечены счётными зарубками от 1 до 9.

Сняв берестяной покров, участники экспедиции удивились совершенно свежему виду брёвен перекрытия. Через щели потолка можно было разглядеть камеру и различные предметы в ней. Таким образом, спустя целых две тысячи лет в гробницу снова проник луч солнца! Беглый осмотр камеры показал, что всё в ней сохранилось в первозданном виде.

В гробнице лежали три фигуры, одетые в хорошо сохранившиеся меховые шубы. У одной стены – останки мужчины, у другой – женщины, в их ногах поперёк – кости ребёнка. На скелетах сохранились сухожилия и частично кожаный покров. На затылке черепов виднелись отверстия –

следы посмертной трепанации. Лица были покрыты великолепными погребальными масками из гипса – искусными скульптурными портретами умерших. Маски были раскрашены узорами в виде спиралей.

На мужчине была куртка мехом вовнутрь, а сверху – шуба из меха оленя. На голове – меховая шапка-ушанка. Ноги были обуты в лёгкие туфли с мягкими подошвами. На них опускались меховые «гетры».

На женщине – шуба мехом внутрь, со стоячим воротником. Лицо-маска открыто, обуви нет. У обоих погребённых сохранились мягкие каштановые волосы с проседью. Нашлась и специально уложенная женская коса – шиньон.

Посредине камеры на широком полотнище бересты было уложено искусно сшитое из кожи и набитое сухой травой подобие человеческого тела. Это выполненный в рост человека своеобразный манекен – погребальная кукла. Она была одета в соболью доху, на ногах – меховые сапоги с завязками. Голова сшита из шёлка. На ткани тёмно-красной краской нарисовано лицо: брови, глаза, нос и рот. Под головой куклы лежали друг на друге две кожаные подушки, набитые сухой травой. Под головы скелетов подложены деревянные подушки и каменные плиты.

Загадка такого необыкновенного захоронения усложнилась, когда под телом женщины обнаружили вторую «куклу». Она была одета в меховую куртку, на голове – человеческий скальп с волосами, а под головой старая кожаная подушка. Эта кукла была опущена в гробницу раньше умершей женщины и первой «куклы», вероятно, при захоронении мужчины. Таким образом, гробницу раскрывали в древности неоднократно и хоронили вновь умерших. Сначала был погребён мужчина и нижняя «кукла», затем в ноги им был положен ребёнок, потом погребена новая «кукла» и, наконец, женщина.

В ногах и поверх скелета ребёнка в деревянных чашах, корытцах, туесах, черпаках, глиняных бочонках и горшках стояла жертвенная мясная и жидкая пища. Здесь же лежали специально сделанные для погребального обряда уменьшенные модели предметов: три ременные уздечки с миниатюрными железными удилами и деревянными псалиями, нагайка и многие другие предметы непонятного назначения. Целым оказалось маленькое кожаное налучье с моделью лука и пятью стрелами.

Вся обнаруженная в Оглахтинских горах коллекция вместе с деревянной гробницей была передана в Государственный Эрмитаж. Там лучшие в стране реставраторы вот уже более 50 лет работают над сохранением и воссозданием одежд и предметов двухтысячелетней давности. Их детальное изучение ведётся и ещё будет вестись впереди, но уже сейчас красочно и ярко перед нами предстаёт оригинальная и самобытная культура затерянных в веках енисейских земледельцев и скотоводов.

Более ста лет археологи изучают древние памятники горы Оглахты.

На юго-восточных и юго-западных склонах горы находятся петроглифы различных эпох. Оглахтинская писаница была известна исследователям древностей Енисея ещё с середины XIX в. В 1885 г. Оглахтинскую писаницу обследовал красноярец И. Т. Савенков. В 1904–1907 гг. здесь работал А. В. Адрианов, который снял первые наиболее достоверные копии-эстампажи. В 1967–1968 гг. писаница была полностью скопирована и описана Я. А. Шером. В 70-е гг. XX в. здесь проводили изучение петроглифов Н. В. Леонтьев, В. Ф. Капелько и Э. Б. Вадецкая, а также археологи Кемеровского университета и французские исследователи.

Прибрежный комплекс Оглахты содержит 141 грань с более чем 700 рисунками. А в верхней части южного склона Кизань («Сорок Зубьев») было обнаружено более 1,5 тысячи изображений. Всего в Оглахтах выявлено восемь местонахождений петроглифов. Это одно из самых насыщенных древними рисунками мест в Хакасии. Датировка рисунков: от неолита до этнографической культуры хакасов.

К самым древним рисункам горы Оглахты относят изображения лосей, быков, маралов в своеобразном ангарском стиле. То есть здешние рисунки очень похожи на наскальные рисунки, обнаруженные в бассейне Ангары, что говорит о путях миграций древнего человека тысячи лет назад, в эпоху неолита.

Л. Р. Кызласов в книге «Народные рисунки хакасов», изданной им совместно с коллегой Н. В. Леонтьевым, сотрудником Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова, а также при участии И. Л. Кызласовой, подчёркивает, что памятники народного искусства создавались трудом и умением многих поколений безымянных

художников. Материалом для народного творчества служили камень, глина, дерево, береста, кость, кожа, ткани...

Самые многочисленные рисунки людей, животных горы Оглахты как раз относятся к народной культуре хакасов. В одной из хакасских легенд говорится, что в Оглахты когда-то жила священная серая лошадь, которая олицетворяла собой размножение и благополучие домашнего скота. Судя по наскальным рисункам, легенда о священной лошади была известна ещё две с половиной тысячи лет назад: удалось обнаружить рисунки лошадей, относящиеся к тагарской культуре.

Замечателен также и тот факт, что хакасы, проживавшие в районе Оглахты, продолжали высекать на камнях и скальных обнажениях не только отдельные рисунки лошадей, коров и других животных, но и целые картины быта ещё в XVIII–XIX вв.

Сейчас это сакральное место, любимое туристами. Экскурсии на Оглахтинскую крепость возможны, правда, только в весенне-летне-осенний период, и только в сухую погоду: во время ненастья и дождей дороги становятся непроезжими. Ну, а поздней осенью и зимой здесь дуют холодные ветры.

Все, кто приезжают на Оглахты, знакомятся с сакральной горой и письменами, наскальными рисунками, экспозицией здешнего мини-музея, прекрасно осознают, что Л. Р. Кызласов внёс весомый вклад в изучение горы и её могильников. Пешая экскурсия начинается от подножия горы, подъём – это сотни и сотни ступенек деревянной, удобной для восхождения, лестницы. При этом одним из важных требований является наличие профессионального экскурсовода, желательно археолога. И это действительно так. Именно сюда, особенно в летнее время, не иссякает поток туристов. И часто их экскурсоводом буквально по зримой, осязаемой истории является, на счастье многих, главный хранитель фондов Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова, мой коллега Игорь Иванович Таштандинов.

Л. Р. Кызласов в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию о таштыкской культуре и в 1960 г. издал уникальную монографию о «сибирской античности», как он называл ту культуру. Позволю себе привести некоторые высказывания известных учёных об этой работе.

Л.Р. КЫЗЛАСОВ

ТАШТЫКСКАЯ ЭПОХА

В ИСТОРИИ
ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ
КОТЛОВИНЫ

*Порталу Андрею Аскакову
в надежде, что и он
станет ученым. Пусть
это надо всю жизнь
учиться*

Л.Р. Кизласов 16.07.1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 9 6 0

НАША СИБИРСКАЯ АНТИЧНОСТЬ

Одной из самых известных и новаторских работ Л. Р. Кызласова является монография «Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.)» (изд-во МГУ, 1960, 197 стр. + 62 рис. + 4 табл. Тираж 1 100).

Автор определяет задачу книги как «попытку раскрыть содержание сложного этногенетического процесса, протекавшего на Саяно-Алтайском нагорье в конкретно-исторических условиях». Первые две главы книги посвящены типологии и периодизации памятников, следующие две – описанию материальной и духовной культуры таштыкских племён. Пятая глава содержит общий исторический очерк – освещаются основные итоги исследования.

Рецензируя эту монографию, научная сотрудница Государственного исторического музея, большой знаток сибирских древностей В. П. Левашёва писала: «Автор книги – археолог, и написана книга в основном на археологическом материале, но в то же время автор полностью использует все исторические источники и выводы антропологов, широко привлекает этнографический материал и пользуется данными лингвистики. Владея хакасским языком и разбираясь в наречиях других тюркских племён, автор смог лучше других археологов оперировать лингвистическим материалом. Такое содружество смежных дисциплин создаёт для исследователя возможность взаимопроверки одних данных другими, а совпадение делает их особенно убедительными»⁸.

На эту работу Л. Р. Кызласова была сделана странная рецензия советского этнографа и археолога с неоднозначной биографией А. Н. Липского⁹. В этой большой статье автор весьма предвзято рассматривает некоторые элементы обряда захоронения, изготовление погребальных масок и кукол, статуи северного оленя и лошади. Все предположения автора монографии, использовавшего этнографические материалы, ставятся под сомнение только потому, что таких обря-

⁸ Левашёва В. П. // Советская археология. 1962. № 3. С. 322–324.

⁹ Липский В. П. // Советская этнография. 1966. № 1. С. 105–118.

дов не было у народов Нижнего Амура – нанайцев, гольдов, удгейцев и т. д. Какое-то прямолинейное и легкомысленное, а если прямо сказать, предвзятое сравнение совершенно разных культур, эпох и регионов.

Совершенно другую оценку книге даёт известный советский учёный, академик А. П. Окладников. Он пишет: В таштыкской эпохе речь идёт о событиях, протекавших в I в. до н. э. – V в. н. э. на Енисее. Чтобы понять существо этих событий и восстановить их ход, нужно, прежде всего, проделать колоссальную источниковедческую работу. Оценить её масштабы и трудоёмкость этой работы может только тот, кому пришлось самому долгие годы поднимать массу запыленных в музейных шкафах коллекций из старых раскопок, рыться в пожелтевших архивных описях и восстанавливать ход исследований своих предшественников»¹⁰. Академик А. П. Окладников сравнивает работу Л. Р. Кызласова по таштыкской эпохе и её периодизации с вкладом основоположника современной археологии Южной Сибири С. А. Теплоуховым, построившим классификацию древних культур Хакаско-Минусинской котловины, которая и в настоящее время «...остаётся незыблемой».

А. П. Окладников подробно анализирует методику формирования Л. Р. Кызласовым периодизации таштыкской культуры: изучение типовых вещей в погребениях, особенно глиняной посуды: «...наиболее пластичного и массового материала, чутко реагирующего на ход времени и на условия жизни древнего населения». Исследователь создаёт типологию таштыкских пряжек, затем исследует керамику – формы и орнамент сосудов. Опираясь на результаты исследования, им раскрывается содержание всех этапов этой культуры. Он отмечает, что когда автор начинает дополнять работу этнографическими материалами, то археологические материалы начинают светиться совершенно новым и неожиданным образом. Перед нами как бы воочию «...выступают реальные народности и племена далёкого прошлого с их своеобразным искусством, мифологией, легендами и верованиями, с шаманством, с определёнными этническими традициями». Отмечается, что автор

¹⁰ Окладников А. П. // Сибирские огни. 1973. № 1. С. 144–146.

ищет ответ на самый коренной вопрос сибирской археологии: кто же были эти таштыкские племена, к каким современным живым народам нашего времени ведут эти «нити из тёмной глубины конца I тысячелетия до нашей эры – первой половины I тысячелетия нашей эры?»¹¹

А. П. Окладников пишет, что на экране исследований Л. Р. Кызласова появляется имя загадочного народа динлин, а рядом с ним – имя другого народа гянгунь. Он указывает, что Л. Р. Кызласов резонно полагает, что, покорив в 201 г. до н. э. владения тагарских племён – динлинов, гунны вытеснили часть их на север, в лесостепи. Оставшаяся же на своих местах часть тагарских племён смешалась с пришельцами – монголоидами, гянгунями и положила начало новой таштыкской археологической культуре.

А. П. Окладников отмечает, что в последние десятилетия сибирские историки, антропологи и этнографы, а также языковеды выполнили комплексную работу, направленную на выяснение исторических корней современных народностей Северной Азии. Новым замечательным вкладом в это является работа и выводы Л. Р. Кызласова. Академик соглашается, что к числу исконно самодийских элементов может быть возведено распространённое в Саянах наименование хакасов: «кас» и «хас». Так звучит самодийское слово, опознающее понятия «человек», «мужчина», «люди».

Известный советский историк и археолог А. П. Смирнов в своей теоретической статье, посвящённой понятию «археологическая культура», отмечает, что «в качестве примера можно привести очень тонкую по анализу работу Л. Р. Кызласова, посвящённую таштыкской культуре, в которой дан разбор погребальных обрядов этой культуры, позволивший автору установить происхождение культуры и включение новых этнических компонентов»¹².

Леонид Романович Кызласов, помимо Хакасии, внёс значительный вклад в изучение древней истории Тувы.

¹¹ Окладников А. П. // Сибирские огни. 1973. № 1. С. 145.

¹² Смирнов А. П. // Советская археология. 1964. № 4. С. 7.

Он с 1946 г. и на протяжении десятилетий проводил в Туве археологические исследования. В результате этого на высоком методическом уровне были раскопаны сотни археологических памятников, материалы которых легли в основу его многочисленных статей и фундаментальных трудов по истории Тувы.

Первые сведения о древних памятниках на территории Тувы были получены ещё в XVII в.: русские послы В. Тюменец и И. Петров, проезжая через Туву, отмечали развалины древних зданий. Другие путешественники и исследователи XVIII в. также фиксировали древние памятники – буддийские культовые сооружения и каменные изваяния.

Исследования древних памятников Тувы возобновились во второй половине XIX в. и начале XX в. Экспедиции Г. Н. Потанина, А. В. Адрианова, И. П. Кузнецова, Д. А. Клеменца, В. А. Ошуркова, финских учёных И. Р. Аспелина и И. Г. Гранэ выявили каменные изваяния, памятники древнетюркской рунической письменности, курганные захоронения, а также наскальные рисунки и оленные камни.

С. А. Теплоуховым в 1926–1929 гг. были произведены археологические разведки и раскопки десятков археологических памятников на территории Тувы. В 1930 г. Н. М. Богатырёв и Д. В. Данзын-оол, сотрудники созданного в Кызыле краеведческого музея, сами приступили к учёту курганов и копированию древних наскальных рисунков.

После вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г. на Всесоюзном археологическом совещании в начале 1945 г. среди задач на будущее было включено и археологическое изучение Тувы, а сами археологические работы были также включены в план 1946–1950 гг. Института истории материальной культуры АН СССР.

В конце лета 1946 г. в Кызыл прибыла Саяно-Алтайская археологическая экспедиция под руководством С. В. Киселёва – при участии Л. А. Евтюховой и студента исторического факультета МГУ Л. Р. Кызласова. Во время этой предварительной поездки сотрудники экспедиции ознакомились с архивными материалами и сборами областного музея и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Были определены маршруты будущих разведок и посетили писаницу в устье р. Малый Баянколу г. Кызыла.

В 1947 г. в составе Саяно-Алтайской экспедиции Л. Р. Кызласов участвует в археологической разведке по территории Тувы. Экспедиция в течение двух месяцев открыла десятки разнообразных памятников (крепостей, курганов, оленных камней, каменных изваяний людей и львов, писаниц и надписей на скалах и т. п.).

К своим масштабным археологическим исследованиям в Туве Л. Р. Кызласов приступил в 1955 г. До этого он принял участие в археологических исследованиях в Казахстане, в Гнездово под Смоленском, совершил самостоятельные исследования в Хакасии и защиту кандидатской диссертации, а также принял участие в работе Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953–1954 гг. и раскопках городища Ак-Бешим. Тем не менее, несмотря на такую загруженность, в 1955 г. Леонид Романович смог провести раскопки тюркской поминальной оградки у пос. Кызыл-Тей на р. Саглы. Энергия, научная одержимость молодого учёного не знала границ.

В 1955 г. была создана Тувинская археологическая экспедиция МГУ под руководством Л. Р. Кызласова. В течение семи полевых сезонов 1955–1960 гг. и в 1962 г. эта экспедиция работала непрерывно, исследовала разновременные памятники центральных, северных и отчасти западных и южных территорий Тувы. В 1955 и 1957 гг. экспедиция работала совместно с Институтом археологии АН СССР, а в 1956 и 1960 гг. совместно с Тувинским краеведческим музеем. Маршрутные работы в Туве проводились Л. Р. Кызласовым и позднее – в 1971 г. он откликнулся на призыв М. П. Грязнова и его отряд помогал в раскопках кургана Аржан, в 1977–1978, 1982, 1985 гг. было продолжено изучение уйгурских крепостей, рунических надписей, места Каракольского сражения 715 г. Тува всегда оставалась предметом внимания исследователя.

Основной задачей экспедиции, как пишет Л. Р. Кызласов, являлся сбор материалов для воссоздания истории Тувы и тувинского народа. Для этого необходимо было сначала создать первую классификацию археологических культур Тувы с древнейших времён до эпохи современных тувинцев. Особое место заняли исследования оседлых

земледельческих поселений, крепостей и городов, которые были мало-известными.

В результате работ учёными были получены многочисленные ценные археологические данные, относящиеся к различным эпохам, а также, что не менее значимо, была создана первая классификация археологических культур Тувы с древнейших времён до наших дней.

Изучение археологических источников в сопоставлении с известными письменными сообщениями позволило Л. Р. Кызласову создать не только периодизацию древней истории, но и историю Тувы в средневековый период – исследование, заполняющее определённый пробел в изучении истории Южной Сибири и Центральной Азии.

В 1956 г., с 13 июля по 20 августа, Тувинская археологическая экспедиция МГУ провела раскопки четырёх зданий в восточной части монгольского городища Ден-Терек начала XIII в. и обследовала кладбище этого города. С 22 по 25 августа исследовалось городище Бажин-Алак на р. Чадан и раскопаны четыре поминальные площадки у г. Кара-Тей.

В 1958 г. в журнале «Вестник Московского университета» (№ 4) вышла первая статья Л. Р. Кызласова о Туве, посвящённая периодизации древней истории Тувы, – «Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении)», где были выделены и описаны уюкская и шурмакская культуры.

В журнале «Советская археология» (№ 3, 1959 г.) вышла вторая статья Л. Р. Кызласова о Туве «Средневековые города Тувы», она же явилась первой из цикла о результатах изучения поселений, крепостей и развалин средневековых городов в Туве.

В 1959 г. вышли целых три статьи Л. Р. Кызласова: «Тува в период тюркского каганата (VI–VIII вв.)» в «Вестнике Московского университета», серия IX, исторические науки, вып. 1; «Тува в составе уйгурского каганата (VIII–IX вв.)» в Учёных записках ТувНИИЯЛИ, т. VIII и «Новая датировка памятников енисейской письменности» в журнале «Советская археология» (№ 3, 1960 г.).

По результатам раскопок на Элегестском городище в 1963 г. в журнале «Советская археология» (№ 2) Л. Р. Кызласовым была опубликована статья «Памятник мусульманского средневековья в Туве».

С 1964 по 1977 г. работы Тувинской археологической экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова были приостановлены. В этот период им было написано и опубликовано большинство текстов, посвящённых древней истории Тувы. Это главы в книге «История Тувы» (т. I, 1964 г.), главы в «Истории Сибири» (т. I, 1968 г.), а также 13 научных статей в различных сборниках. По результатам этих полевых исследований в 1966 г. Л. Р. Кызласовым была защищена докторская диссертация «История Тувы в средние века», которая вышла отдельной монографией в 1969 г.

СМЕТЯ КИСТОЧКОЙ ПЛАСТЫ СТОЛЕТИЙ

Отдельного рассмотрения требует изданная в 1969 г. монография Л. Р. Кызласова **«История Тувы в средние века»**. Монография вызвала большой интерес в научном мире и популярность среди всех любителей истории Центральной Азии. Дело в том, что Тува в состав Советского Союза вошла только в 1944 г., поэтому с точки зрения истории и культуры была слабо изучена. Первые экспедиции по изучению древностей Тувы, как сообщалось выше, начались ещё в 1946 и 1947 гг. Экспедицию возглавил С. В. Киселёв, который, естественно, пригласил принять участие в них студента второго курса исторического факультета МГУ Л. Р. Кызласова. В последующем археологическими экспедициями по изучению древностей Тувы стал руководить сам Л. Р. Кызласов.

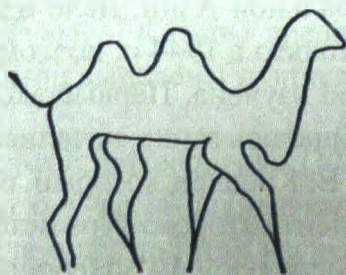
Первая глава монографии посвящена историографии средневековой истории Тувы. Дается краткая история археологического изучения Тувы. Подробно рассматриваются работы по средневековой истории.

Вторая глава посвящена истории Тувы в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.). В научный оборот были введены много названий новых

Л.Р.КЫЗЛАСОВ

ИСТОРИЯ ТУВЫ в средние века

Андрею Серафимовичу
Исачакову с надеждой
прочитать его книги в
недалеком будущем и
на добрую память о
качественной экспедиционной
работе
от автора
Юрий Ситников
31 июля 1946 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1969

памятников древних тюрков, при этом особое место заняло описание и осмысление каменных изваяний человеческих фигур.

Тува в составе Уйгурского каганата рассматривается в третьей главе. Впервые Л. Р. Кызласовым были открыты и изучены пятнадцать городищ. Он наложил эти городища, крепости на карту, и стало ясно, что они созданы как большая пространственная система обороны от северных соседей – древних хакасов.

В четвёртой главе, посвящённой Туве в составе Древнехакасского государства (IX в. – начало XIII в.), изучается енисейская письменность. Особенно интересным является освещение тамговых знаков. При помощи изучения знаков собственности – тамги было установлено, что на территории Тувы существовало шесть феодальных уделов. Большое внимание учёным уделялось исследованию хозяйственной деятельности древних жителей.

Монгольский период Тувы показан в пятой главе.

«Монгольское завоевание резко оборвало закономерное поступательное развитие исторического процесса среди племён, населяющих Саяно-Алтайское нагорье»¹³.

Как отметил доктор исторических наук Я. И. Сунчугашев, «новая книга профессора Л. Р. Кызласова является крупным вкладом в советскую историческую науку и... окажется полезной... интересующимся археологией и историей Сибири»¹⁴.

Содержательную рецензию на работу Л. Р. Кызласова написала известный специалист по истории и культуре средневековых народов «Великой степи» С. А. Плетнёва¹⁵. Она считает, что книга Л. Р. Кызласова «является образцом исторического исследования, написанно-

¹³ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 212 с.

¹⁴ Сунчугашев Я. И. // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1971. Вып. 16. С. 216–219.

¹⁵ Плетнёва С. А. // Советская археология. 1971. № 1. С. 295–298.

го на материалах огромного количества археологических памятников, обследованных, изученных, раскопанных автором в течение многих экспедиционных сезонов». На её взгляд, огромную научную ценность представляет изучение тюркских поминальных оградок и каменных статуй, их предназначения, а также исследование городищ и крепостей уйгурского периода.

Читатель монографии Л. Р. Кызласова проходит длинный путь по следам одной из бесчисленных «исчезнувших цивилизаций», хорошо знакомых или ещё совсем не известных исторической науке. Таким образом, книга Леонида Романовича стёрла с лица истории ещё одно «белое пятно» и прочно легла в фундамент будущих работ по истории этого края и всей Сибири.

Высокую оценку «Истории Тувы в средние века» дал известный археолог А. П. Смирнов. Он отмечает, что исследование учёного построено на исчерпывающем анализе различных источников. В настоящей книге Л. Р. Кызласов «блеснул мастерским, скрупулёзным анализом, давшим ему возможность прийти к хорошо обоснованным выводам»¹⁶.

Книга Л. Р. Кызласова представляет оригинальный труд, обогативший историю большого края. В монографии использованы и критически проработаны археологические, языковедческие и письменные материалы. Созданные автором систематические классификации по отдельным эпохам интересны археологам не только Сибири, но и других регионов Евразии.

Большую и предметную рецензию на работу Л. Р. Кызласова дал патриарх сибирской археологии академик А. П. Окладников¹⁷. Он писал, что обширный новый документальный материал, новые исследовательские публикации Л. Р. Кызласова позволили ему создать первую монографию по средневековой Туве. Значение её для истории Сибири

¹⁶ Смирнов А. П. // Советская археология. 1971. № 1. С. 298–298.

¹⁷ Окладников А. П. // Сибирские огни. 1973. № 1. С. 146–152.

№ 1 Дорожному Андрею Сергеевичу
Белытурскому
— коллеге и другу
с надеждой Белытурского
столбов по рунне
Кызылаев, Кызласов
Л. Р. КЫЗЛАСОВ, И. Л. КЫЗЛАСОВ
9. X. 86 г.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОГРАНИЧНАЯ НАДПИСЬ С НИЗОВЬЕВ УЙБАТА (ХАКАСИЯ)

Летом 1974 г. сотрудники Хакасской археологической экспедиции Московского университета обнаружили на одной из курганных плит руническую надпись¹. Курган расположен на территории обширной долины на правом берегу р. Уйбата, текущей здесь от Сахарского хребта. Возле него через невысокий перевал проходит дорога, ведущая от сорокового километра тракта Абакан — Аскиз в пос. Ильича (Албастровый рудник). Курган расположен в 4,5 км на восток от рудничного поселка и в 3,7 км от тракта. По своей конструкции курган является «многокаменным» и относится ко II стадии тагарской культуры (IV—III вв. до н. э.); он имеет земляную насыпь до 5 м высотой и квадратную ограду размером 38×36 м из плит. Некоторые плиты ограды отбиты и поломаны. На двух уцелевших плитах северной стороны сохранились фигуры трех стоящих оленей с волютами на туловищах. На камне южной стороны выбита раннесредневековая тамга.

В центре западной стороны ограды сохранилась высокая (3,15 м) плита, обращенная узкими гранями на восток — северо-восток и запад — юго-запад (рис. 1). Наибольшая ширина плиты 1,46 м; ширина

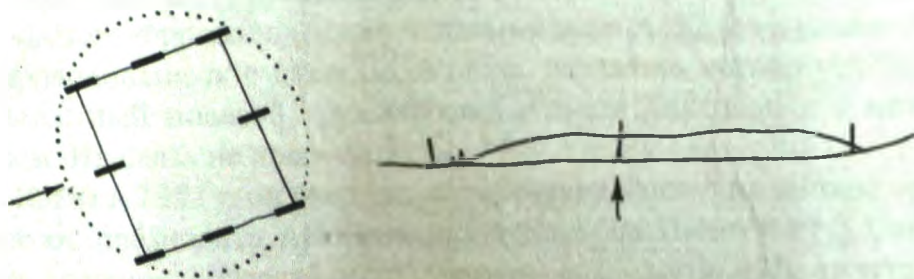

Рис. 1. Схема раскопок

в целом определяется не только её содержанием, не только новой постановкой ряда кардинальных исторических проблем, но и тем, что это первая и пока единственная монография по истории средневековой Сибири... На её опыте мы получаем первый пример, своего рода эталон такого исследования комплексного характера для дальнейшего изучения средневековой истории сибирских народов.

Академик А. П. Окладников пишет, что «нельзя не отметить и того приятного впечатления, которое оставляет отношение автора к своим предшественникам и в первую очередь к такому выдающемуся исследователю и учителю его, каким был Сергей Владимирович Киселёв. Можно прямо сказать, что ученик унаследовал от своего учителя всё лучшее: боевой темперамент, уважение к факту, способность мыслить широкими историческими масштабами, а также яркий и подлинно увлекательный способ изложения».

Таким образом, Л. Р. Кызласовым было ликвидировано ещё одно «белое пятно» на археологической карте Южной Сибири и Центральной Азии. А до этого им были открыты памятники скифских времён Горного Алтая и тагарская культура Среднего Енисея. Иными словами, после работ Л. Р. Кызласова в Туве учёным стало ясно, что реальная историческая картина была гораздо сложнее, чем это представлялось им раньше.

ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ АРХЕОЛОГА

Они удивительны! Ведь он прошёл путь от студента до заслуженного профессора МГУ. Будучи студентом, уже участвовал в работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. В период с 1950 по 2002 г. Л. Р. Кызласов возглавлял Хакасскую археологическую экспедицию.

Одних лишь археологических работ Л. Р. Кызласова хватило, чтобы полностью сломать старые представления о вечной культурной неразвитости коренных народов Сибири.

Всё это слова из биографического очерка сына учёного, Игоря Леонидовича Кызласова, которые дополняют ценные штрихи к портрету профессора Л. Р. Кызласова. Этот очерк «Археолог Леонид Романович Кызласов» был опубликован в первом томе сборника «Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение» (Алма-Ата, 2017 г.).

Мы в полном праве и с согласия автора приводим его с некоторыми сокращениями, чтобы, в свою очередь, определённо понять не только то, что сделал отец будущего доктора исторических наук И. Л. Кызласова, став для него достойным примером всей жизни, но и его отношение к отцу, памятные моменты его судьбы. Понять, как говорится, произнесённое из первых уст.

«В 1948 г. 24-летний студент IV курса исторического факультета МГУ Л. Р. Кызласов был приглашён возглавить археологический отряд Центрально-Казахстанской архитектурно-археологической экспедиции АН Казахской ССР, руководимой её основателем – доктором филологии, членом-корреспондентом Академии наук А. Х. Маргуланом. Работы, проводившиеся с июля по октябрь, оказались весьма успешными, а совместный полевой труд сблизил Алькея Хакановича с молодым учёным. Их связь не прерывалась».

Когда в 1952 г. он окончил аспирантуру, «получил личное приглашение от президента АН Казахстана Каныша Имантаевича Сатпаева занять должность заведующего сектором археологии в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Уже зная адрес новой

квартиры, он собрался переехать в Алма-Ату: супруга с двумя малыми детьми паковала в московской коммуналке чемоданы. Узнав об этом, А. В. Арциховский приложил все силы к разрешению кадрового вопроса в МГУ – в результате Леониду Романовичу было предложено остаться работать на кафедре».

По рассказам И. Л. Кызласова, когда он в 1989 г. впервые оказался в Алма-Ате, на учреждённых Академией наук Республики Казахстан Маргулановских чтениях, «отец привёл меня к дому в центре города и сказал: «Вот в этом дворе ты мог вырасти, – и, помолчав, добавил: – Тогда ты был бы другим человеком». Разумеется, он был прав, хотя я поныне не понял полного смысла этой фразы». До конца дней Л. Р. Кызласов тепло вспоминал Алькея Хакановича Маргулана и экспедицию 1948 г., следил за развитием археологической науки в Казахстане, пополнял свою библиотеку казахскими изданиями, постоянно держал связь с казахскими учёными. «Он гордился Московским университетом, ставшим для него родным, но, видимо, не раз с грустинкой подумывал о том несостоявшемся переезде, хотя, куда бы ни привела его судьба, другим человеком Л. Р. Кызласов никогда бы не стал. Он знал, для чего работал». Но мы забежали чуть вперёд...

Талант полевого исследователя и широта исторического взгляда на археологические материалы проявились у Л. Р. Кызласова очень рано.

Уже раскопки, проведённые в 1953–1954 гг. на Ак-Бешиме (Кыргызстан), принесли ему мировую известность: на огромном городище 29-летний археолог сумел отыскать и за два сезона раскопать остатки самого раннего в Средней Азии буддийского храма, первой христианской церкви, манихейского могильника и башни – дахмы, имевшей вид замка. Точнейшим образом была определена археологическая дата Ак-Бешима. Выяснилось, например, что посвящённый Майтреи буддийский храм оказался и поныне единственным известным комплексом из монастырей Даюнь (Великого Облака), некогда возведённых по эдикту китайской императрицы У Чжао. Методика, разработанная Л. Р. Кызласовым при этих раскопках, значительно обогатила археологические приёмы и поныне применяется в Средней Азии. Помимо прочего, изучение

Ак-Бешима впервые показало официальное применение в Тюргешском каганате и на его монетах согдийской письменности и согдийского языка. Результаты раскопок в Ак-Бешиме, кроме СССР, были изданы в Англии и Франции, Индии и Китае. К ним вновь вернулся и сам автор в последней в его жизни книге, в 2010 г. изданной и на английском языке.

Л. Р. Кызласов вёл раскопки и разведки с 1946 по 1991 г. в Казахстане, Киргизии, Туве, Хакасии, Красноярском крае, Забайкалье, Приморье...

К важнейшим достижениям учёного относятся: создание сплошной шкалы древних и средневековых культур Тувы, соотнесённой с древностями Хакасии, Монголии и Алтая, разработка методов этнического определения древностей Сибири и Центральной Азии, обнаружение древностей Уйгурского каганата, фактическое открытие Древнехакасского государства, установление исторической роли аристократического рода кыргызов, определение времени бытования енисейской рунической письменности и создание учения о тамгах. Именно профессором Кызласовым впервые осуществлено собрание и обобщение летописных свидетельств о Южной Сибири и Центральной Азии (китайских, персидских, арабских, тюркских, греческих, западноевропейских, русских). Особой заслугой Л. Р. Кызласова стало воссоздание древней и средневековой истории двух ещё недавно бесписьменных южносибирских народов: тувинского и хакасского. Им внесён значительный вклад в познание истории северных и южных алтайцев, шорцев, чулымцев, тофов, хантов и манси, селькупов, уйгуров, киргизов, казахов, якутов, бурят, монголов и других обитателей Сибири и Центральной Азии.

Существенно продвинуто им изучение некоторых древних народов Средней Азии — прежде всего саков, тюргешей и карлуков. Им открыты и изучены сотни памятников местных культур и создана фундаментальная база для нового этапа археологического изучения Сибири. Одних лишь археологических работ Л. Р. Кызласова хватило, чтобы полностью сломать старые представления о вечной культурной неразвитости коренных народов Сибири.

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ХАКАССКОГО НАРОДА

В настоящее, переломное время истории нашей Родины всему российскому обществу коллективный Запад навязывает гибридную войну, которая идёт по разным направлениям и форматам – от прямой военной агрессии до «безобидных» научных споров. Цель одна: поссорить народы и развалить Россию, уничтожить российскую цивилизацию и её историю.

Наша история сложна и противоречива. Но все народы России сегодня едины в сохранении нашей современной российской уникальной цивилизации. В то же время находятся-таки среди нас отдельные «товарищи», которые сознательно способствуют возникновению межнациональной напряжённости. В этом «преуспевает» прослойка историков-«хлестаковых». У них фамилии до боли могут быть созвучными нашим родным или, может, даже звучать по-козлиному. Именно поэтому я даю изложение взглядов Л. Р. Кызласова на историю происхождения нашего хакасского народа.

Л. Р. Кызласов внёс огромный вклад в исследование истории и археологии Южной Сибири, Средней и Центральной Азии. Удивляет и поражает его целеустремлённость, системность и результативность в научных поисках в разных областях гуманитарных наук и регионов. В большинстве случаев он был первооткрывателем в изучении истории огромного региона. Его сыном И. Л. Кызласовым было точно замечено, что «он был археологом, потому что был историком»¹⁸.

Л. Р. Кызласов был учеником выдающегося советского археолога-историка С. В. Киселёва, много лет работал вместе с известным исследователем новгородских древностей, заведующим кафедрой археологии исторического факультета Московского государственного университета А. В. Арциховским, которые продолжали и развивали московскую школу археологии, созданную В. А. Гордцовым. Все, кто

¹⁸ Кызласов И. Л. Очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Леонид Романович Кызласов (1924–2007): библиографический справочник / М-во культуры Респ. Хакасия, ГБУК РХ «НБ им. Н. Г. Доможакова»; [сост.: И. Л. Кызласов, А. А. Ищенко; под общ. ред. И. Л. Кызласова]. Абакан: [10] л. Цв. ил. С. 10.

Игорь Леонидович Кызласов

работал в археологических экспедициях Л. Р. Кызласова или тесно с ним общался, не раз слышали от него крылатую фразу А. В. Арциховского о том, что «археология – это история, вооружённая лопатой». Принцип историзма, характерный для московской школы археологов, определяет метод исследований как комплексный анализ данных целого ряда наук: истории, археологии, антропологии, лингвистики, фольклора и этнографии, а также исследование этногенеза народов Южной Сибири, обязательно нужны свидетельства из разнородных

китайских, персидских, арабских и русских письменных источников.

Тогда древние памятники материальной и духовной культуры, такие как курганы, поселения и города, изваяния и сакральные места, менгиры и наскальная живопись, «руническая» письменность и названия местностей и рек, вдруг оживают и наполняются людьми – земледельцами и скотоводами, металлургами и кузнецами, гончарами и камнетёсами, ювелирами и служителями культа. Поэтому не случайно есть, например, выражение, что «Л. Р. Кызласов выкопал лопатой историю Хакасии».

Круг научных интересов Л. Р. Кызласова по изучению исторических памятников был широк по времени и пространству. Им были сделаны десятки научных открытий. Среди них особое место занимает развитие и становление практической этноархеологии. Это – определение этнической принадлежности конкретных памятников или культур. Л. Р. Кызласовым ещё в 50-е гг. прошлого столетия впервые в сибирской археологии было осуществлено этническое членение одновременных археологических памятников (культур) одной территории: от раннего железного века до Средневековья.

Особое внимание Л. Р. Кызласов уделял вопросам происхождения народов Саяно-Алтайского региона. Например, он до настоящего времени остаётся единственным учёным, который изучал историю

Абаканский чаа тас

происхождения хакасского народа на всех его этапах возникновения, становления и развития.

Десятки работ Л. Р. Кызласова показывают, что этногенез народа не является простым одномоментным актом¹⁹.

Началом длительного и противоречивого процесса этногенеза древних предков хакасов Л. Р. Кызласов считает свою любимую таштыкскую

¹⁹ Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов [II в. до н. э. – XVII в.] // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 12. Абакан, 1959. С. 70–90; Кызласов Л. Р. О численности древних хакасов IX–XI и XIII вв. // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 12. Абакан, 1966. С. 152–160; Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние. Ин-т археологии; отв. ред. А. М. Мандельштам. Л., 1975. С. 193–211; Кызласов Л. Р. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири // История СССР. 1975. № 6. С. 164–168.

эпоху²⁰, которую он ласково называл «наша сибирская античность». При этом он придерживался концепции, выдвинутой его учителем С. В. Киселёвым в капитальном труде по истории Южной Сибири²¹. Раскопки погребальных памятников таштыкской культуры показали, что сочетание трупоположения и обряда кремации свидетельствовали об уникальном явлении, когда происходит слияние консервативных погребальных обрядов коренного населения (динлинов) с новыми пришлыми (кыргызами – гянгунями). Таким образом, стали оживать древние памятники предков всех народов Саяно-Алтайского нагорья, выявляются исторические корни алтайцев, тувинцев, хакасов и многих других. До этого они скрывались под названиями различных археологических культур. Территорию Хакаско-Минусинской котловины в разные эпохи населяли, а иногда вместе проживали самодийские, фино-угорские, кето- и тюркоязычные племена. Благодаря историческому методу исследования археологических памятников Л. Р. Кызласов выявил древности многих народов тюркского, уйгурского периодов и средневековых хакасов в истории Южной Сибири.

Несколько работ Л. Р. Кызласова посвящены понятию этнонима «хакас». Это было не случайно. Ему приходилось не раз вступать в научные споры. Иногда с не совсем корректными политизированными оппонентами. От различных толкований понятий «хакас» и «кыргыз» менялось понимание всей средневековой истории Саяно-Алтайского региона, а также многие процессы современности²².

Во-первых, он доказывал, что ошибочным является мнение о том, что народное имя «хакас» является искажённой китайской передачей термина «кыргызы». Для самих китайских летописцев слово «хакас» было чужеземным. В этом вопросе он в основном придерживался

²⁰ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 188.

²¹ Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы исследования по археологии СССР. № 9. М.-Л., 1949. С. 315.

²² Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII веков // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 13. Абакан, 1969. С. 5–20.

взглядов Н. Я. Бичурина (отец Иакинф) и Н. В. Кюнера. В середине XIX в. синолог Н. Я. Бичурин «восстановил народное имя «хакас» по древним иероглифам, ничего не ведая о том, что на свете есть люди, которые называют себя «хаас»... позднее это подтвердил советский учёный Н. В. Кюнер – единственный китаист по истории Сибири»²³.

Л. Р. Кызласов выделял три стадии развития хакасского языка: период древнехакасского языка (VI–XII вв.), период старохакасского языка (XIII–XVII вв.) и период новохакасского языка (XVIII–XX вв.). Язык любого народа в своём развитии претерпевает различные изменения. Хакасский язык не является исключением. Например, при стяжении гласных звуков происходит выпадение согласного между ними.

Он считал, как и многие российские учёные (Н. Н. Козьмин, С. В. Киселёв, Н. Г. Доможаков, М. И. Боргояков и др.), что древнее имя «хакас» сохранилось в самом народе под понятиями «хаас», «хасха», «ах-хасха» и т. д.²⁴

Леонид Романович обосновывал, что под средневековыми хакасами в китайских источниках VI–XII вв. понимали разноязычное население Древнехакасского государства, а не только его тюркоязычную часть – кыргызов.

Таким образом, под древними хакасами он понимал – общее имя населения Южной Сибири, формирующегося в этот период в народность. Процесс формирования народа был прерван монгольским нашествием в начале XIII в. В его работах получила развитие основная идея происхождения хакасского народа: веками непрерывно идущее

²³ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Ключевые вопросы истории хакасов / Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Сборник статей. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2016. С. 10.

²⁴ Козьмин Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск: Изд-во Иркут. секции науч. работников Рабпроса, 1925. С. 186; Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы исследования по археологии СССР. № 9. М.-Л., 1949. С. 315; Доможаков Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хааского (качинского) диалектов // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан, 1956. С. 64–70; Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959. С. 135–139.

слияние разноязычных аборигенных этнических групп. Этот процесс обеспечивался нарастающим влиянием ранних и последующих форм хакасского языка, поглощая другие наречия.

Очень важно для понимания этногенеза хакасов, по Л. Р. Кызласову, было то, что он применительно к средневековой эпохе применял термин «древние хакасы», не отождествляя их с современным хакасским народом. Он считал, что наследниками Древнехакасского государства так или иначе являются все коренные народы Южной Сибири.

Л. Р. Кызласовым впервые была изучена роль аристократического рода – кыргызы в истории народов Южной Сибири и Центральной Азии вплоть до вхождения в Российское государство. Он считал, что, когда гунны захватили Хакасско-Минусинскую котловину, они в несколько этапов в качестве правящего слоя переселяли туда кыргызов (гяньгунь) из западных районов современной территории Монголии. Кыргызы (гяньгуни) перемешались с местным населением, сохраняли властные функции за собой. Это был один аристократический род. Отсюда название общества и государства. Род кыргызы был фактически ядром разнотемных этнических групп.

Он считал, что кыргызы были не особым народом, а издревле смешанным по происхождению (из-за брачных связей с другими родами) аристократической родовой группой, входившей в тюркоязычное ядро древних хакасов, от которых они уже не отличались в этническом и культурном отношении, за исключением сохранения своего древнего родового самоназвания. Из их состава выходили князья – беги, возглавлявшие каждую из древнехакасских этнических групп. Старейшинами, ханами, а потом и каганами становились только люди рода кыргызы. Эта традиция сохранилась до прихода русских. Поэтому Л. Р. Кызласов доказал, что кыргызы – это древнейший династический род среди хакасов, тувинцев и алтайцев. Само слово «кыргызы» с раннего Средневековья выступает как политоним общего названия жителей государства. Существование правящих родов, как правило, было присуще всем народам, в том числе тюркским. Возможно, незнание этой особенности социально-политической структуры среди народов Южной Сибири

в XVII в. стало одной из причин столетней войны кыргызских князей с Московским государством.

Л. Р. Кызласов в своих трудах доказал, что наши древние предки занимались комплексным хозяйством. Они не были примитивными кочевниками-скотоводами, как считали многие исследователи. Скотоводство в условиях Хакасско-Минусинской котловины в большей степени было яйлажным со своими летниками и зимниками. В лесостепной части региона было развито орошаемое земледелие, с многокилометровыми каналами. Многие из них использовались для орошения пастбищ, как мочаги. Высокое развитие получило горное дело, металлургия и ремесленничество. Древнехакасское государство было центром производства оружия и военного снаряжения для всей Центральной Азии. Не случайно первые походы Чингисхана, во главе с его старшим сыном Джучи-ханом, были направлены сюда, чтобы завоевать рынки производства современного вооружения.

Письменность наших древних предков была одной из восточных, основанных на фонетическом алфавите. Дальше на восток письменность уже была иероглифическая.

Около ста лет всё ещё разнородное население бывшего Древнехакасского государства оказывало вооружённое сопротивление монгольским захватчикам (1207–1293). Восстания жестоко подавлялись. Каждый раз после этого происходил угон части населения, прежде всего ремесленников-оружейников, происходила военная мобилизация. Обескровливалось население, деградировала экономика.

В начале XVII в., когда первые русские отряды встретились с различными группами хакасов, под контролем кыргызских князей находилась обширная территория: на западе их власть распространялась на верховья р. Оби, по р. Чулым, Кондому, Мрассу и Бия; на севере – до устья Ангары, на востоке – р. Кан и Уда. Освоение Сибири русскими шло по разным направлениям, прежде всего была военная, промысловая (пушнина, особенно соболь, который был основной валютой того времени) и земледельческая колонизация.

Неслучайно все первые русские остроги были построены вдоль границ разрозненных кыргызских княжеств: Томский (1604),

Маковский на р. Кети (1618), Кузнецкий (1618), Енисейский (1619), Красноярский (1628), Канский (1636), Удинский (1646) и другие.

Завязался очень большой узел противоречий между местными князьями – кыргызами, монгольскими алтын-ханами, джунгарами (калмыками) и русскими воеводами. Все боролись за земли, за пушнину и за население. Естественно, в этот период процессы этногеза замедлились.

Одно время в исторической науке утвердилось упрощённое понимание событий, произошедших в 1703 г., и их последствий. Стали утверждать, что «кыргызы» были угнаны джунгарами (калмыками) из Хакасско-Минусинской котловины, а опустевшие земли заняли данники (кыштымы) кыргызских князей. На основе новых жителей в течение XVIII и XIX вв. сформировалась хакасская народность.

Л. Р. Кызласов на основании многочисленных и разнообразных источников, а также опираясь на работы других историков, доказал, что так называемый угон коснулся примерно четверти населения региона. При этом часть вернулась назад. Кстати, угоны населения для средневековых цивилизаций были обычным явлением. В XVII в., когда началась война между кыргызскими князьями и русскими воеводами, угоны населения участились. Угоняли прежде всего ремесленников-данников – налогоплательщиков. Как говорится: «...по старому обычаю переселялись в страну победителей».

Судьба угнанных хакасов была трагична. Часть народа погибла в неволе, остальные вынуждены были воевать с другими народами на стороне джунгар. Другие выжившие всяческими путями убегали с чужбины на родину. Есть много примеров, когда через несколько десятилетий на родину возвращались их внуки.

Оставшиеся на родине хакасы, входившие в род кыргыз, в последующем подвергались сознательному и безжалостному истреблению. Уцелевшие потомки уже не претендовали на власть в своей земле, даже предпочитали скрывать название своего рода (сöök). Влившись в состав хакасского народа, они жили «на родной земле, где возвышаются к божественному небу родовые горы, где текут благословлённые предками чистые реки, где вся природа населена духами – покровителями людей, скота, всего живого и растительного мира.

Над родной землёй, скрывающей в себе могилы отцов и дедов, катится по лазури яркое и божественное Солнце, а ночью над головой сияет родная божественная Луна с сонмом планет и... созвездий – весь Великий Космос (Хан-тигiр), созданный бессмертным Худайем»²⁵.

В 1706 г. царь Пётр I подписал указ о сооружении острога на «Киргизской земле». Русские служивые люди сооружали остроги в тех местах, где раньше китайские и монгольские наместники собирали дань у кыргызских князей.

Таким образом, Л. Р. Кызласов считал, что при всех катаклизмах большая часть аборигенного населения Хакасско-Минусинской котловины осталась на своей исторической родине. Произошло важное историческое событие – была сломлена тысячелетняя система правления аристократическим родом кыргыз и прекратили существовать остатки Древнехакасского государства. После этого Хакасия окончательно вошла в состав Российского государства. Уже в составе Российского государства в течение XVII–XIX вв. сформировалась хакасская народность.

ПЕРВОПРОХОДЕЦ МИРОВЫХ ОТКРЫТИЙ

18 апреля 2024 г. на кафедре археологии проводился круглый стол, посвящённый 100-летию Л. Р. Кызласова, где Галина Георгиевна Король, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра палеоискусства Института археологии Российской академии наук, в честь этого поделилась своими воспоминаниями: «Учёба на кафедре археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова под руководством профессора Леонида Романовича Кызласова, как и положено, сформировала всю мою научную жизнь и в немалой степени подкрепила и утвердила жизненные позиции, заложенные в семье.

²⁵ Кызласов Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1996. С. 49.

Андрей Асочаков, Ирина Кызласова и Галина Король, с. Карасук. 1975 г.

Леонид Романович обучал студентов и аспирантов не только азам, но впоследствии главному: тонкостям любимой науки – археологии. Своим отношением к делу, ярко проявленном в научных трудах, проводимых семинарах и лекциях, он побуждал интерес нас, студентов, не только к предмету изучения, но и к региону, которым занимался и глубоко изучал его древнюю и средневековую историю. Своим неподдельным вниманием к вопросам студентов, их проблемам, личным поведением в экспедиционных поездках Леонид Романович также вызывал наше глубокое уважение. Он был строг, но это всегда было обоснованно и шло нам только на пользу.

Обучение мы проходили повсюду – в университете на занятиях, в процессе работы над собственными темами, которые Леонид Романович предлагал каждому своему ученику с учётом его интересов и возможностей, при этом помогая в сборе материала, подсказывая, от каких

отправных точек нужно оттолкнуться, с кем ещё посоветоваться и обсудить проблематику. Обучение продолжалось и в экспедициях, в которых мы проводили 3–4 месяца после летней сессии (чаще всего её сдавали раньше, чтобы вместе с основной группой уехать «в поля»).

Да, во время полевых сезонов, на раскопках он постоянно давал чёткий инструктаж, особенно перед выполнением нами, как тогда казалось, трудных заданий. Практиковал Леонид Романович также вечерние и воскресные выезды на места разных памятников, сопровождая всё рассказами и объяснениями. Иными словами, это были реальные выездные лекции, иногда с практической работой по зарисовкам, копированием надписей и петроглифов.

После стационарных раскопок всегда были так называемые полевые маршруты (по Минусинской котловине, Туве) – т. е. мониторинг известных памятников, разведка новых, причём с таким же тщательным подходом к изучаемому предмету, как и в стенах университета. В таких вот экспедиционных условиях (не всегда простых, что понятно и естественно) незаметно для нас происходило буквально практическое обучение разным аспектам археологической жизни. Это навыки не только каких-то элементарных умений, но и квалифицированного общения с людьми, служебными инстанциями, с корреспондентами, которых побывало немало на наших стационарных раскопках – например, возле улуса (аала) Райков, в 34 км от Абакана. Именно в годы моего обучения там шли самые интенсивные исследования уникального памятника средневековой эпохи.

Некоторые советы Леонида Романовича, знаю, помнят не только его ученики – многие, с кем он заинтересованно общался. Нам, конечно, эта память важнее всего! Ведь теперь мы стараемся в своей педагогической деятельности быть такими же строгими, внимательными и доброжелательными к своим ученикам.

В моей, например, научной жизни самые важные основы – это тщательный подход к точной фиксации любого фактического материала, его строгий критический анализ, любовь к научной литературе и стремление не «лить воду» в письменных трудах, а писать по делу, понятно и доступно, чтобы это было интересно читать не только

узкому специалисту. Все эти черты научной работы заложены в нас им, Леонидом Романовичем. И теперь с годами только всё больше и больше понимаешь, что именно таким и должен быть настоящий УЧИТЕЛЬ».

Археолог Л. Р. Кызласов оказался едва ли не первым учёным, создавшим аналитический обзор языковой принадлежности географических названий Хакаско-Минусинской котловины. Исследование имело целью установить лингвистическую природу тех древних народов, которые в долинах Среднего Енисея предшествовали приходу первого тюркоязычного населения на заре нашей эры, и было направлено на наиболее устойчивую область топонимики – наименование рек. По этому показателю Л. Р. Кызласовым уверенно выделялись две крупные языковые группы аборигенного дотюркского населения региона: угорская (со словом «ас, ес» – «река») и самодийская (имеющая «ба» и «бу», восходящих к словам «вода, река»). Критически была рассмотрена им возможность кетского определения гидронимов степной части земель, не находившая, в отличие от двух предыдущих, подтверждения в археологических материалах. Это исследование вызвало дискуссию, которая продолжается до сих пор и заметно повлияла на активизацию исследований по топонимике и гидронимам Хакаско-Минусинской котловины.

Изучение многочисленных горных каменных крепостей, проводившееся Л. Р. Кызласовым с 1958 г., открыло местную **фортификационную школу** раннего Средневековья. Подавляющее большинство их сооружено с соблюдением единых архитектурных норм и применением древнехакаской меры измерения – локтя. Исследователям, относящим эти объекты к первобытности, предстоит объяснить четыре группы фактов: разновременность сделанных в однотипных сооружениях находок (принадлежащих к афанасьевской, окуневской и карасукской культурам); распространение крепостей в Туве, Монголии, на Горном Алтае и в Прибайкалье, т. е. за пределами той окуневской культуры, с которой они их увязывают; архитектурно-строительное тождество малых (с длиной стен в несколько десятков метров) и огромных крепостей, укрепления которых тянутся от 2 до 25 км; военное применение якобы не предназначенных для боев сооружений вплоть до XVIII в. Всё это вполне объяснимо при учёте местной

средневековой истории. Увлекаясь предположением о сакральной фортификации эпохи бронзы, исследователи крепостей прошли мимо сделанного ими действительного открытия – обнаружения нагорных культов и приношений II тысячелетия до н. э. Много позже на тех же вершинах были сооружены древнехакасские укрепления.

Изучение **южносибирских городских центров** привело Л. Р. Кызласова к одному из крупнейших открытий в современном востоковедении – к обнаружению и раскопкам в Хакасии серии манихейских храмов и святилищ VIII–XII вв. (1971–1981). Религиозная принадлежность выстроенных из кирпича монументальных зданий подтверждается полным соответствием археологических и архитектурно-строительных данных со свидетельствами трёх независимых наук: истории, эпиграфики и филологии. Только в описанной средневековыми арабскими авторами (ал-Марвази, аш-Шахристани и ат-Демешки) ближневосточной сабейской архитектурно-планировочной символике получают объяснение все особенности раскопанных сооружений. Среди енисейских рунических надписей ныне выделены многие десятки текстов манихейского содержания, широко употребляется в них и специфическая религиозная лексика.

Открыты особые орфографические нормы, отличавшие манихейское письмо рунами, свойственные и ряду енисейских надписей. Существование и официальный статус в Древнехакасском государстве манихейства не только коренным образом изменяет наши знания о духовном развитии раннесредневекового общества, но и объясняет многие особенности культуры, отмеченные наукой у современных народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Таким образом, исследование городов закономерно породило ещё одно направление, впервые археологически разрабатываемое Л. Р. Кызласовым, – **история мировоззрения и мировых религий в раннесредневековой Сибири**. Распределив раскопанные археологом памятники по хронологии, получим следующий список открытий:

1. Первый и ранний буддийский храм в Средней Азии (Ак-Бешим, Киргизия), конец VII в. (датировка ныне подтверждена итальянкой, изучившей в Японии китайские рукописи).

2. Первая несторианская церковь в Средней Азии (Ак-Бешим).
3. Первые и едва ли не единственные археологически изученные манихейские храмы (12 объектов, Хакасия, 60-е гг. VIII в. – рубеж XII–XIII вв.), манихейское кладбище в Семиречье (Ак-Бешим).
4. Буддийские храмы XIII–XIV вв. и скальная кумирня этого времени (Межегей, Дён-Терек, Чаа-Холь, Тува).
5. Два мусульманских кладбища XIII–XIV вв. (Элегест, Саадак-Терек, Тува).
6. Ламаистская кумирня XVII в. (Тутатчиков, Хакасия) и ламаистские памятники тувинцев XVIII–IX вв.
7. Культовые наскальные рисунки хакасов (среди них – шаманистские по содержанию), археологические проявления поклонения древним изваяниям, включая Улуг Хуртуях тас, в XVIII – начале XX в.

К изучению **буддизма** Леонидом Романовичем впервые привлечены письменные источники о существовании средневековых хакасов-буддистов (X в., Дуньхуан), произведено выделение буддийской санскритской лексики в енисейских рунических надписях. С **выделением енисейских рунических** надписей манихейского содержания перед рунологией стоит задача отчленения доманихейских текстов ради постижения особенностей предшествующего мировоззрения Саяно-Алтая. Активно разрабатывалось исследованием и манихейское наследие в языках и культах, свойственных традиционной культуре южносибирских и центральноазиатских народов, как тюркских, так и монголоязычных. Заслуги экспедиций в изучении первобытного мировоззрения состоят в открытии восходящих к мезолиту святилищ с изваяниями и менгирами, в постижении их символики, семантики тагарских курганов и таштыкских поминальных стел, в выделении писаниц гунно-сарматского времени. Открыто огнепоклонство для завершающего этапа тагарской культуры (посмертные сожжения в урочище Сыхпа), раскопаны круглые храмы – святилища неведомой религии, относящиеся к тагарско-таштыкскому переходному этапу. Сделаны уникальные находки погребальных кукол-манекенов в полный человеческий рост и доказательства таштыкской принадлежности наиболее раннего на сегодня наскального изображения шамана с бубном на оз. Тус. Важнейшим

источником постижения особенностей сибирского средневекового общества являются местные рунические надписи – область эпиграфики. Л. Р. Кызласовым много сделано для превращения рунологии в науку: им постоянно добывались новые источники – открыто и опубликовано несколько стел и надписей на предметах; в исследование памятников на месте привнесены специальные источниковедческие процедуры – методы натуральной прорисовки надписей-граффити, полученные копии используются тюркологами. Заложены основы историзма в палеографии (1960) – определены датировка и этническая принадлежность памятников енисейской письменности, в корне изменившие восприятие азиатских надписей филологами; выработаны признаки этнокультурной принадлежности каждого енисейского письменного памятника (с их публикацией будет положен фундамент изучения особенностей раннесредневековых тюркских языков Саяно-Алтайского нагорья).

Именно Л. Р. Кызласовым впервые собраны и обобщены многочисленные **летописные свидетельства о Сибири Центральной Азии**: китайские, персидские, арабские, тюркские, греческие, западноевропейские и русские. По полноте собрание таких сведений по истории Хакасии и Тувы значительно превосходит историографию иных сибирских территорий. Совокупность археологических и исторических данных привела к отказу от готовых умозрительных схем, столь присущих предшествующему сибиреведению и кочевниковедению. Древняя и средневековая Сибирь впервые предстала перед миром как центр исторической активности народов с богатейшей культурой, письменностью, городской цивилизацией и комплексным хозяйством. Экономика была основана на высоком развитии металлургии, орошаемого земледелия и яйлажного скотоводства. Открытые профессором Л. Р. Кызласовым древнейшие культурные связи региона, как **«Великий нефритовый путь»** эпохи бронзы, показывают, что так называемое скифо-сибирское единство и следовавшие за ним гуннское, тюркское, а затем и славянское глобальное распространение явились закономерными, но частными случаями постоянно проявляющейся общности евразийского масштаба. Оказалось, что родовой строй в Южной Сибири окончился ещё в бронзовом веке, государственность сложилась в конце

раннего железного века и уже тогда отличалась космополитизмом знати и разветвлённой жреческой культурой. **Комплексное хозяйство** Тюркского и городская культура Уйгурского каганатов сменили строго продуманное государственно-административное устройство гуннского общества.

Важнейшим достижением учёного явилось **фактическое открытие Древнехакасского государства** – одного из наиболее развитых средневековых государств лесостепной зоны Евразии. Эта мировая держава, возглавлявшаяся династийным родом кыргызов, – закономерный результат развития саяно-алтайской цивилизации. Она более пяти веков не только объединяла в политическом, экономическом и культурном отношении многочисленные народы Южной Сибири, но и проводила активную внешнюю политику, осуществляя связи со странами Дальнего Востока и Средней Азии.

Особенно почётное место среди многочисленных трудов учёного занимает первая в науке **«История Хакасии с древнейших времён до 1917 года»** (М., 1993), ответственным редактором и автором 13,5 печатных листа текста которой был Л. Р. Кызласов.

Высокая академическая наука и сфера высшего образования приняла и отметила разносторонние учёные заслуги Леонида Романовича Кызласова. Независимыми сообществами специалистов он был избран членом Финно-Угорского общества (Финляндия, 1983), членом-корреспондентом Германского археологического института (ФРГ, 1984), членом Советского комитета тюркологов при отделении литературы и языка АН СССР (1988), членом специализированных советов по археологии и этнографии при МГУ (1953) и Институте археологии АН СССР (1968–1991), работал в составе редакционной коллегии журнала «Советская археология» (1979–1986) и Научно-технического и Научно-методического советов Министерства высшего образования СССР (1979–1986), состоял в экспертной комиссии по историческим наукам (1969–1973) Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР.

ПОЭМА «САМПИР»

Историческую поэму «Сампир» Леонид Романович Кызласов писал более двадцати лет – практически со школьного и до зрелого возраста: с 1940 по 1962 г. Это, конечно, не надо понимать буквально: были перерывы, и немалые; были раздумья над построением поэмы, её фактологическим, с фольклорным орнаментом, насыщением и стилизацией, тщательной работой над ведущим и второстепенными образами, а главное – над её исторической достоверностью, философским наполнением текста, его правдивостью и, наконец, художественной выразительностью. Подкупает то, что учёный-археолог за все эти годы написания «Сампира» невольно продемонстрировал свою преданность юношеской задумке поэмы и её воплощению как искреннему поклону предкам родной земли.

В своём своеобразном посвящении под названием «Хайджи» автор пишет о происхождении идеи своего произведения – после обращения к нему следующих слов народного сказителя:

Расскажи-ка мне, о парень,
Объясни, зачем курганы
Раскрываешь, тем тревожа
Прах могильный, холод тайный,
Сон давно почивших предков?
По степи бродящий летом,
Что ты ищешь? Клады древних?
Чаш ли золото литое
Иль серебряных кувшинов?
Или древних изваяний,
Что стоят в молчанье вечном,
Камень губ не разжимая?

Так спросил его мудрейший, в одиночку повстречавший его, когда автор вышел с лопатой на научные раскопки в степь, к подножию кургана. Дальше звучит ответ сказителю:

Я ему тогда ответил,
Я сказал ему, подумав,
Что следы народов древних,
Их жилища и могилы,
Их писания на скалах,
Их предметы и оружие
Я ищу, бродя по степи...
И ещё ему промолвил
И сказал, ещё подумав,
Что хочу узнать-проверить
Все те дивные сказанья,
Все преданья и легенды,
Что поют у нас о прошлом.

Эти от сердца идущие, проникновенные слова нашли отклик в душе хайджи, и он напутствовал автора такими словами:

Юный друг мой, ты благое
Совершить собрался дело.
Неотступно следуй к цели,
Знаю — своего достигнешь!
Рад всегда тебе я буду,
Навещай мою ты юрту...
Расскажу тебе не сказку,
Не легенду, а бывшее,
То, что слышал я от дедов,
То, что внукам я оставлю, —
О себе оставлю в память.

С полной ответственностью смею утверждать, что эта историческая поэма, выстраданная Л. Р. Кызласовым долгими годами, — не что иное, как его поэтическая исповедь, в которой он признаётся в своей преданности древней старине своей земли. И посвящается эта поэма «светлой памяти отца моего Сагайхааса...» Ведь именно Роман Афанасьевич в своё время, помимо тяги к знаниям, привил сыну любовь

к культуре и литературному слову. История и литература в поэме «Сампир» слились в одно целое. В этой поэме о жизни хакасов в Средние века Леонид Романович повествует о мужестве и доблести древних воинов, о любви и верности, о народных обычаях и обрядах. Не ошибусь, если скажу, что эта небольшая книжка должна стать настольной книжкой для всех, кто пронизан верностью к родной земле, её историческому прошлому, любовью к делам, чувствам и мыслям предков, отошедшим в манящий туман древних времён.

Перед своим обращением к читателям Л. Р. Кызласов приводит слова из эпитафии древнехакасского богатыря Эрен Улуга (X в.): «Народ, у которого есть доблесть, – сильный народ!» Эти чеканные слова стали для автора своеобразной путеводной звездой для написания исторической и, я бы добавил, – героической поэмы «Сампир».

«Когда в начале 30-х годов я был подростком-школьником, – вспоминает Леонид Романович, – мой папа Роман Афанасьевич Кызласов неоднократно делился со мной заботами о жизни и культуре малочисленного родного хакасского народа.

Особенно его огорчало почти полное отсутствие книг, в которых освещалась бы история хакасов в Хакасии. Папа прилагал большие усилия, чтобы разыскать такие книги. К тому времени он собрал хорошую краеведческую библиотечку по Южной Сибири, с помощью которой выяснилось, что историей происхождения и развития хакасского народа учёные почти не занимались из-за отсутствия прямых и надёжных источников.

Естественно, что, научившись читать, я первым делом познакомился с книгами, на каждой из которых стоял аккуратный штампик: «Домашняя библиотека Р. А. Кызласова». Прочитав эти книги, я понял одно: древняя история хакасов никому не известна: ни книги, ни летописи до нас не сохранились. Что же делать?

К 22 июня 1941 г., когда меня выпустили в свет по окончании курса средней школы № 1 Абакана, я уже твёрдо знал: поскольку письменных источников по истории хакасов нет, то остаётся надежда только на одну-единственную науку: археологию. Помочь могла лишь Книга земли,

*Е. И. Мамышева, В. И. Майнагашев, П. И. Асочакова,
аал Анчинаев. 1975 г. Фото Л. Р. Кызласова*

в которой всё «записано» и из которой никакие следы деятельности людей не исчезают.

Так я решил посвятить свою жизнь поискам тех археологических источников, которые в будущем помогут мне воссоздать и описать историю родного хакасского народа. Но именно в день 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война...»

Признание, которое сделал в обращении к читателям «Сампира» Л. Р. Кызласов, дорогого стоит! Именно тот факт, что история древних хакасов никому не известна, в том числе по летописям и книгам, и подвигла пытливого юношу посвятить себя археологии, где и возможно было наконец прочитать «Книгу земли».

«...В конце марта 1945 г., в день своего рождения, под самым Берлином, на исходе войны (я) получил ожоги и тяжёлое ранение, – продолжает далее Л. Р. Кызласов. – Осенью того же года... поступил учиться на кафедру археологии исторического факультета Московского университета. В этот университет я пришёл потому, что в нём в то время преподавал лучший знаток истории и археологии Хакасии профессор Сергей Владимирович Киселёв. Он и стал моим Большим учителем.

Если бы этот выдающийся учёный работал тогда в другом учебном заведении страны, то, не задумываясь, я поехал бы к нему в любой город – от Бреста до Владивостока. Считаю, что учиться надо идти, выбирая лучшего знатока-педагога, а не город или тем более институт. Главное – найти для себя истинного и единственного Учителя.

С тех пор вот уже почти 50 лет я добываю и собираю любые источники, в той или иной степени освещающие историю и археологию Хакасии и хакасского народа. Мною организовано и проведено 42 археологические экспедиции, напечатано свыше 200 специальных научных работ и выпущена в свет первая в истории хакасов «История Хакасии с древнейших времён до 1917 года». Теперь можно сказать, что надежды моего отца оправдались, – я сделал для родного народа то, о чём он мечтал.

К сожалению, многие из научных трудов малодоступны для школьников. Поэтому ещё с юности я надеялся создать литературные произведения, понятные для всех интересующихся историей Южной Сибири. Одно из них – поэма «Сампир» – лежит перед вами. Её средневековый фонвос создан на добротном научном материале. Основные события имеют историческую реальность. Читайте и не судите автора строго. Ведь даже гений поэзии А. С. Пушкин жаловался в одном из писем своему брату Льву: «Здравствуй, брат, писать так трудно!»

Итак, здравствуйте, мои молодые друзья! Читайте теперь всё то, что с любовью написано для вас. Подумайте, как нелегко было мне это сделать и каким долгим оказался мой путь к знаниям и творчеству.

*Профессор Леонид Кызласов,
заслуженный деятель науки Тувинской АССР,
г. Москва, 14 сентября 1991 г.».*

Это авторское признание дополнительно, уже к известному нам, проливает свет на жизнь и деятельность Л. Р. Кызласова, вскрывает причины его верного служения родной Хакасии. Не могу удержаться, чтобы не привести послесловие к опубликованной поэме (Хакаское книжное издательство, 1994), написанное другим известным нашим учёным, профессором Я. И. Сунчугашевым, учеником Леонида Романовича, с которым в течение нескольких лет я тоже имел встречи и беседы. Яков Иванович в своём отзыве проникательно и почтительно отзывается оТтворчестве своего старшего друга и коллеги, его исторической поэме «Сампир».

«Автор прочитанной Вами поэмы «Сампир», – пишет он, – широко известен в России и за её пределами как историк, автор фундаментальных исследований по археологии и истории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии.

Сегодня Вы познакомились с ним как с автором литературного произведения, созданного на материале хакасской истории. Поэма «Сампир» была уже опубликована на хакасском языке в газете «Ленин чолы» и получила положительный отзыв от читателей. Автор поэмы, как всегда, выступает за высокую человеческую нравственность, воспекает светлое чувство любви, настоящую дружбу, умение защищать родную землю. Л. Р. Кызласов известен и как критик, знаток литературной жизни Хакасии. В очерке о творчестве хакаского писателя В. Д. Гурницкого – человека необычной судьбы – Леонид Романович дал содержательный анализ литературы 30–40-х гг. XX в. Им также написаны оригинальные исследования «О литературе и фольклоре средневековых хакасов», «Низами о Древнехакасском государстве» и другие. С большой теплотой пишет он очерки о своём талантливом учителе

С. В. Киселёве, о первых учёных-путешественниках прошлых столетий, изучавших историю и природу Хакасии.

Я бы осмелился сказать и о том, что творчество Л. Р. Кызласова, в том числе и поэма «Сампир», знакомит читателей с философией древних хакасов, с их взглядами на окружающий мир и общество. Надеюсь, что читателям понравится эта поэма, они узнают много нового о земле, на которой живут, и об истории Хакасии».

Яков Иванович оказался прав. За прошедшие десятилетия поэма «Сампир» претерпела не одно издание, стала достоянием широкого круга читателей, а также тех, кто по душе и призванию изучает историю, быт и нравы древних хакасов и их героическое прошлое.

Мои Учителя – профессор Л. Р. Кызласов, классный руководитель А. Н. Чебодаева, учитель истории П. И. Чебодаев,

Л. Р. КЫЗЛАСОВ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

К области общественной и просветительской деятельности Л. Р. Кызласова относится его участие в формировании музейных фондов, которые находятся в экспозициях и хранилищах многих местных и центральных музеев России, Казахстана, Кыргызстана и многих других стран. Я уже писал, что к памятникам древности он прикоснулся ещё в юношеские годы благодаря участию в археологических раскопках Минусинского музея. Поэтому трепетное и уважительное отношение к краеведческим музеям у него сформировалось ещё задолго до большой науки. В студенческие годы в Томске он научился у бывшего директора Херсонского музея, археолога, профессора К. Э. Гриневича организации музейной работы, а позже в Москве с большим интересом и увлечённо принимал участие под руководством А. В. Арциховского в создании специального учебно-методического музея при кафедре археологии исторического факультета Московского государственного университета. В настоящее время, по рассказам заведующего кафедрой археологии исторического факультета МГУ доктора исторических наук, профессора А. Р. Канторовича, музей органически вплетён в ткань учебного процесса.

История формирования Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова неразрывно связана с историческим и археологическим наследием учёного, замечает в своих публикациях главный хранитель фондов И. И. Таштандинов. В музее сосредоточена большая коллекция археологических предметов. Формирование большей части их прямым или косвенным образом связано с именем Л. Р. Кызласова. Например, знаменитая так называемая «коллекция древних изваяний А. Н. Липского» сформирована благодаря тому, что местонахождение этих памятников в «поле» указывал Л. Р. Кызласов. Он же консультировал сотрудников музея и об их ценности для науки и общества.

В фондах «Археологии» музея находятся на постоянном хранении предметы, поступавшие после исследования Леонидом Романовичем таштыкского склепа на Сырском чаа тасе в 1950 г. Всего в музее под № 275–282 хранится 257 предметов. Это прежде всего уникальные гипсовые маски и деревянные ритуальные изделия. В настоящее время

после длительной реставрации в музее выставлены знаменитые деревянные статуэтки одомашненных северных оленей, которые, ещё оказалось, были покрыты красным лаком. Сейчас многие музеи мира хотят видеть их у себя в рамках программы истории оленеводства. Материалы данного склепа послужили основанием для выделения хронологического этапа таштыкской культуры.

В результате дальнейшей работы в фонды музея поступила коллекция под № 418, где хранится 68 предметов с раскопок в 1958 г. комплекса Хара-Хая. Этот памятник является единственным с сохранившимися предметами из органических материалов и наиболее полно даёт представление о погребальном обряде древних хакасов.

Благодаря Л. Р. Кызласову в Хакасии, в нашем музее, появились материалы государства XV–XVII вв. под № 419 из 11 предметов, подаренные в 1959 г. археологическим музеем кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. До настоящего времени предметы этого периода являются редкими и исключительными.

При содействии Л. Р. Кызласова в фондах Хакасского музея оказались находки с раскопок Салбыкского кургана и дворца гуннского наместника Ли Лина. Эти материалы были предоставлены учителем и научным руководителем Л. Р. Кызласова – С. В. Киселёвым. Эти экспозиции получили широкий научный резонанс и публичную известность как в Хакасии, так и во всём мире.

Традиции сотрудничества с Хакасией продолжены учениками Л. Р. Кызласова. Так, благодаря научной работе доктора исторических наук И. Л. Кызласова новые открытые енисейские рунические надписи сейчас хранятся в музее. Им же привезены и сданы на хранение редкие стелы с надписями и изваяния.

Значение этих коллекций, поступивших в разное время, велико и не поддаётся оценке. На базе этих материалов созданы экспозиции, посвящённые таштыкской культуре и эпохе Древнехакасского государства. Данные материалы позволяют наглядно продемонстрировать высокий уровень экономического, социального и культурного развития региона. В экспозициях музея представлены также фотоматериалы с мест раскопок Л. Р. Кызласова (включая манихейские храмы), что значительно

повышает их качественное восприятие. Размещена и составленная исследователем историческая карта Древнехакасского государства.

Особая заслуга Л. Р. Кызласова, прежде всего, в научных концепциях и гипотезах, изложенных в его многочисленных академических и научно-популярных книгах. Именно эти труды являются основой для научной, экскурсионной и лекционной деятельности музея. Такой комплексный подход в музейном деле (предмет – экспозиция – экскурсия) является ярким проявлением целостности учёного и исследователя. Такая научная основа экспозиции музея позволит и в дальнейшем сохранять и развивать академические традиции, заложенные самим учёным и его учениками.

В Хакасском национальном краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова работает обновлённая экспозиция «Мемориальный зал Леонида Романовича Кызласова». В зале можно увидеть научные достижения и его многочисленные труды по средневековой истории Южной Сибири, которые оказали заметное воздействие на исследователей и получили широкое признание. Кроме этого, представлены личные вещи, документы, а также результаты археологических экспедиций на территории Хакасии. Жизнь и деятельность Л. Р. Кызласова высоко оценены, об этом говорят его многочисленные ордена и награды.

Теперь все желающие могут впервые ознакомиться с историей республиканского музея. В ноябре 1928 г., с целью всестороннего изучения природных богатств, экономики и культуры региона, Хакасский окружной исполком принял решение об учреждении в с. Усть-Абаканском краеведческого общества. Первое заседание членов общества краеведов состоялось 17 декабря 1928 г. Правление составляли пять человек: Г.П. Бытогов – председатель, Г.К. Макаров, К.К. Самрин – члены правления, Ф.И. Боровков – казначей, В.А. Рюмин – секретарь. В феврале 1929 г. именно благодаря деятельности краеведов при обществе был открыт музей на общественных началах. В современной экспозиции отражена история музея, начиная с первого директора – Владимира Афанасьевича Рюмина и заканчивая современным этапом развития этого учреждения.

Особые отношения у Леонида Романовича сложились в сотрудничестве с Минусинским краеведческим музеем им. Н. М. Мартынова. Научные связи начались задолго до того, как его имя стало

легендой для научной общественности, в том числе археологической науки. Л. Р. Кызласов неоднократно посещал Минусинский музей. Он много раз встречался и дружил с директором музея В. А. Ковалёвым, сотрудниками музея. В 1977 г. Л. Р. Кызласов принимал активное участие на 100-летнем юбилее музея, а в 1981 г. принимал участие в открытии галереи каменных изваяний.

Л. Р. Кызласов осуществлял совместно с Минусинским музеем научные издательские проекты. Одной из таких работ стала изданная в 1980 г. книга Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева «Народные рисунки хакасов».

Двор Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова.

Слева направо: канд. искусствоведения И. К. Кидиекова, профессор Л. Р. Кызласов, супруга Л. Р. Кызласова – А. В. Кызласова, И. Л. Кызласова, А. С. Асочаков, В. Пивкин, И. Л. Кызласов. 1975 г.

Во время посещения Минусинского музея Леонид Романович неоднократно передавал свои работы в научную библиотеку музея. В настоящее время их насчитывается более 30 изданий, также им было передано более 20 оттисков и статей из журналов. В собрание музея поступали от него и отдельные экспонаты...

Последняя встреча произошла в 2005 г. в рамках Международной археологической конференции, посвящённой 100-летию С. В. Киселёва. Тогда Л. Р. Кызласов говорил, что «Мартьяновский музей мы, археологи, ставим выше многих столичных, не только российских, но и зарубежных... Музей разноплановый. Местным жителям очень повезло. Минусинск всегда производил на меня волнующее впечатление как город из далёкого и милого детства, хотя с ним связана была и работа в зрелые годы: мимо Минусинска и музея не проезжала ни одна московская или иная экспедиция».

В дни празднования 100-летнего юбилея Л. Р. Кызласова поступило много приветственных адресов. Позволю себе привести отдельные выдержки из некоторых приветствий.

В своём приветствии директор Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва, доктор филологических наук К. А. Бичелдей (Кызыл) отмечает, что «вклад Леонида Романовича Кызласова в историческую, археологическую и этнографическую науки Тувы и Хакасии бесценен. Благодаря его исследованиям была реконструирована древняя и средневековая история народов, населявших территорию Южной Сибири. Результаты многолетних изысканий легли в основу многочисленных научных трудов, а его монографии «Древняя Тува» и «История Тувы в средние века» являются настольными книгами для молодого поколения историков, археологов и этнографов нашей республики...

Отметим, что высокое положение в науке было достигнуто неустанным, энергичным и целеустремлённым творческим трудом всей его долгой и нелёгкой жизни, и это достойно подлинного уважения. Имя и труды Леонида Романовича Кызласова живут и будут жить в памяти благодарных потомков».

Директор Государственного Эрмитажа академик Российской академии наук, академик Российской академии художеств М. Б. Пиотровский

(Санкт-Петербург) пишет: «Горячо приветствуем открытие памятника известному отечественному археологу Леониду Романовичу Кызласову. Он был одним из крупнейших специалистов по истории Сибири, Средней и Центральной Азии. За долгую жизнь в науке он руководил несколькими экспедициями, открыл множество археологических памятников, был автором многочисленных трудов, основателем новых направлений и методов в междисциплинарных исследованиях.

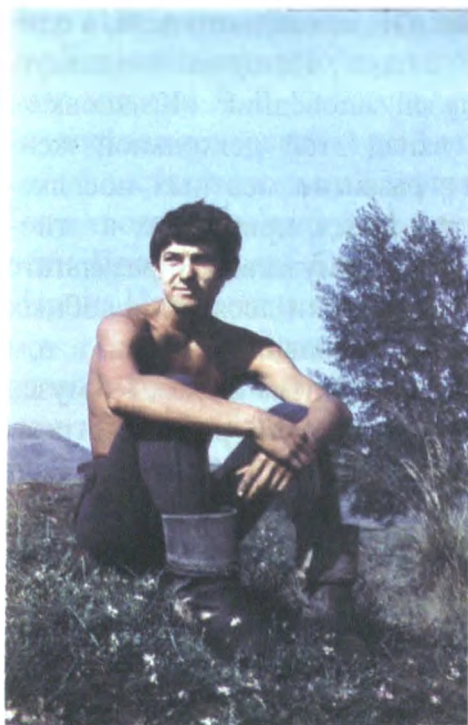
Сегодня каждый археолог знает имя Л. Р. Кызласова, им по праву гордится Хакасия».

Генеральный директор Государственного исторического музея А. К. Левыкин (Москва) считает, что «в истории любой науки существуют такие имена, которые продолжают сиять на небосклоне общественной жизни как самые яркие звёзды. Для российской археологической науки такой звездой, несомненно, является Леонид Романович Кызласов. Он более 60 лет разрабатывал и читал важнейшие курсы по археологии Сибири и Центральной Азии с древнейших времён до позднего Средневековья...

Материалы археологических экспедиций, возглавляемых Л. Р. Кызласовым, дополнили коллекции ведущих музеев страны, в том числе и Государственного исторического музея, обогатив содержание культурной и научно-просветительской работы...

Роль, которую Леонид Романович сыграл в повышении интеллектуального и культурного уровня российского общества, в популяризации исторического знания, невозможно недооценить...»

Хочу привести пример и обратить внимание будущих исследователей на то, что Л. Р. Кызласов стал инициатором очень интересного и перспективного, как сказали бы сегодня, проекта. В августе 1972 г., после больших работ на средневековом храме на ст. Ербинская, им была организована экспедиционная разведка с одновременным проведением небольших раскопок. Так, в аале Онхаков Аскизского района, на месте, где стояла знаменитая каменная бабушка Хуртуях тас, под руководством Леонида Романовича мы, несколько человек, провели раскопки. Он точно зафиксировал материалы и координаты памятника. Со своим сыном Игорем и мною он поделился своими мыслями... В том числе он сказал

*А. С. Асочаков на раскопках
Хуртуях тас. 1972 г.*

буквально: «...парни, запомните, пройдут годы... народ будет просить вернуть «бабушку» на место...» Прошли годы, и в начале нулевых среди хакасов началось движение с требованием вернуть «бабушку» на место. В то время я жил и работал за пределами Хакасии, но всегда был в курсе основных событий.

Вот тогда-то я рассказал своему дяде, Григорию Ильичу Майнагашеву, и своему младшему брату Виссариону Серафимовичу Асочакову – людям равнодушным и весьма деятельным и конкретным – как и где можно узнать точные координаты того места, где стояло изваяние. Они организовали и, таким образом, выполнили решение Совета старейшин хакасского народа, вернули на своё историческое место каменную бабушку. В настоящее время

это известный музейный комплекс «Хуртуях тас». Однако этого комплекса не было бы, если бы тогда директор Хакасского краеведческого музея Людмила Петровна Мылтыгашева, будучи профессиональным музееведом, не придумала совершенно новой формы музейного учреждения – «музей одного экспоната». Ведь из фондов государственного музея ничто не могло быть извлечено попросту, надо было официально передать в иной музей. Она же провела и конкурс на создание самого музея Улуг Хуртуях тас, окружив древнюю скульптуру стеклянной юртой, зрительно оставляющей её в естественном окружении родной степи.

Но это было только начало истории! На основе этого произошедшего факта директор Хакасского краеведческого музея, по образованию профессиональный музейный работник Л. П. Мылтыгашева вместе с коллегами А. И. Готлибом и Л. В. Ерёминым создала концепцию соединения

*Людмила Петровна Мылтыгашева
(17.10.1949–05.04.2009).*

Гора Оглахты.

Фото И. Л. Кызласова, 2000 г.

музейного и заповедного дела, в одиночку создав Историко-ландшафтный музей-заповедник «Казановка». Велик вклад этой деятельной женщины в развитие местных поселковых и районных, природных и этнографических музеев. В результате сегодня в Хакасии десятки подобных больших и небольших музеев, в том числе под открытым небом, от музея одного памятника до реально огромных комплексов. Это Большой Салбыкский курган, Оглахты, Барсучий Лог, Сундуки, Тропа предков, Казановка, Усть-Сос, Арбаты, Сулекская и Боярские писаницы и многие другие. Такого историко-археологическо-

го богатства практически нет ни в одном регионе России.

Во всех начинаниях Л. П. Мылтыгашева встречала поддержку археологов. Не раз археологические обоснования проектов для неё готовил и Л. Р. Кызласов. Мысли или идеи, высказанные большим учёным, как показало время, могут материализоваться, и если не сразу, то через многие года или даже десятилетия.

Любой музей славен, прежде всего, своей коллекцией и фондами. Л. Р. Кызласов не только сам активно пополнял фонды Хакасского краеведческого, теперь уже национального музея, но и вообще способствовал широкому развитию музейного дела на родине.

Много лет Л. Р. Кызласов дружил и сотрудничал со скульптором, коллекционером и меценатом Ириной Николаевной Карачаковой-Кариной. Он прекрасно знал её судьбу и историю древнего аристократического рода Картиных – «кыргызы». По его меткому замечанию, «она была последней хакасской принцессой».

По воле судьбы Ирина Николаевна много лет не приезжала в Хакасию, которую она страстно и трепетно любила. Мало кто знает, что именно Л. Р. Кызласов в 1956 г. уговорил её приехать в Хакасию в составе археологической экспедиции. Здесь она активно включилась в общественную и культурную жизнь своей малой родины. Участвовала в творческом конкурсе, посвящённом присоединению Хакасии к России. Прошли годы. Свою уникальную коллекцию памятников искусства Ирина Николаевна передала народу Хакасии.

Художник-новатор из Хакасского краеведческого музея В. Ф. Капелько создал свою уникальную систему копирования древних памятников изобразительного искусства.

В настоящее время коллекции Л. Р. Кызласова, И. Н. Карачаковой-Картиной, А. Н. Липского и В. Ф. Капелько являются «бриллиантами», главными экспонатами нашего прекрасного Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова.

Леонид Кызласов, скульптор Ирина Карачакова-Картина, Хакасия. 1956 г.

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО ДОЧЕРИ

Ирина Леонидовна Кызласова

В марте 2024 г., в дни празднования 100-летнего юбилея Л. Р. Кызласова, его дочь Ирина Леонидовна Кызласова опубликовала пронзительное автобиографическое эссе. Она словно с птичьего полёта осветила самые запомнившиеся страницы жизни отца, приводя по мере продвижения по времени свои дорогие для нас воспоминания о нём.

Сначала несколько слов о самой Ирине Леонидовне Кызласовой.

Она родилась 28 августа 1951 г. в Москве. В 1974 г. с отличием окончила исторический факультет МГУ по кафедре русского и советского искусства, в 1977 г. — аспирантуру под руководством профессора М. А. Ильина. В 1978–2008 гг. работала в Государственном историческом музее научным сотрудником и хранителем в отделах изобразительных материалов, древнерусской живописи и научно-методическом. В 2006–2011 гг. читала курс «История искусства» в Московском государственном горном университете. В 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию «История изучения византийского и древнерусского искусства в России», а в 1999 г. — докторскую диссертацию «История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 гг.».

Она впервые ввела в научный оборот многие архивные материалы, посвящённые проблемам византийского и древнерусского художественного наследия. Автор более 200 научных трудов по истории искусства и отечественной науки, в том числе монографий, альбомов, каталогов икон, научных статей, учебных пособий. Работы Ирины Леонидовны опубликованы на русском, английском, немецком, французском, итальянском, греческом, венгерском и японском языках.

Ну, а теперь — слово ей, дочери Л. Р. Кызласова...

Яркий образ Леонида Романовича Кызласова, набросанный широкими мазками, впервые появился в известном на всю страну журнале «Юность» в 1963 г. Автор очерка «На сибирских дорогах»²⁶ — юная поэтесса Белла Ахмадулина. Она оказалась в Хакасии во время непродолжительной поездки в поисках впечатлений о неведомой ей прежде своеобразной земле и несколько дней колесила на машине, пытаясь догнать, как она писала, «однорукого профессора», знатока истории и археологии.

Когда казалось, что цель уже близка, в очередном аале ей сообщали, что да, действительно, их земляк археолог ещё вчера был совсем рядом на курганах, но успел умчаться. Он стремительно перемещался, следуя по одному ему известному маршруту. В каждой экспедиции Леонид Романович не только проводил раскопки, но и отводил время на разведку. Именно тогда намечались объекты на следующий полевой сезон, уточнялась сохранность и некоторые особенности курганов, изваяний, наскальных рисунков и прочего. Особым профессиональным взглядом смотрел он на родную хакасскую землю, столь изобильно покрытую, как бы переполненную, следами жизни древних народов.

Сам отец всегда очень любил поэзию в целом и творчество Ахмадулиной в том числе. Для нас, членов семьи, было приятно, что Белла Ахмадулина интуитивно поняла и талантливо рассказала о столь характерной для Леонида Романовича черте, которую другие, близко знавшие его люди называли «танковой стремительностью».

Эта стремительность в познании ранее малоизвестного, а то и совсем неведомого и страстное желание достигнуть поставленных сверхзадач прошли через всю его жизнь. Истоками подобного стиля жизни были и особая одарённость, и исключительная преданность профессии.

Отец не раз говорил, что интерес к истории и культуре проснулся у него в раннем возрасте. И пробудили этот интерес его замечательные родители, Христина Витольдовна и Роман Афанасьевич, которые сами

²⁶ Ахмадулина Б. На сибирских дорогах: повесть // Юность. 1962. № 12. С. 30–42.

были величайшими энтузиастами познания и устройства нового. Даже трудно сказать, когда они не учились. Оба, каждый по-своему, преодолели колоссальные трудности для того, чтобы стать незаурядными интеллектуалами и с большим достоинством пройти свой, увы, слишком короткий жизненный путь – он составил у дедушки 42 года (до ареста в ноябре 1937 г. и расстрела в 1938 г.), а у бабушки – 39 лет до кончины в начале 1942 г.

Выдающейся энергией и волей был наделён Роман Афанасьевич, сирота, сам выучивший русскую грамоту, читая вывески в Минусинске. Хотелось бы сейчас представить себе эти ставшие легендарными в нашей семье вывески. Наверное, он мог прочитать: «Чайная», «Сапожник», «Баня», «Колониальная торговля»... Но, несомненно, знал он и надпись на одном из зданий: «Музей».

Местный аптекарь и страстный любитель старины Н. М. Мартянов создал это феноменальное для Сибири учреждение задолго до рождения моего деда. Несомненно, что юный Роман бывал там не раз. Ведь служить конюхом он мог и в любом другом месте, но специально выбрал Минусинск – город, где повсеместно слышалась русская речь и где можно было приобщиться к русской культуре.

Христина Витольдовна, имевшая польско-хакасские корни и рано получившая прекрасное образование (прогимназия в г. Красноярске), с детства говорила на русском, польском, хакасском языках и была прирождённым педагогом. Она унаследовала от своего отца Витольда Домениковича Гурницкого (сына ссыльного польского дворянина) абсолютный литературно-поэтический слух и всегда, когда была хоть какая-то возможность, читала стихи своим ученикам, студентам и, разумеется, собственным детям.

В 1929 г., когда появилась возможность поехать на учёбу в Ленинград, Роман Афанасьевич поступил так же, как в ранней юности, – выбрал восхождение на новую ступень. Это было непростым решением, ведь в семье было уже двое маленьких детей – Лёня и Клара. Но, пожалуй, ещё более тяжёлым стал выбор его супруги, которая через год, забрав детей, отправилась туда же, чтобы учиться в одном из выдающихся

педагогических институтов страны и дать всей семье шанс вдохнуть ни с чем не сравнимый воздух культуры прежней российской столицы.

В Ленинграде и его окрестностях приметы новой эпохи и обломки рухнувшей империи уживались самым причудливым образом. Например, семья Кызласовых, ожидая своего «угла», несколько дней провела в общежитии, устроенном в одном из блестящих великокняжеских дворцов. На улицах и в парках мелькали фигурки беспризорников, но одновременно продолжали доживать свой век и «бывшие люди», которые сильно потрясли Лёню. Он присматривался к их облику и прислушивался к их речам.

Родительский подвиг был велик: несмотря на учёбу и службу, на стояние в очередях за скудным хлебом насущным, едва ли не каждый выходной день семьи проходил в осмотре уникального города и не менее уникальных окружавших его пригородных дворцовых ансамблей, в походах в музеи и театры. То была именно осмысленная программа, система, которая должна была со временем дать результат. Роман Афанасьевич сознательно направлял интересы сына (хотя тот был ещё мал), подарив ему тетрадь для ведения личного дневника (который по совету отца должен был включать, кроме прочего, и записи о прочитанной книге), а главное – постоянно подбирал для сына новые книги. Одна из них произвела на Лёню незабываемое впечатление (вот что значит точно угадать момент!). Это была небольшая, прекрасно написанная и переведённая повесть, созданная фантазией французского писателя Э. Д'Эрвильи, «Приключения доисторического мальчика» (мы с братом тоже в своё время получили эту книжку).

Леонид Романович трепетно дорожил своими воспоминаниями о жизни семьи в Детском (бывшем Царском) Селе. Сначала – в крохотной комнатке скромнейшего двухэтажного деревянного домика, стоявшего в дивном парке, совсем близко от главного дворца (тот был даже виден в конце аллеи), а позднее – в одном из «пенальчиков» в коммунальной квартире в Ленинграде. «Пенальчик» – это комнатка с небольшим окном, выходившим во двор (яркий свет проникал туда только

по утрам), бывшая «барская» ванная. Но убогое жилище это тоже находилось в особом месте – на Невском проспекте.

Спустя годы папа приводил меня туда – мы постояли у закрытых дверей квартиры в доме № 96... Исторический колорит всего, что окружало семью Кызласовых, был ярок неподражаемо: он наложил неизгладимую печать на личность Леонида. Он не раз говорил, что стал историком во многом именно потому, что провёл часть своего детства «Там» (пишу с большой буквы), т. е. в Ленинграде. При этом мечтательная улыбка непременно освещала его лицо. Да и позднее поездка в город на Неве была всегда праздником – возил ли он туда на музейную практику своих студентов или выступал с докладами на конференциях.

Родители были не просто «коллекционерами знаний», они принадлежали к числу тех, кто истово стремился передать их другим.

Роман Афанасьевич в разные годы в хакасских аалах открывал школы, библиотеки и самодеятельные театры. Писал для газет стихи и публицистику. Сделал незаурядную, даже дерзкую попытку создать словарь, разработав для этого хакасскую азбуку. Был он истинным просветителем. И кооперативным движением занялся с тем только, чтобы поднять общий уровень жизни родного народа, спасти от вымирания, вывести его из круга старинных традиционных знаний о мире, которые в немалой степени ограничивали сознание человека.

Христина Витольдовна в последние годы жизни преподавала в педучилище Абакана. По отзывам её бывших студенток (ограничусь лишь именем языковеда Дарьи Фёдоровны Патачаковой), их педагог была высоким профессионалом. Её вспоминали спустя много-много лет. Это очень трогательно. Но до глубины души поразило меня то, что даже в «злые годы», когда муж был арестован, а трое детей (младший Евгений совсем малыш) требовали огромного внимания, Христина Витольдовна написала в одном из документов, что хочет поступить в аспирантуру...

Необходимо хотя бы кратко упомянуть о том особом, просто неоценимом вкладе, который внесли в жизнь и формирование личности отца его дед и бабушка Гурницкие – Витольд Доменикович (каменотёс и писатель-самоучка, принятый в Союз писателей) и Евдокия Николаевна

(урождённая Тиникова – дочь хакаса-егеря и украинки, ставшая матерью семерых детей и бабушкой пятнадцати внуков). В молодые годы они жили на одном из золотых приисков. Гурницкие создали большую и на редкость дружную семью, в которой высшее образование для детей и внуков считалось крайне желательным. Витольд Доменикович и Евдокия Николаевна всячески пестовали и развивали всех своих внуков, а троих из них – Лёню, Клару и Женю, детей старшей дочери Христины, – просто спасли, когда был арестован их отец, а мать выгнали с работы и выселили в комнатку домика на окраине Абакана. «Старики» сделали всё, чтобы сироты, оставшиеся и без старшего, ушедшего на фронт брата, пережили войну и голодные послевоенные годы и, конечно же, получили достойное образование (последнее слово в нашем рассказе приходится повторять вновь и вновь). Для Леонида Романовича они навсегда стали образцом духовной чистоты, нестигаемости и высокой самоотверженности. Воспоминания о дедушке Вите и бабушке Дуне являются из числа самых душевных, которые поддерживали отца в самые тяжёлые дни.

Стоит ли удивляться, что жажда знаний у отца не знала границ, и одна из фраз, которая произносилась с особой выразительностью и которую я не раз слышала из его уст, звучала так: «Я всегда хотел знать, что там, за горизонтом». Для тех, кто имел счастье колесить вместе с ним по горам и долам на экспедиционной машине, это была вовсе не метафора, а быль. Быль, пропахшая тончайшими ароматами степных трав и дымком костра.

Какую книгу читал будущий археолог, ведя танк к Берлину? Вопрос этот покажется абсурдным любому, но только не нам с братом. Ведь дети, даже очень маленькие, постоянно изучая мир, остро воспринимают любую «особость» человека. А отец наш имел только одну кисть руки! Почему? Вот как он сам объяснял нам: «Ехал я на танке и в одном немецком городке увидел среди брошенных вещей интереснейшую книжку про Древний Египет. Картинки в ней замечательные! Подобрал я ту книжку и, чтобы легче было переворачивать страницы, снял левую перчатку. А тут и бой начался, и подбитый наш танк запылал. Выскочил я в люк, чудом спасся, да вот левая рука сгорела. И книга та сгорела,

как жаль!» Долго мы по наивности были уверены, что именно так всё и было.

Между тем отец почти всё умел делать сам. Занимался он в доме и ремонтом. Гвозди, например, забивал так: мне поручалось очень ответственное дело – держать гвоздь, сам же очень точно (никогда не ошибался!) бил молотком. Таким же способом клеили мы и старенькую немудрёную нашу мебель и прочие вещи. Семья жила довольно скудно (зарплата одна), но как-то всё же весело, несмотря на то, что мы, дети, часто болели, а мама выбивалась из сил, борясь с этим «стихийным бедствием» и пытаясь создать условия для работы отца. Бедная, она нередко вспоминала, как ценили её на работе и иногда звонили прежние коллеги, звали вернуться.

В 1962 г. у папы случился инфаркт, а через три года – второй. Сказались перегрузки в университете (огромное число лекций) и экспедициях, подготовка докторской диссертации и, конечно же, пережитые ранее чудовищные стрессы. Была и ещё одна (и какая!) причина: в 1965 г. в стране впервые (именно так) на официальном уровне отметили военный юбилей. По радио и телевизору звучали песни, стихи, показывали фильмы. Именно тогда страна узнала немало «нового». Мы ходили с папой на митинг в университете, мне кажется, плакали все: кто открыто, а кто-то с трудом держался, но, как говорят, это ещё хуже. Сердце отца оказалось расширенным – врач допытывался: «Каким видом спорта вы занимались?» Отец задумался и после паузы ответил: «Три года водил танк Т-34, выжимал рычаги».

И здесь вновь надо сказать о нашей маме. Если бы не её каждодневный подвиг, отец вряд ли бы выжил. Её любовь в точном смысле спасла его после войны – именно она окончательно вернула обгоревшего солдата к нормальной жизни (об этом он не раз говорил с глубочайшей благодарностью). Спасла она его и во время тяжких болезней.

Возвращение в жизнь и в профессию шло постепенно – этот особый душевный труд по преодолению страхов, борьбе с болью занял несколько лет. Да и прерывался ли этот труд когда-нибудь? Или лишь отступал, «ложился на дно» на какое-то время? Но Леонид Романович не был бы самим собой, если бы уже в 1966 г. не защитил докторскую

диссертацию. Коллеги-археологи и люди близких специальностей (антропологи, тюркологи, этнографы), так или иначе общавшиеся с отцом, переживали за «Романыча» во время его болезни. Защита же прошла блестяще. Мы с братом сидели на последней дальней лавочке в зале старинного особняка, принадлежавшего историческому факультету, и беспокоились только об одном – как бы отцу не стало плохо. Так привыкла жить наша семья – в постоянной готовности помочь ему.

Когда же отец рискнул вновь выехать «в поле», то рядом уже всегда была мама – в её походной сумочке теперь лежали сердечные капли и шприц для экстренного укола. Она была не медсестрой по профессии, а женщиной той породы, из которой сама жизнь лепила сестёр милосердия».

Л. Р. Кызласов с супругой Анной Владимировной, дочерью Ириной и сыном Игорем, с. Валуево. 1962 г.

Здесь (прервав рассказ дочери) от себя хочу добавить, что уже не раз в ходе повествования отмечалось, что одним из интересных этапов археологических экспедиций является так называемая разведка. Это когда после больших раскопок небольшой отряд из нескольких человек, как правило, из числа аспирантов, остаётся для проведения разведок по поиску новых памятников старины или для проведения небольших раскопок. В этот период в отряде уже нет специального повара. Всё приходится делать самим. Главным человеком в этот момент становится уважаемая всеми Анна Владимировна Кызласова – супруга шефа экспедиции. Бывал я в десятках стран мира, пробовал блюда различных кухонь, но такого жульена, приготовленного как Анной Владимировной, нигде не доводилось есть. Жульен, приготовленный на костре, из свежих набранных тобой грибов, томлённых в сливках, и с домашней, сельской курочкой – божественно для полевого человека, привыкшего к гречневой каше с тушёнкой. Мы это блюдо называли «жульен Кызласова». Правильно говорится, что за спиной каждого успешного в чём-то мужчины стоит его любимая женщина. Умной, внимательной и заботливой осталась в моей памяти эта потрясающая русская женщина.

«Мы, дети-двойняшки, родившиеся с разницей в один час (брат старший, чем очень гордился в детстве), появились на свет в конце августа, когда отец был, как всегда, в экспедиции. Две молодые насмешницы – сёстры мамы – пошли встречать сибирский поезд. Леонид Романович вышел из вагона с огромным рюкзаком за плечами, полагая, что успел вернуться незадолго до важного события. Не увидев жены, всполошился: «Где же Аня?» А в ответ услышал: «В роддоме. Поздравляем, дорогой, ты уже отец!» На вопрос, кто же родился, одна тётя радостно сказала «сын», а другая – «дочь». И эта заранее припасённая шуточка была повторена несколько раз. Отец не выдержал и, бросив на перрон рюкзак, заявил: «Не сделаю больше ни шага, пока не скажете правду». Делать нечего – девушки объявили, что теперь семья Кызласовых стала «сам четыре». Какую бурю чувств он испытал! Вместо одного малыша сразу два. Как же обустроить эту новую жизнь? Ведь мы родились

в семье аспиранта, и главным источником средств к существованию была тогда мамина зарплата (послеродовой отпуск в то время был очень краткий).

Младенцы, как известно, плачут, особенно по ночам. У Леонида Романовича не было ни малейшей возможности работать дома, и кафедры выделили ему стол в общей комнате, отгородив уголок шкафами. Милые, добродушные старшие коллеги постоянно подшучивали над ним, осведомляясь о домашних детских концертах. В этом-то «зашкапье» папой был написан не только ряд статей, но и первая диссертация «Таштыкская эпоха», которая сделала имя Леонида Кызласова весьма известным в среде «заинтересованных читателей».

Вообще обстановка на кафедре была изумительной – мне довелось впервые соприкоснуться с ней лет через шесть после появления на свет. И хотя в двух шагах находились Красная площадь, улицы Герцена (Большая Никитская) и Горького (Тверская), во дворе, заросшем деревьями, а главное, в самом здании старого университета бурлила такая жизнь, что казалось, ты попадаешь в какой-то другой мир. Здесь была редкостная концентрация колоритнейших людей, которые обладали какими-то невероятными познаниями (ты это чувствовал кожей) и при этом постоянно шутили. Но делали они это (в отличие от других) с какой-то особой непринуждённой лёгкостью, пересыпали речь невероятными «пряными» словами – как мне стало ясно потом, то была латынь, реже греческий и все живые «языцы» (некоторые кафедры окончили в своё время ещё гимназии).

На столах же сотрудников этой удивительной кафедры можно было увидеть каменные и бронзовые орудия, осколки керамики, разбитой чуть ли не во время борьбы Авеля и брата его Каина, а рядом лежала любовно расправленная берестяная новгородская грамота (иногда с трогательными рисуночками), зажатая меж двух небольших стёклышек.

Когда же у Леонида Романовича появился свой домашний кабинет, то облик его время от времени менялся. Неизменным был только любимый друг – письменный стол. То был знаковый подарок, полученный отцом от мамы на заре их семейной жизни. Долгие годы в одном из шкафов на видном месте стояла «лицом», обращённым в кабинет,

книга о Пржевальском с его замечательным фотопортретом на обложке. Отец писал как бы осенённый великим путешественником по Центральной Азии, умершим в 1888 г. в далёком Караколе. По-видимому, Леонид Романович чувствовал свою тонкую духовную связь с этим незаурядным человеком, его «присутствие» что-то напоминало, укрепляло, а может быть, вдохновляло его.

Леонид Романович писал свои труды почерком ясным, наделённым большой выразительностью, хочется сказать, своеобразной красотой. Строчки, правда, размещались очень близко друг к другу – усвоенная в детстве привычка экономить бумагу осталась при нём навсегда. Обладая прекрасной памятью (а это особый драгоценный инструмент для любого гуманитария), отец рано выработал у себя замечательное свойство писать текст почти набело. Позднее вносилась лишь небольшая правка.

Отец самозабвенно рисовал и отдельные предметы, и таблицы, без которых тексты археологов подчас немыслимы. Если вы входили в кабинет, а его хозяина не было за письменным столом, то вы смело могли идти в общую для семьи большую комнату – там, согнувшись над стеклянной поверхностью небольшого столика, неизменно сидел папа и рисовал тушью свои бесконечные «калечки». Если же и там его не было, то, значит, он в университете или в редакции. Работал отец постоянно, каждый день, и с утра до ночи.

Мама крайне редко предпринимала попытки «приспособить» мужа к хозяйственным делам или отправить его на прогулку. Но если последнее вдруг удавалось, то маршрут был почти всегда один – недалеко от дома (какая удача!) находился магазин «Академическая книга». Там-то Леонида Романовича прекрасно знали все продавцы и радовались встрече – он не только просматривал и покупал новинки, но и непременно рассказывал что-нибудь интересное. Увлечённому человеку часто кажется: то, чем он занят сейчас, и есть самое главное на свете. И все будут намного счастливее, если узнают об этом как можно скорее.

Если вы думаете, что жизнь ребёнка в семье археолога ничем не отличается от жизни обычной «оседлой» семьи, то вы ошибаетесь.

Отличается. И весьма значительно. Наши школьные приятели были детьми математиков, физиков, инженеров и представителей других профессий – жили мы в ведомственном университетском доме, и школа стояла прямо во дворе – окна её выходили на высотное здание университета. Его поблёскивавший на солнышке шпиль сиял нам в минуты радости и «невзгод» (ах, эта арифметика, а потом алгебра!). Мы с братом неплохо представляли распорядок жизни своих однокашников – их отцы обычно проводили с ними выходные дни и, главное, отпуска. Водили своих отпрысков на лыжные прогулки, удили рыбу, собирали грибы, катались на лодках. Да и мало ли что ещё мог придумать хороший отец?

Наш любимый папа исчезал в июне и появлялся в Москве лишь в сентябре, а иной раз и в октябре. В январе он непременно вёз своих студентов в Ленинград – в Эрмитаж на музейную практику. Но даже заикаться о том, что мы тоже мечтаем поехать в экспедицию или посетить город на Неве и хоть одним глазком увидеть все его легендарные чудеса, было невозможно. Почему же нельзя попросить? «Нет-нет-нет! – повторяла мама. – Даже думать не смейте! Отец ра-бо-та-ет, а вы там будете ему только мешать. И нечего плакать в подушку, вот ещё глупости. Забыли? Завтра контрольная!»

Настоящие приключения начинались, когда в конце лета иногда (не каждый год) отец приезжал на недельку побыть с семьёй. И тогда в ускоренном режиме наш маленький отряд одолевал в лесу и в поле основы ориентирования на местности, искал курганы на берегах соседней речки, изучал развалины старого барского имения и так далее, и так далее. «Неужели вы можете заблудиться?» – восклицал возмущённый отец. Или: «Как ты не видишь, что здесь раньше стоял дом, ведь только на культурном слое растут такая сочная крапива и иван-чай!»; «Чем курган отличается от природного холмика? Смотри внимательней, курган сделан человеком, и у его основания обычно можно увидеть оплывший ровик, из которого брали землю».

Но апофеоз «лесных уроков» – изучение окаменелостей. На наше счастье (ну просто нарочно не придумаешь!), сразу за деревенькой, по склону шло узенькое поле, а там уж и лес, и как войдёшь в него, так сразу можно бежать на дно оврага. Вот там-то только успевай смотреть

во все глаза себе под ноги на стремительный ручеёк, но главное, в рот отцу. Он рад-радёшенек — и как сказку рассказывает нам про трилобиты, аммониты, кусочки окаменелых хвощей...

Но заветная та неделька, наполненная общением с отцом, пролетала мгновенно. И всё длинное лето приходилось лишь писать письма в экспедицию. Мама говорила: «Написали? А я припасла незабудки. Если положить в конверт, то папа нас не забудет». Вот такие магические цветы!

Когда же мы с братом превратились в более-менее разумных подростков, нашей «святой обязанностью» стало считывание с отцом его рукописей — ты должен был читать, а отец правил набранное. Судьба машинисток, которые перепечатывали рукописи Леонида Романовича, незавидная. Тексты эти были насыщены редкостными словами, тюркскими, монгольскими, китайскими и иными топонимами, именами и причудливыми названиями археологических культур. Вот это работа! Когда же ты перевирал какое-нибудь особенно колоритное слово, то автор хохотал или строил смешную рожицу. Вообще Леонид Романович часто был открыт шуткам, излучал радость...

Вот написала это и задумалась. Скорее всего, озабоченность, тревога и боль просто вспоминаются реже? А вот то, что иной раз для отдыха папа пел тенором, — как можно это забыть? Репертуар его был невелик — вне конкуренции несколько украинских песен. Может быть, их пели в армии?

Каким бы трудоголиком ни был папа, но иной раз он выкраивал время для похода в театр, особенно во МХАТ, Большой и оперетту или консерваторию — в последние годы родители ходили туда весьма регулярно, покупая абонементы. Бывали мы во всех этих милых местах и всей семьёй. Очень радовался отец приездам в Москву хакасских артистов — всегда находил время для такого концерта.

Но главным нежно любимым отдыхом было для него чтение не только художественной прозы, но едва ли не чаще всего — поэзии. Оторвётся, бывало, от письменного стола на четверть часа и сидит в креслице с тонкой книжечкой в руке — с блаженным выражением

на лице. Тут не надо ему мешать – если захочет, то сам поделится своей радостью с домочадцами и почитает вслух. Делал он это мастерски! Трудно перечислить его любимцев. Назову, пожалуй, только Есенина и Заболоцкого, Гейне (с отрочества знал немало текстов в оригинале) и, конечно же, Пушкина. Леонид Романович прекрасно знал классическую литературу.

А из современных прозаиков, может быть, выше всех ценил Виктора Астафьева. «Ты думаешь, я люблю его потому только, что он сибиряк и мы из одного поколения, да оба фронтовики? – говорил он мне и продолжал: – Нет, не только это, а просто он великий писатель».

Конечно, на чтение новинок у отца оставалось не слишком много времени, но как только было издано собрание сочинений Бунина, то оно сразу же появилось у него в кабинете. То же произошло и с первым томом Цветаевой – эта маленькая голубая книжечка была куплена им во время экспедиции. Счастливый обладатель хвастался ею перед сотрудниками своей кафедры, те вздыхали: «Зашёл Лёня в сельпо, а там рядом с хлебом и прочим лежит «Цветаева». Как же ты купил только один экземпляр?»

Было у нас с отцом ещё одно заветное занятие, приносившее чистую радость. Время от времени, посмотрев друг другу в глаза, мы принимались (обычно в воскресный день) перевешивать картины и этюды, которые почти все помещались в одной комнате – гостиной. Это были дары друзей отца, сибирских художников Рудольфа Руйги, Александра Калинина, Тойво Ряннеля. Приезжая в Москву в разные годы, они любили собираться в доме Леонида Романовича, и стены потихоньку заполнялись сибирскими пейзажами, но главным образом видами родной Хакасии: здесь и голубые горы, и ковыльная степь, а то – вот плывёт по реке последняя льдинка... Самым любимым другом-художником был Рудик, ещё школьный близкий приятель отца. Был этот крупный милый человек благороднейшим добряком, бесконечно влюблённым в Сибирь, особенно в её природу. Хотя родился он в Бийске, но говорил с легчайшим латышским акцентом – семья прибалтийских выходцев не забывала родной язык. Прожив несколько дней в Москве и устав от большого

города, он заявлял: «Пора, пора домой». «Вот настоящий сибиряк!» – любовался им Леонид Романович.

Совершенно естественно, что в доме родителей в разные годы перебывали большинство хакасских родственников, которые имели хоть какую-то возможность добраться до Москвы. Иногда такая поездка совершалась один-единственный раз и потому навсегда оставалась в памяти. В то же время некоторые сибиряки-родственники заходили или останавливались у нас регулярно, приезжая на стажировки или просто в свободное время (часто проездом в отпуск на юг). Но об этом, пожалуй, вспоминать здесь не будем – написать обо всех невозможно. Отдельной статьи требуют и учёные, изучавшие Сибирь, которые приезжали пообщаться с Леонидом Романовичем и бывали его гостями.

Среди тех хакасов, кто долго жил или бывал в Москве и в разные годы несчётное число раз бывал в нашем доме, ограничусь только двумя. Первое имя – Василий Ильич Кирбижеков. Кинооператор-постановщик художественных фильмов (самый знаменитый из них, пожалуй, «Угрюм-река»). Он, окончивший абаканскую школу в 1951 г., учился в Институте кинематографии до 1957 г. Этот талантливый и пригожий человек, приезжая из Свердловска или Одессы, где он работал на киностудиях, любил вспоминать о своём удивительном вхождении в профессию. Когда выпускники школы получали распределение в вузы, Вася задремал, и когда был разбужен, то осталась только одна путёвка – её не взял никто, потому что там значилось загадочное слово «кинооператор». Деньги на билет до Москвы в аале собрали вскладчину. И уже в поезде за несколько дней пути он освоил фотоаппарат попутчика, прежде им не виданный. Даже самые ранние фотоснимки юноши обнаруживали несомненное дарование.

Попад в столицу, Вася (он был дальним родственником папы) вскоре появился у родителей, и те сразу поняли, что ему крайне трудно вписаться в новую обстановку без постоянной помощи. И она оказывалась, особенно в первые годы его учёбы. Спустя много лет Вася хохотал: «Вы помните, как я звонил вам, дорогой Леонид Романович, когда терялся в Москве?» И действительно, все помнили их уговор. Юноша звонил и пытался описать место, где он находился. Но это было непросто. «Может быть, ты видишь какую-то вывеску?» И ответ: «Да,

«Мороженое»! Эта надпись, составленная из гигантских букв, установленных на крыше многоэтажного дома, спасла положение – другой такой в центре города, кажется, не было.

Михаил Еремеевич Кильчичаков, увы, не написал об отце специального очерка. Возможно, главная причина тому – слишком близкое постоянное общение, которое, несомненно, доставляло совершенно необходимое обоим глубинное удовлетворение, радость и, как мне представляется теперь, вдохновение».

В этом месте я на время прерву воспоминания дочери Леонида Романовича и добавлю несколько слов от себя. В конце августа 1972 г. я был свидетелем разговора М. Е. Кильчичакова и Л. Р. Кызласова. Михаил Еремеевич говорил, только в присущей ему манере, медленно и с сильным акцентом: «Дорогой мой Леонид Романович, а ты знаешь, что моё стихотворение «Клятва» – это про нас с тобой...» Речь идёт об известном стихотворении, по-хакасски оно звучит как «İki кинек», в переводе же П. Мухина на русский – «Клятва». С тех пор прошло уже больше полстолетия, и я теперь сполна понимаю глубокий смысл их беседы и душевных переживаний. Итак...

Клятва

Я вижу снова вихри непогод.
Земля изрыта язвами воронок.
Исходит кровью сорок первый год,
Как раненный волками жеребёнок.
Я был тогда безусым...
Но успел я
Сквозь дым атак пройти уже не раз;
Когда под Ржевом смерть в глаза смотрела,
Случайный дуб меня от смерти спас.
Широкой грудью принял он гранату,
Врагами предназначенную мне.
Война звала...

И я ушёл,
В огне
Обняв калеку, как солдат – солдата.
И я сказал:
– Я всё снесу в борьбе,
Но о тебе вовек не позабуду.
Когда-нибудь я людям о тебе
Слагать стихи в своём улусе буду...
И с берегов степного Абакана
Я возвращусь узнать, каков ты стал,
Цветёшь ли вновь, болит ли твоя рана? –
И нынче летом клятву я сдержал.
И вот стоим мы в дальней стороне.
Вновь старый дуб чего-то шепчет мне.
И вот стоим мы рядом – два калеки...
Нет, не случайно вспомнилась война.
Она в огне сдружила
И навеки
Нам руки покалечила она...
Что ж, боль проходит, раны заживают,
Но не забыть былого, не простить!
И если буря дерево ломает,
То остаются корни, чтобы жить.
А где гуляли пули да метели,
Растут теперь зелёные дубки...
Я вижу сына в детской колыбели
И помню боль простреленной руки...
Нет, не хотим мы, чтобы наши дети
Шли вновь сквозь кровь, и пламя, и металл.
Нет, не допустим мы, чтоб нивы эти,
Края мои чужой солдат топтал!

Стихотворение лучше всего подтверждает, что между учёным и поэтом была настоящая дружба фронтовиков и настоящих мужчин.

И. Л. Кызласова считает, что их отношения были сотканы, как старинный восточный ковёр, они относились друг к другу скорее как братья – мудрость не позволяла им обсуждать те темы, которые могли их отдалить.

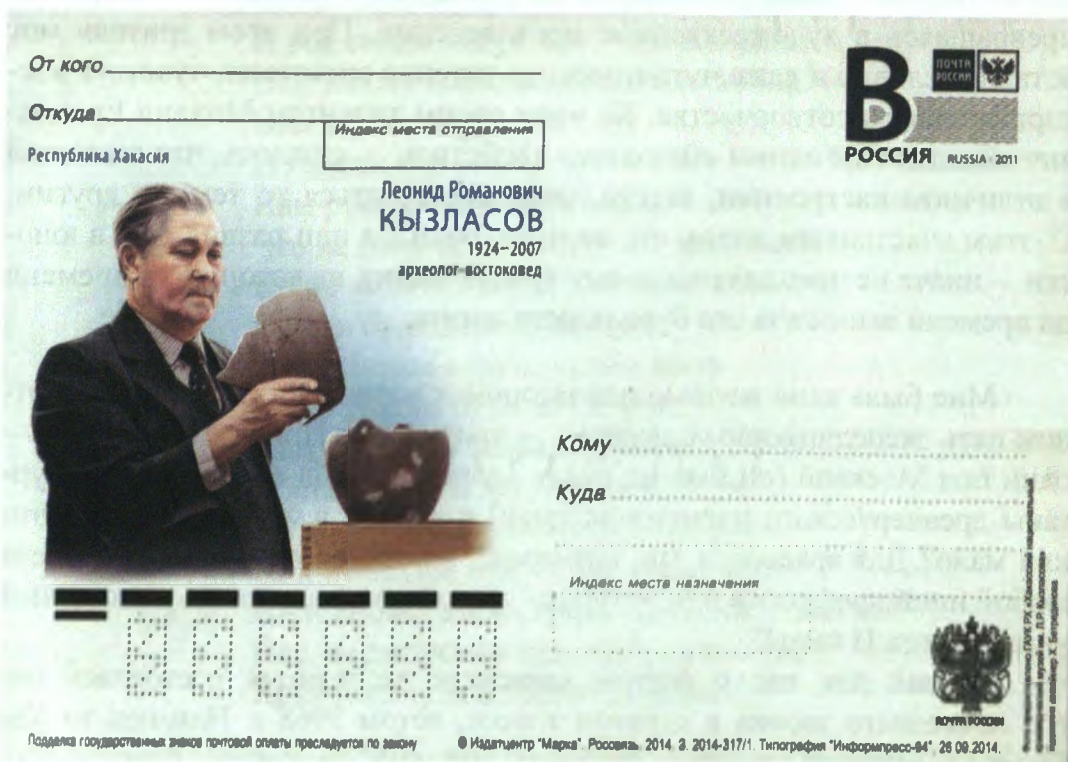
«Михаил Еремеевич был любимцем нашей семьи и родственников моей мамы, которые норовили «совпасть» с Кильчичаковым в нашем доме и часами смотрели в рот столь яркому, одарённому гостю. У всех тогда мгновенно возникало чувство удивительного праздника – подарка судьбы! И действительно, всякий раз начинался талантливейший спектакль-импровизация, в котором режиссёр был неотделим от артиста. Михаил Еремеевич с неподражаемыми интонациями говорил едва ли не афоризмами, вплетал в речь стихи и фольклорные образы. Речь его сопровождалась не просто выразительнейшими жестами, но иной раз и танцем! Действительность на глазах обретала иное измерение, превращаясь в художественное произведение. При этом зритель мог вставить словцо и даже чуть изменить течение спектакля, чувствуя восторг от своего сотворчества. Ко всем своим талантам Михаил Еремеевич обладал ещё одним «базовым» свойством – казалось, что он всегда в отличном настроении, всегда готов восторгаться то тем, то другим. С этим счастливым даром он, видимо, родился или развил ещё в юности – иначе не преодолеть бы ему ту стремнину, на которую от времени до времени выносила его бурная река жизни.

Мне была дана жизнью неповторимая возможность провести с отцом пять экспедиционных сезонов, – продолжает Ирина Леонидовна, – один под Москвой (он был не очень здоров и копал со студентами курганы древнерусского племени вятичей) и четыре в Хакасии. Много это или мало? Для археолога это, возможно, не так много. Но для человека любой иной профессии или историка другой специальности – это целый университет. И какой!

Первая для нас с братом хакасская экспедиция состоялась после последнего звонка в девятом классе, летом 1968 г. Наконец-то Хакасия, о которой раньше слышали столько рассказов, трагических и весёлых, поэтически возвышенных и будничных, предстала наяву.

И она превзошла все ожидания! Впечатления от природы, от людей, от завораживающих древностей были просто оглушительными. Воистину Хакасия – страна, где каждый день оказался насыщенным неведомой прежде полнотой бытия, какой-то особенной радостью жизни, пьянящим чувством свободы и пронзительным чувством истории.

По-новому стал приоткрываться и внутренний мир отца. Именно здесь, среди гор, похожих на окаменевшие волны древнего океана, и рек, то несущихся с пугающей скоростью, то так похожих на бескрайнее море, Леонид Романович был на своём месте. Его теснейшее родство с этой древней землёй чувствовалось и в том, как он смотрел на неё, как радостно общался с земляками, с каким азартом исследовал многообразие археологических памятников.

Почтовый конверт с изображением Леонида Романовича Кызласова

Однажды вечером вдвоём мы вышли из лагеря на небольшую прогулку в степь. Дорога привела к курганам. Присели у подножия одного из них. Отец, прикрыв глаза, о чём-то думал, грустил. Как стало понятно из его слов, он остро переживал: то, что он знает об этой земле, может быть, не знает уже никто. Он глубоко страдал за свой народ, мечтал о лучшей для него доле. Мечтал, что то, чему он посвятил свою жизнь, – создание истории Хакасии – принесёт реальные плоды, войдёт постепенно в самосознание людей, что это знание наполнит их жизнь особой глубиной, а может быть, высокой радостью.

Было бы глубоко неверно полагать, что Леонид Романович думал только о хакасах. Обладая феноменальной эрудицией и глубоким историческим мышлением, он прекрасно понимал, какие мощные смещения этносов и народностей происходили в древности, что идут они и ныне. Конечно же, думал он обо всех, кому довелось жить на его родине, – это прекрасно чувствовали те, кто читал его статьи в газетах, слушал его выступления по радио и телевидению, в сельских клубах или прямо на раскопках.

Завершу свои краткие записки одной дорогой для меня зарисовкой. Лето 1970 г. После проведения основных раскопок (студенты Московского университета уже отправлены домой) наш небольшой отряд двигался по маршруту, цель которого – разведка. Это «золотые дни» всего сезона. За неделю можно увидеть столько чудес, сколько даже не представить себе, находясь на стационарных раскопках. Как замечательно, что есть такая прекрасная потребность у археологов! Бег грузовика остановился. Небольшой аал. Около крайнего дома на лавочке сидел хакас средних лет. Навстречу нам уже издали сияла его улыбка – тот узнал Леонида Романовича, потому что на днях в газете вышла статья о нём и об итогах его полевых работ, рядом с текстом поместили и фотографию. Отец вскоре тоже начал улыбаться – впереди полчаса отдыха и полезное общение: ведь он был намерен расспросить этого приветливого человека о том, что тот знает о происхождении хакасского народа. Интересно услышать ещё одно устное предание! Но рассказ «информатора» поверг отца в изумление – тот содержал множество

очень верных сведений. Взволнованный Леонид Романович спросил: «Откуда вы всё это знаете?» Ответ был прост: «Из ваших работ»²⁷.

Прекрасное эссе Ирины Леонидовны об отце проникнуто большой любовью и уважением к родному человеку...

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ

24 марта 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из величайших учёных Хакасии и России – Леонида Романовича Кызласова.

Юбилейной дате в Хакасии было посвящено расширенное заседание Республиканского Совета старейшин родов хакасского народа «Леонид Романович Кызласов – выдающийся сын хакасского народа».

Но обо всём – по порядку...

Глава администрации Абакана Алексей Лёмин, в преддверии юбилейных торжеств, встретился с сыном Р. А. Кызласова – Игорем Леонидовичем Кызласовым, его супругой Людмилой Владимировной Костяковой и авторами памятника, посвящённого Л. Р. Кызласову, – членами Российского военно-исторического общества – скульптором Алексеем Чебаненко (Студия военных художников имени М. Б. Грекова Минобороны РФ) и архитектором Андреем Белым.

Не лишне заметить, что каждый год в мартовские дни вот уже в двенадцатый раз абаканская школа № 1 становится замечательным местом встречи школьников и педагогов, увлечённых научной деятельностью и готовых делиться результатами своего интеллектуального труда.

Об этом говорила в своём выступлении директор школы, заслуженный учитель РФ Людмила Огурцова: «За 95-летнюю историю школы много славных людей обучалось в этих стенах. Среди выпускников: 1941 г. – Леонид Романович Кызласов и почётный гражданин Абакана Ираида Андреевна Барашкова; выпускник 1942 г. – учёный-краевед, кандидат исторических наук Алексей Николаевич Гладышевский; выпуск 1943 г. – почётный гражданин Абакана врач Клара Романовна Кызласова;

²⁷ Кызласова И. Жизнь и судьба: Пульсировала бесконечность в груди, в запястье и виске. К 100-летию Л. Р. Кызласова // Хакасия. №№ 26, 28, 31 от 7, 14, 21 марта 2024 г.

выпускник 1953 г. – советский кинооператор, снявший фильм «Калина красная», Анатолий Дмитриевич Заболоцкий; выпускник 1965 г. – заслуженный артист России Юрий Александрович Кузнецов; выпускник 1988 г. – Герой России Игорь Николаевич Ахпашев...»

Выступая на конференции, Игорь Леонидович Кызласов отметил, что ему дорого присутствовать в стенах школы, где учился его отец, держать слово на этом замечательном мероприятии, посвящённом его памяти. Ведь надо отметить, что всё время учиться, не останавливаясь в своём развитии на достигнутом и завещал будущему поколению Л. Р. Кызласов.

Нелишне в этой связи привести тут заметки Татьяны Потаповой по случаю юбилея (газета «Хакасия»). Она задаётся вопросом: что значит «увидеть жизни истинную суть»? Это значит максимально реализовать себя в жизни: в науке, которая невозможна без творчества; в творчестве, что невозможно без логического порядка в голове; а обе эти ипостаси, в свою очередь, более чем проблематичны без нравственных качеств. И потому именно нынешние юбилейные мероприятия удивительно разносторонне расширили горизонты восприятия, особенно у молодёжи, многогранной личности Леонида Романовича Кызласова. Причём не только как учёного, о трудах которого можно узнать из книг, монографий, публикаций, воспоминаний коллег, из новой стационарной экспозиции «Мемориальный зал Л. Р. Кызласова», ставшей своеобразной дверью в залы главного музея республики и встречающей гостей словами: «Хакасия начинается здесь». Не только! Ведь сам Леонид Романович Кызласов и в шутку, и всерьёз говорил, что «лопатой выкопал из земли историю родного края».

24 марта 2024 г. на торжественном заседании Совета старейшин родов хакасского народа под сводами музея собрались не только именитые учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Кызыла, представители научного сообщества и общественных организаций, а также и родственники Леонида Романовича Кызласова – из столицы Москвы, Красноярска, Абакана и со всей Хакасии. Это мероприятие собрало большую семью Л. Р. Кызласова – его детей, внуков, племянников, дальних родственников.

Словами приветствия к собравшимся обратились председатель Республиканского Совета старейшин хакасского народа П. И. Воронин, председатель Верховного совета РХ С. М. Сокол, заместитель Председателя правительства – Главы РХ М. А. Побызиков. С большим интересом слушали выступление председателя Совета ветеранов Республики Хакасия Г. А. Трошкину. Известно, что Галина Алексеевна явилась автором идеи создания памятника Л. Р. Кызласову перед фасадом здания национального музея, а также предложила посмертно ему присвоить звание «Почётный гражданин Республики Хакасия» и издать собрание его трудов и сочинений. В итоговой резолюции заседания её предложения были утверждены единогласным голосованием.

Приехавший из Санкт-Петербурга директор Института истории материальной культуры Российской академии наук, доктор исторических наук А. В. Поляков заострил внимание участников заседания на масштабности личности учёного-археолога Л. Р. Кызласова, который своей неутомимой научно-изыскательской деятельностью снискал среди своих коллег всеобщее уважение, заслужил мировое имя.

Интересное, содержательное выступление, посвящённое юбилею, сделал заведующий кафедрой исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук А. Р. Канторович. Он сопровождал свои слова о Л. Р. Кызласове показом редких фотодокументов с соответствующими комментариями, а также личной оценкой достижений Леонида Романовича как первооткрывателя в археологической науке России XX в.

Н. А. Голованенко, заместитель директора Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова, в своём выступлении рассказала о том, как Л. Р. Кызласов на минусинской земле в год 100-летия музея говорил о своём учителе С. В. Киселёве и пожелал и впредь высоко держать марку легендарного музея Сибири и России.

С нескрываемым интересом участники торжественного мероприятия выслушали выступления сына Л. Р. Кызласова – Игоря Леонидовича Кызласова и дочери – Ирины Леонидовны Кызласовой, которые отметили, что в родном доме царил добрый культ отца, он практически каждый день делился с ними своими новыми поисками. Огонь же

в домашнем очаге, теплоту и душевность в семье всегда поддерживала мама.

Взял слово и автор этих строк. В своём докладе «Леонид Романович Кызласов об этногенезе хакасского народа» постарался на основе работ учёного-востоковеда показать истоки происхождения хакасского народа, его состав, расселение и особенности материальной, общественной и духовной культуры.

Без лишней скромности могу сказать, что мне довелось принять самое непосредственное участие в изготовлении и установлении памятной металлической доски на хребте Сальджур горной системы Западного Саяна. Самая высокая гора в Хакасии теперь называется «Гора Кызласова». Не лишне отметить, что это первая в России горная вершина, носящая имя учёного-археолога.

Гора Кызласова с памятной доской

С повышенным интересом слушали видеообращение ученика Л. Р. Кызласова, 84-летнего доктора исторических наук Н. Д. Архипова из Республики Саха-Якутия. Он подчеркнул, что в Саха-Якутии учёные-археологи прекрасно знают труды и заслуги хакасского учёного с мировым именем Л. Р. Кызласова и внимательно следят за тем, как на его родине, в Хакасии, учёное сообщество благоговейно хранит память о его достойной жизни и деятельности.

В адрес торжественного заседания Совета старейшин хакасского народа поступили приветственные адреса; от генерального директора «Государственный Эрмитаж» М. Б. Пиотровского (Санкт-Петербург), генерального директора «Государственный исторический музей» А. К. Левыкина (Москва), от директора Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН А. И. Кривошапкина, лауреата Государственной премии РФ, академика РАН В. И. Молодина (Новосибирск), от директора «Национальный музей имени Алдан-Маадыр К. А. Бичелдея (Кызыл, Республика Тыва) и других.

Проведённое заседание Совета старейшин хакасского народа стало яркой вехой в истории дальнейшего культурного развития Хакасии. Оно было нацелено на привлечение внимания общества, на формирование исторической памяти и преемственности поколений, приверженности к ценностям, которые ярко отражают самобытное духовное, историческое и культурное развитие хакасского народа и единство многонационального народа Хакасии.

С особым интересом, и это понятно, были восприняты выступления ближайших родственников Леонида Романовича — об истории рода Кызласовых, семейной атмосфере, отношениях...

«Речь об истории рода заходила практически на каждой встрече нашей родни, — сказал Евгений Евгеньевич Кызласов, племянник Л. Р. Кызласова, приехавший из Красноярска. — Дядя для меня — огромный авторитет. Мы все интересны друг другу. И хотя мой отец Евгений Романович и тётя Клара Романовна были в своих профессиях достаточно далеки от археологии, но они увлечённо следили за работой имени того брата. Наверное, ещё и потому, что отношения в большой семье были... пожалуй, даже трепетные!»

«Это было золотое время во всех отношениях, — вспоминает Ирина Кызласова. — Родители были молодые и энергичные, в расцвете лет. Мои родители прожили вместе более 60 лет. Они были как единое целое — это любовь. И довольно редкая. Мы выросли в атмосфере этой любви, папа с мамой дополняли друг друга. Мама нас с братом воспитывала жёстко — такая была традиция в её семье. А папа — милейший и добрейший человек. Когда мы с братом попадали в какие-то детские передраги, без которых никто не вырос, согласитесь, то бежали в кабинет папы. И если ты уж пересекал эту черту, этот порог, то был, что называется, спасён. Помню, папа, говоря о нас с братом, однажды обронил: «Одного ребёнка я отдал России (это он имел в виду меня), другого подарил Хакасии (это уже об Игоре, который продолжил его археологическую науку).

В детстве мы часто ездили на дачу, которая находилась в нескольких десятках километров от Москвы. Рядом с дачей — относительно рядом, на горизонте виднелся древнерусский монастырь, который основал и при котором жил в своё время известный всему православному миру Сергей Радонежский. Отец не раз привозил нас туда и рассказывал нам о святом Сергее Радонежском, древней истории Руси, её иконописном искусстве — да так, что я уже в те годы прониклась любовью к прошлому своей Родины, старинным мастерам изобразительного, и не только, искусства. Это и определило впоследствии выбор моей научной деятельности. Папа был добрый и обаятельный человек».

Не менее интересными были воспоминания об отце, его научной и практической деятельности и у Игоря Леонидовича. Он, между прочим, в течение всей беседы называл отца ласково-почтительно: «батюшка».

Людмила Владимировна Костякова поведала о том, как Анна Владимировна, верная супруга и соратница Леонида Романовича, до конца своей жизни хранила под подушкой фотографию своего мужа. Наверное, она вспоминала свои поездки с мужем в экспедиции, когда надёжно сопровождала его с чемоданчиком, полным лекарств. «Я её, как могла, успокаивала, — признаётся Людмила Владимировна, — что ей не о чем жалеть, что она прожила с Леонидом Романовичем счастливую достойную жизнь. Что муж при Вас стал известным учёным, профессором, что дети выросли умные, пошли по стопам отца, что Вы вырастили двух

докторов наук. Правдивые слова поддерживали 92-летнюю женщину: они с Леонидом Романовичем прожили хорошую полноценную жизнь, им обоим повезло по судьбе, как повезло и с детьми, ставшими гордостью не только семьи, но и Хакасии».

Главным событием среди обширных мероприятий, посвящённых 100-летию со дня рождения Леонида Романовича Кызласова, стало открытие 26 марта 2024 г. памятника на площади возле главного музея республики. Авторы этого замечательного монумента – архитектор Андрей Белый и скульптор Алексей Чебаненко (Москва). Художники предварительно досконально изучали фото- и видеоматериалы о Леониде Кызласове, на всех стадиях работы советовались с членами семьи своего героя. И результат впечатлил! Монумент – настоящее произведение искусства, где видны характер сильного 45-летнего мужчины и его горделиво-оптимистическая осанка.

В этот ветреный мартовский день звучали тёплые слова от официальных лиц Хакасии, но главные – о мужестве, любви к людям и страсти к науке – были сказаны сыном и дочерью учёного – Игорем и Ириной Кызласовыми. Они отметили, что открытие памятника – крупное событие в истории и культуре республики и оно чрезвычайно значимо и важно, особенно для новых поколений! Это первый памятник, поставленный в России учёному-археологу! Ведь Леонид Кызласов написал, а точнее сказать, «выкопал из земли» историю своей земли от древних времён и Средневековья до XX в. А без истории, как любил повторять учёный, нет не только науки археологии, но и нет будущего для всех последующих поколений.

Я в своём выступлении на открытии монумента отметил, что Л. Р. Кызласов вернулся на свою историческую родину, вернулся памятником в свой родной дом. Действительно, кто, как не он, практически создал этот музей, уже почти 20 лет правомерно носящий его имя. Всю жизнь Леонид Романович работал ради Хакасии и России. Он навсегда останется в сердцах нашего народа. Он, всё сделавший для возрождения правдивой истории нашей древней земли. К этому Леонид Романович был призван наукой и, конечно, родной Хакасией. Его достойная,

впечатляющая достижениями и событиями жизнь, уверен, будет служить наглядным примером для всех молодых людей.

Теперь Леонид Романович навсегда прописан там, где в творческом горении билось его неуёмное сердце, где он обретал вдохновение для своих трудоёмких изыскательских работ, где он преданно служил археологической науке, предназначенной ему большой судьбой.

А теперь – самое удивительное...

После этих слов, сами понимаете, должно было состояться описание открытия величественного монумента Л. Р. Кызласову, то есть реального снятия белого полотна с величественной скульптуры. Но случилось чудо, иначе и не скажешь: Леонид Романович Кызласов сам открыл себе памятник! Во время одного из выступлений порывом его родного степного ветра стянуло покрывало с фигуры учёного, отлитого в бронзе, и герой события воочию предстал перед людьми, пришедшими поклониться его памяти.

Порыв степного ветра... Объяснение, по сути, объективное, но нельзя не увидеть в этом мистический знак! Да, Кызласов вернулся на свою землю, в свой родной дом, и первый сам предъявил этот свершившийся факт нам, современным людям. Он правомерно и заслуженно ждал этого счастливого исторического момента!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло более пятидесяти лет с начала 70-х гг. XX в., отечественная историография за этот период не создала обобщающих академических трудов по истории Отечества. За это время два поколения наших соотечественников пережило грандиозные потрясения и коренные изменения в общественном строе. Советский период нашей истории является уникальным явлением в истории человечества. Непонимание гуманитарной составляющей в функционировании общества привело к колоссальным трагедиям.

За это время изучение истории Руси и других стран Восточной Европы и Северной Азии значительно продвинулось. Появились

новые научные работы по истории разных эпох на указанной территории. Наступило время для обобщающих работ.

В настоящее время, наконец, происходит важное событие – началось издание академической 20-томной «Истории России», которая призвана обобщить современные научные знания. В этом 2024 г. увидел свет второй том «Истории России», которая охватывает более чем семи-вековой исторический период – с VI по середину XIII столетия. В работе рассматривается история государств и народов Восточной Европы (Русь, Волжская Булгария, Хазария, Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ, Приуралье, Юго-Восточная Прибалтика), Сибири (Тюрские каганаты, государства уйгуров, хакасов, кимаков) и Дальнего Востока (государство Бохай, империя Цзинь).

Пятая часть тома полностью посвящена истории народов Сибири и Дальнего Востока за период VI – начало XIII в. (С. 897–956)²⁸. Раздел, посвящённый Сибири, написан на основе трудов отца и сына Кызласовых. Л. Р. Кызласов и И. Л. Кызласов своими исследованиями добились того, что настоящая история Хакасии и хакасского народа стала достоянием всего нашего общества на все времена.

²⁸ История России: в 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середина XIII века. Становление и развитие Руси / Ин-т российской истории РАН. М.: Наука, 2024. 1055 с.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беликова, О. Б. Леонид Романович Кызласов. Воспоминания об учёбе в Томском государственном университете // Труды Томского областного краеведческого музея: материалы межрегиональной научно-практической конференции «Шатиловские чтения – 2009». 2009.
2. Белявский, М. Т. Слово о Великой Победе: [о Л. Р. Кызласове] // Вестник Московского университета. Серия 9, История. М., 1975. № 2. С. 16.
3. Боргояков, М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959. С. 135–139.
4. Городская цивилизация Сибири и Срединной Азии: постановка тематики исторических и археологических исследований / Р. А. Кызласов. Достояние поколений. № 1(5). 2009.
5. Доможаков, Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан, 1956. С. 64–70.
6. История России: в 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середина XIII века. Становление и развитие Руси / Ин-т российской истории РАН. М.: Наука, 2024. 1055 с.
7. История Хакасии с древнейших времён до 1917 года / под ред. Л. Р. Кызласова. М.: Наука, 1993. 525 с.: ил.
8. Киселёв, С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы исследования по археологии СССР. № 9. М.-Л., 1949. С. 315.
9. Козьмин, Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск: Изд-во Иркут. секции науч. работников Рабпроса, 1925. С. 186.
10. Кызласов, И. Л. Биографический очерк «Археолог Леонид Романович Кызласов» // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. № 1. Алма-Ата, 2017.
11. Кызласов, И. Л. Очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Леонид Романович Кызласов (1924–2007): библиографический справочник / М-во культуры Респ. Хакасия, ГБУК РХ «НБ им. Н. Г. Доможакова»; [сост.: И. Л. Кызласов, А. А. Ищенко; под общ. ред. И. Л. Кызласова]. Абакан, 2014. 176 с.
12. Кызласов, И. Л. Притяжение археологии. Довоенная провинциальная история // КСИА. Вып. 241. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 437–444.
13. Кызласов, И. Л. Свидетельство научного становления студента Леонида Романовича Кызласова // Сборник мат-лов межрегиональной научно-практической конференции «IX Кызласовские чтения». 25–30 октября 2019 г. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. С. 6–12.

14. Кызласов, И. Л. Целенаправленность и самообразование в профессиональном формировании профессора Л. Р. Кызласова // Сборник материалов межрайонной научно-практической конференции «VIII Кызласовские чтения». Абакан: Гамма, 2019. С. 3–18.
15. Кызласов, И. Л. Этническое определение древностей // Сборник материалов межрайонной научно-практической конференции «VII Кызласовские чтения». М.: Перо, 2018. С. 3–14.
16. Кызласова Ирина. Жизнь и судьба: «Пульсировала бесконечность в груди, в запястье и в виске». К 100-летию Л. Р. Кызласова // Хакасия. №№ 26, 28, 31 от 7, 14, 21 марта 2024 г.
17. Кызласов, Л. Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII веков // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 13. Абакан, 1969. С. 5–20.
18. Кызласов, Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1986 с.
19. Кызласов, Л. Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении): пособие для учителя. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1989. 56 с.
20. Кызласов, Л. Р. Древняя Тува: (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1979. 206 с.: рис., табл. Библиогр. в подстроч. примеч.
21. Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 88–129.
22. Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1969. 212 с.: рис., табл. Библиогр. в примеч. С. 176–205.
23. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века: учебное пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1984. 167 с.
24. Кызласов, Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1996. С. 49.
25. Кызласов, Л. Р. Слово о Великой Победе // Хакасия. 1995. 13 мая.
26. Кызласов, Л. Р., Кызласов И. Л. Ключевые вопросы истории хакасов // Сборник статей. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2016. С. 10.
27. Кызласов, Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины / отв. ред. С. В. Киселёв. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1960. 197 с.: рис., табл. Библиогр. в подстроч. примеч. С. 188.
28. Левашёва, В. П. Рецензия // Советская археология. 1962. № 3. С. 322–324.
29. Ленин, В. И. ППС. Ин-т марсизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Том 11. С. 91.
30. Ленин, В. И. ППС. Ин-т марсизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Том 45. С. 370.

31. Леонид Романович Кызласов // Библиографический справочник / под общей редакцией И. Л. Кызласова, 2-е издание, исправленное и дополненное. Абакан, 2015.
32. Липский, А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // Советская этнография. 1966. № 1. С. 105–118.
33. Народные рисунки хакасов [XVII – начало XX в.] / Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев; Москов. гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова, ист. фак. М.: «Наука», 1980.
34. Окладников, А. П. Важный вклад в историю народов Южной Сибири: полторы тысячи лет истории Тувы и Минусинской котловины в зеркале археологии // Сибирские огни. 1973. № 1. С. 144–152.
35. Плетнёва, С. А. Рецензия // Советская археология. 1971. № 1. С. 296–299.
36. Потапова Татьяна. Увидеть жизни истинную суть. Статья к 100-летию Л. Р. Кызласова // Хакасия. № 34 от 28 марта 2024 г.
37. Пурунғылар істерін хорбалап = По следам древности: сборник статей / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. На хакасском языке. Абакан: Хакаское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2024. 312 с.
38. Смирнов, А. П. К вопросу об археологической культуре // Советская археология. 1964. № 4. С. 5.
39. Смирнов, А. П. Рецензия // Советская археология. 1971. № 1. С. 298–301.
40. Спалевич, А. Памятник великому учёному // Абакан. № 13 от 3–9 апреля 2024 г.
41. Сунчугашев, Я. И. Новая книга по истории Тувы // Учёные записки. Вып. 16. Абакан, 1971. С. 219.
42. Торосов, В. М. Дела минувших лет. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2017.
43. Шалагин, Н. О. Оглахтинская крепость как ресурс для экологического туризма в Республике Хакасия // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «X Кызласовские чтения». Абакан: Хакаское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2022.

Научно-популярное издание

Асочаков Андрей Серафимович

Наукой и Хакасией призванный

Корректор *Е. В. Чезыбаев*

Компьютерная вёрстка: *Д. В. Боргояков*

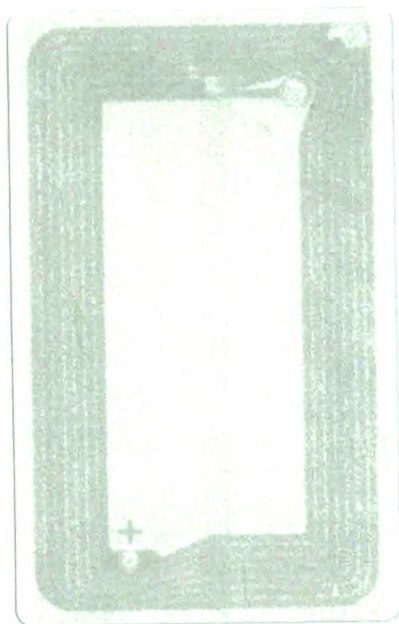
Дизайн обложки: *В. Г. Киштеев*

Подписано в печать 28.10.24. Формат 70х90 1/16.

Печ. л. 12,0. Тираж 1350 экз. Заказ № 930.

Отпечатано в типографии

ООО "ПОЛИМЕРНАЯ УПАКОВКА", 650004, Российская Федерация,
Кемеровская область - Кузбасс обл, Кемеровский г.о., г Кемерово, ул Сибирская, д. 35А.

Андрей Серафимович Асочаков —
историк, экономист,
мастер делового администрирования,
кандидат исторических наук